

ISSN 2311-9470

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Основан в 2013 году

Выпуск 6

Минск
2018

Сборник подготовлен Центром международных исследований факультета международных отношений БГУ. В него вошли научные статьи известных ученых-международников и молодых исследователей.

Статьи посвящены актуальным проблемам современных международных отношений и глобального развития. Книга будет полезна преподавателям, аспирантам, студентам, научным работникам – специалистам в области международных отношений.

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

кандидат политических наук *Е. А. Достанко*

(составитель и научный редактор), БГУ, Беларусь;

доктор философских наук *А. М. Байчоров* (главный редактор),
БГУ, Беларусь;

доктор исторических наук *П. И. Бригадин*, БГУ, Беларусь;

доктор политических наук *В. Н. Ватыль*, Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы, Беларусь;

доктор социальных наук *Я. Дворак*, Клайпедский университет, Литва;

доктор философских наук *Л. Е. Криштапович*, БГУКИ, Беларусь;

доктор исторических наук *К. П. Курьлев*, РУДН, Россия;

доктор политических наук *Ю. И. Малевич*, БГУ, Беларусь;

доктор политических наук *С. В. Решетников*, БГУ, Беларусь;

доктор исторических наук *М. Э. Чесновский*, БГУ, Беларусь;

доктор исторических наук *В. Г. Шадурский*, БГУ, Беларусь;

доктор философии *С. Хурсой*, Эге Университет, Турция;

доктор экономических наук *С. А. Якубовский*,

ОНУ им. И. И. Мечникова, Украина

Actual problems of international relations and global development – annual collection of scientific papers (ISSN 2311 – 9470 (print), book series), established in 2013 by the Center for International Studies of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, Minsk. This is a publication on international relations with a special focus on the history of international relations, political problems of international relations, global and regional development.

Being included in the international academic discourse, it is international in editorial board and topic coverage. The papers from recognized experts and promising scholars from Belarus, Russia, Ukraine, European and Central Asian countries are introduced in editions. Prospective contributors from other countries are also invited to present their approaches to the solutions of the current issues of international agenda. The edition welcomes publication of reviews, articles in English.

E d i t o r i a l B o a r d

Dastanka Alena, PhD, scientific editor, Belarusian State University, Belarus;

Baichorov Aleksandr, Doctor, Editor-in-Chief,

Belarusian State University, Belarus;

Brigadzin Petr, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Vatyl Viktor, Doctor, Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus;

Dvorak Jaroslav, Doctor, Klaipėda University, Lithuania;

Krishtapovich Lev, Doctor, Belarusian State University
of Culture and Arts, Belarus;

Kurylev Konstantin, Doctor, RUDN University, Russia;

Malevich Yuliana, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Reshetnikov Sergey, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Chasnouski Mecheslau, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Shadursky Victor, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Hursoy Siret, Doctor, Ege University, Turkey;

Yakubovsky Serhiy, Doctor, Odessa National I. I. Mechnikov University,
Ukraine

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	6
<i>Байчоров А. М.</i> Евразийская интеграция и европейская безопасность	7
<i>Ван Фа.</i> Отдельные аспекты взаимодействия Китая и России в торгово-экономической сфере	21
<i>Володькин А. А.</i> Внешняя политика Литвы, Латвии и Эстонии в отношении Евросоюза в 1990-е гг.	34
<i>Демьянович Ю. Э.</i> Этнорелигиозные противоречия в Югославии: исторический и современный контекст	55
<i>Зуев И. В.</i> Политика Швейцарской Конфедерации в сфере безопасности человека	72
<i>Лещеня И. А.</i> Воздействие регионального фактора на палестино- израильское урегулирование (2002–2010 гг.)	89
<i>Пахомова А. В.</i> Экономическая дипломатия КНР в регионе Южно-Китайского моря	112
<i>Пашковская Е. О.</i> Влияние миграционного кризиса на отношения Великобритании и ЕС	129
<i>Сунь Инцзе.</i> Китайско-белорусское сотрудничество в области образования (1992–2018 гг.)	147
<i>Тарас Д. А.</i> Организации белорусской диаспоры в России в конце XX – начале XXI в.	165
<i>Тихомиров А. В.</i> Политика Республики Беларусь в отношении Сирийской Арабской Республики в 2011–2018 гг.	183
<i>Froltsov V. V.</i> International cooperation of the Republic of Belarus in Promotion of sustainable development and human rights	202

CONTENT

<i>Preface</i>	6
<i>Baichorov A. M.</i> Eurasian integration and European security	7
<i>Wang Fa.</i> Separate aspects of Interaction of China and Russia in the trade and economic sphere	21
<i>Valodzkin A. A.</i> The foreign policy of Lithuania, Latvia and Estonia towards the European Union in 1990s.	34
<i>Dzemyanovich Y. E.</i> Ethno-religious contradictions in Yugoslavia: historical and modern context	55
<i>Zuyeu I. U.</i> Human security policy of the Swiss Confederation	72
<i>Leshchenya I. A.</i> The regional factor impact on the Palestinian-Israeli settlement (2002–2010)	89
<i>Pakhomava A. V.</i> Economic diplomacy of PRC in the South China Sea region	112
<i>Pashkouskaya E. O.</i> The impact of the migration crisis on the relations between the UK and the EU.	129
<i>Sun Yingjie.</i> Cooperation between China and Belarus in the sphere of education (1992–2018)	147
<i>Taras D. A.</i> Organizations of the Belarusian diaspora in Russia at the end of XX – beginning of XXI centuries	165
<i>Tsikhamirau A. V.</i> Policy of the Republic of Belarus towards the Syrian Arab Republic in 2011–2018	183
<i>Froltsov V. V.</i> International cooperation of the Republic of Belarus in Promotion of sustainable development and human rights	202

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития – ежегодный сборник научных статей – создан в 2013 г. Центром международных исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Минск). Он представляет собой издание по международным отношениям с особым акцентом на историю международных отношений, политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Сборник включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим и политическим наукам и является международным по авторскому коллективу и составу редколлегии. В нем публикуются признанные и перспективные исследователи из Беларуси, России, Украины, стран СНГ и Европы.

Приглашаем ученых и из других стран представить на страницах издания свои подходы к решению международных проблем современности. Приветствуются публикации рецензий, статьи на английском языке.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

А. М. БАЙЧОРОВ

*Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь*

В статье показано, что во втором десятилетии XX в. перестали выполняться важнейшие соглашения, лежавшие в основе европейской безопасности с конца прошлого столетия. И российское руководство, и руководство ЕС первоначально были положительно настроены в отношении интеграции интеграций – создания единого экономического и политического пространства от Лиссабона до Владивостока.

С 2014 г. ситуация поменялась. Значительный вклад в расшатывание основ европейской безопасности внесли крупнейшие западные и российские СМИ. Мюнхенская конференция по безопасности 2018 г. показала значительную дивергенцию мнений европейских политиков по поводу набора общих угроз, в том числе таких, как рост политического радикализма, ненормированная миграция, проведение гибридных операций, влияющих на результаты выборов.

Россия использует в своей внешней политике целый набор инструментов, который может быть охарактеризован, как «острая сила». В статье продемонстрировано, что накал противостояния между Россией и Западом продолжает негативно сказываться на состоянии европейской безопасности и процессах евразийской интеграции.

Ключевые слова: европейская безопасность; интеграция интеграций; ЕАЭС; ЕС; региональные межправительственные организации; средства массовой информации; вызовы и риски; общие угрозы; международный порядок; острая сила.

Введение. В этой статье под евразийской интеграцией будем понимать интеграционные процессы на Евразийском материке в целом, а под европейской безопасностью – безопасность на пространстве ОБСЕ.

В силу ряда причин ситуация с европейской безопасностью в конце второго десятилетия XXI в. складывалась очень не просто. Из пяти основных документов международного права, которые составляли фундамент европейской безопасности с конца XX в., три фактически не выполняются. Это заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который фиксировал нерушимость послевоенных европейских границ; Договор по

вооруженным силам в Европе (ДОВСЕ); основополагающий акт Россия – НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности 1997 г. Однако некоторые российские эксперты, например А. В. Фененко, считают, что в акте закреплены на 70 % натовские интересы и только на 30 % российские, поэтому не стоит огорчаться по поводу его невыполнения¹. Перспектив по восстановлению статуса трех вышеназванных соглашений в сфере европейской безопасности не просматривается.

Цель данной статьи – проанализировать процесс отхода от партнерских отношений в Европе, от идеи интеграции интеграций к состоянию конфронтации.

Хронологические рамки событий, анализируемых в статье, – второе десятилетие XXI в.

Актуальность проведенного исследования заключается в том, что Республика Беларусь является участником и процесса евразийской интеграции, и системы европейской безопасности. Адекватное осознание их современного состояния позволяет своевременно реагировать на возникающие вызовы и угрозы.

Методы исследования. При проведении исследования автор опирался на принцип историзма, использовал общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, дедукция) и специальные исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, структурный, системный подходы), применил аналитические методики (метод описательного анализа).

Объектом исследования являются процессы евразийской интеграции и состояние европейской безопасности.

Предмет исследования – процессы евразийской интеграции и состояние европейской безопасности во второй декаде XXI в.

Обзор литературы по теме. Существует достаточно обширная литература по вопросам европейской безопасности в доконфронтационный период (т. е. до 2014 г.). К. Звольски анализирует вклад Европейского союза в укрепление системы международной безопасности [4]. М. Ларивэ в своей монографии рассматривает процесс становления европейской политики безопасности и обороны [2]. С. Хофманн пытается разобраться в вопросе, зачем при наличии НАТО

¹ Выступление доцента факультета мировой политики МГУ А. В. Фененко в дискуссии на телепередаче ТВЦ «Право голоса» 19 февраля 2018 г.

европейцам нужна собственная политика в области безопасности. Автор приходит к выводу, что именно традиционные партийные идеологии заставляют европейских лидеров вести речь об общей внешней политике и политике в сфере безопасности (*CFSP*) и о европейской политике в сфере безопасности и обороны (*ESDP*) [1].

Известные российские политики и ученые при изучении этого вопроса уделяли внимание в основном политическим, экономическим и правовым вопросам организации процессов интеграции на евразийском пространстве.

В их статьях представлен широкий спектр сложившихся официальных позиций и экспертных мнений, отражающих принципиальное единство и известные различия в подходах к пониманию сути и целей, механизмов и форм, темпов и последствий евразийской интеграции [6].

Со сравнительным анализом общих и отличительных характеристик европейской и евразийской интеграции, политической системы и политических институтов Европейского союза и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) можно познакомиться в статье профессора Санкт-Петербургского университета Ю. В. Косова «Сравнительный институционально-политический анализ европейской и евразийской интеграции» [5].

Некоторым аспектам европейской и евразийской интеграции, например экономическим, было уделено больше внимания в работах ученых из стран СНГ [8; 11].

С 2011 г. Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР) публикует аналитические доклады, основанные на результатах исследований. За время, прошедшее с момента создания, ЦИИ ЕАБР зарекомендовал себя серьезным и надежным источником качественной аналитики в области интеграции в Евразии [7; 9; 10; 12]

Описываемые в статье процессы происходили на наших глазах всего несколько лет назад или продолжают в режиме реального времени, поэтому белорусские и международные исследователи пока не опубликовали сколько-нибудь фундаментальных работ по этой теме.

Важнейшими источниками для проведенного анализа стали программные статьи и выступления реально действующих политических

лидеров – президентов, министров иностранных дел, а также политические документы.

Одной из первых попыток осмыслить судьбы европейской безопасности в свете последних событий стало исследование российского ученого Д. Тренина «Европейская безопасность: от управления противостоянием к новому эквilibriumу», опубликованное в сентябре 2018 г. Московским центром Карнеги [3]. Проанализировав современное положение, исследователь приходит к выводу, что нынешнее противостояние России и Запада – это всерьез и надолго, и пока нет рецептов его преодоления. Наилучшим вкладом в европейскую безопасность в этих условиях будет воздержание от шагов, способных привести к ее дальнейшему обострению.

Определенный вклад в понимание актуальных проблем европейской безопасности через призму интересов Республики Беларусь вносят публикации руководителя инициативы «Минский диалог» Е. Прейгермана. Рассматривая возможные геостратегические и региональные последствия открытия в Польше военной базы, он приходит к выводу, что в этом случае для безопасности Беларуси и Украины возникнут дополнительные угрозы.

Результаты исследования. Проведенный в статье анализ показывает, что судьбы евразийской интеграции поставлены под вопрос в условиях нарастающей конфронтации между Россией и Западом. Более того, в этих условиях Республике Беларусь все тяжелее будет претендовать на роль независимого брокера в российско-украинском конфликте.

Если оценивать состояние европейской безопасности в конце второго десятилетия XXI в. с позиций развития межгосударственных отношений, то ситуация видится практически безнадежной. Однако в XXI в. фундаментом европейской безопасности все больше служат отношения не только между государствами, но и между интеграционными экономическими блоками, между региональными организациями в сфере безопасности, между транснациональными корпорациями и транснациональными банками Европы. Все большее влияние на состояние европейской безопасности оказывают позиции крупнейших европейских средств массовой информации.

Первоначально лидеры России положительно отнеслись к идее интеграции интеграций. В известном интервью В. В. Путина немец-

кой газете «Зюддойче Цайтунг» в 2010 г., в статьях накануне президентских выборов в России 2012 г. президент России неоднократно высказывался за создание единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, за сближение между Таможенным союзом Беларуси, Казахстана и России (ТС) и Евросоюзом². В феврале 2013 г. президент В. В. Путин подписал новую Концепцию внешней политики Российской Федерации. В IV разделе «Региональные приоритеты» взаимоотношения с ЕС описываются сразу после взаимоотношений в СНГ и перед всеми другими региональными организациями. Взаимоотношениям с Евросоюзом посвящено семь положений раздела. Провозглашается, что «основной задачей в отношениях с Европейским союзом для России как неотъемлемой, органичной части европейской цивилизации является продвижение к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана»³.

Создатели ТС и Евразийского экономического союза утверждали, что строят их по правилам ВТО и лекалам ЕС. В продолжение этой линии в 2015 г. глава Евразийской экономической комиссии (ЕАЭК) В. Христенко направил Памятную записку главе Еврокомиссии с предложением установить формальные отношения между ЕС и ЕАЭС. После неоднократных напоминаний председатель Европейской комиссии (ЕК) Ж. К. Юнкер дал, наконец, на нее ответ в письме на имя В. В. Путина, где подчеркнул, что в создавшейся политической ситуации ЕС не готов к сотрудничеству с ЕАЭС. Тот факт, что глава ЕК направил свой ответ не в ЕАЭС, а президенту РФ, свидетельствует о том, что в ЕК не рассматривают ЕС и ЕАЭС в качестве равноправных партнеров. Впрочем, для этого есть весомые основания: ВВП ЕАЭС составляет 1 трлн долл., а ЕС – 16 трлн.

25 января 2018 г. в Минске состоялся дискуссионный круглый стол по случаю перехода председательства в ЕАЭС к Российской Федерации. С докладом «Приоритеты председательства России в ЕА-

²Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия [Электронный ресурс]. – URL : <https://iz.ru/news/502761> (дата обращения : 24.09.2018); Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Моск. новости [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения : 24.09.2018).

³Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февр. 2013 г. // М-во иностр. дел Российс. Федерации [Электронный ресурс]. – URL : http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения : 24.09.2018).

ЭС» выступил заместитель директора Первого департамента стран СНГ МИД России С. П. Ежов. Отвечая на вопрос латвийского дипломата о позиции ЕАЭС по отношению к ЕС, он отметил, что эта позиция изложена в памятной записке В. Христенко 2015 г., поэтому сейчас «мяч на стороне Брюсселя». В Обращении Президента России В. Путина к главам государств – членов Евразийского экономического союза, направленном 18 января 2018 г., взаимодействие или сотрудничество с ЕС вообще не упоминается⁴. Однако выступивший на упомянутом круглом столе посол России в Беларуси А. А. Суриков подчеркнул, что «не снимается вопрос о создании единого пространства от Лиссабона до Владивостока».

В условиях антироссийских санкций и позиции, занятой Ж. К. Юнкером, Евразийская комиссия проводит в отношении ЕС своеобразную *double track diplomacy*.

Во-первых, развивает контакты с Еврокомиссией на рабочем уровне по техническим вопросам (фитосанитарного контроля, стандартизации и т. п.). Визит делегации ЕК в ЕАЭК в ноябре 2017 г. ознаменовал начало неполитического диалога по техническим отраслевым вопросам.

Во-вторых, предпринимаются попытки расколоть единый фронт европейских стран путем заключения соглашений с некоторыми из них. Евразийской комиссии удалось подписать декларацию о сотрудничестве между ЕАЭС и правительством Греции и меморандум о сотрудничестве с правительством Венгрии. В данном случае Москва использует Евразийскую комиссию в качестве рычага для того, чтобы раскачать режим антироссийских санкций.

С одной стороны, развитие сотрудничества между ЕС и ЕАЭС является заложником сложившейся политической ситуации в Европе, а с другой – даже незначительные успехи на пути установления взаимодействия между этими интеграционными объединениями могли бы стать первыми шагами на пути восстановления европейской безопасности.

Определенным драйвером по сближению ЕС и ЕАЭС могли бы стать крупнейшие транснациональные корпорации и транснациональные банки Европы. «Бритиш петролиум», «Рургаз», «Симменс»,

⁴Обращение Президента России Владимира Путина к главам государств – членов Евразийского экономического союза. 18 янв. 2018 // Президент России [Электронный ресурс]. – URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/56663> (дата обращения : 24.09.2018).

«Тоталь», «Шелл», «Сосьете женераль» и ряд других европейских транснациональных корпораций и банков, во-первых, сохраняют достаточно крупные инвестиции на рынках стран ЕАЭС; во-вторых, видят возможность получения значительных прибылей при использовании фактора дополненности евразийских и европейских экономик.

Российские компании, включая госкорпорации, также видят перспективы сохранения и развития бизнеса на европейском рынке. Антироссийские (и ответные российские) экономические санкции больше всего ударили по интересам крупного европейского и российского бизнеса, поэтому именно транснациональные корпорации и транснациональные банки могли бы стать важными акторами в снижении напряженности на евразийском материке.

Непосредственное влияние на состояние европейской безопасности оказывают региональные военно-политические межправительственные организации. Секретариат Организации договора по коллективной безопасности (ОДКБ) неоднократно (формально и неформально) обращался в Секретариат НАТО с предложением установить сотрудничество. Ответа не последовало. Однако неформально Секретариат НАТО дал понять, что НАТО не готова к такому сотрудничеству, чтобы не повышать международный статус ОДКБ, которую руководство Североатлантического альянса рассматривает как региональную организацию «второго сорта».

Как представляется, определенный вклад в укрепление европейской безопасности могло бы внести установление сотрудничества между НАТО и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), имеющей более чем 1000-километровую границу с альянсом. Думается, такое сотрудничество могло бы стать важной гарантией сохранения стабильности в Центральной Азии и Закавказье. Правда, после принятия в члены ШОС Индии и Пакистана будущее направление развития самой ШОС пока видится весьма туманным.

Судьбы межгосударственных отношений в Европе и общеевропейской безопасности во многом определяются позицией такого важного актора, как европейские и мировые СМИ. Пять лет подряд все ведущие государственные теле- и радиоканалы России утверждали, что на Украине в начале 2014 г. произошел государственный переворот и к власти незаконно пришли «бендеровцы и фашисты». Поэтому крымчане, жители Донецкой и Луганской областей имели за-

конное право выступить против такой власти. Большинство россиян не имеют доступа к альтернативным источникам информации, поэтому в результате многолетнего систематического промывания мозгов стали разделять оценки и позиции российских государственных СМИ. В такой ситуации кремлевские политики смогли, не покрывив душой, утверждать, что в своей антиукраинской политике выполняют «волю народа».

Ведущие печатные и электронные СМИ Запада обвиняют Москву в поддержке сепаратистов Донбасса и в аннексии украинского Крыма с нарушением норм международного права. Общественное мнение в Западной и Центральной Европе и Северной Америке разделяет эти оценки, поэтому, обвиняя Россию в агрессии против Украины, западные политики также выражают «волю народа» (а не только позицию военно-промышленного комплекса, как утверждают некоторые российские эксперты).

Трудно сказать, что может в ближайшей перспективе изменить сложившееся под влиянием СМИ общественное мнение на Западе в отношении России. Ведь некоторые еще помнят, к каким последствиям привело согласие европейских политиков с аннексией Судетской области Чехословакии в 1938 г. Вместе с тем не уйти от непреложного факта, что ЕС и ЕАЭС были и остаются соседями, которым жить бок о бок друг с другом.

Безусловно, будет выработан со временем какой-то *modus vivendi*, который позволит им сосуществовать на одном материке. Однако об укреплении европейской безопасности говорить можно будет только тогда, когда вернется доверие сторон друг к другу.

На протяжении более двадцати лет после распада СССР партнерство России и ЕС служило краеугольным камнем европейской безопасности. Сегодня они – соперники (слава Богу, пока не враги).

В состоявшейся в феврале 2018 г. в Мюнхене традиционной международной конференции по безопасности приняли участие ведущие европейские политики, которые обратили внимание на то, что судьбы европейской безопасности зависят не только от состояния взаимоотношений Россия – ЕС.

Важно, чтобы лидеры Европы сформировали единое представление об основных вызовах и рисках для европейской безопасности. Выступившая на конференции премьер-министр Великобритании

Т. Мэй подчеркнула, что ее страна выходит из ЕС, но не уходит из Европы, и предложила выработать соглашение по безопасности между Лондоном и Брюсселем.

Канцлер Австрии С. Курц убеждал собравшихся, что главным вызовом в сфере безопасности для Европы является наплыв незаконных мигрантов, и, следовательно, главное внимание должно быть обращено на укрепление внешних границ Евросоюза.

Премьер-министр Франции Э. Филипп полагал, что главной угрозой остается международный терроризм. З. Габриэль, министр иностранных дел ФРГ, отметил, что Европа нуждается не только в совместном применении каких-то внешнеполитических инструментов, но еще больше в генерировании внутреннего взаимодействия (*cohesion*).

Европейские политики постарались предложить в ходе обсуждений на Мюнхенской конференции очертания всеобъемлющей стратегии в сфере безопасности, которая должна систематизировать представления о наборе общих угроз, включая такие, как рост политического радикализма, ненормированная миграция, операции, влияющие на результаты выборов. Новая стратегия должна исходить из того, что риски для европейской безопасности взаимосвязаны и способны иметь разрушительные последствия, ставящие под угрозу само единство ЕС⁵.

Фактически европейская безопасность сегодня – это то, что находится за пределами зоны безопасности вокруг Российской Федерации. В умах европейских политиков и в общественном мнении утвердился подход, что Россия превратилась в основного экспортера угроз в Европе.

Кремль изыскивает объективные возможности для продвижения своей внешнеполитической повестки дня, эксплуатирует слабости Запада, чтобы стать влиятельным актором во все большем числе регионов и стран. Москва активно ищет себе партнеров и союзников (в Пекине, Анкаре, Тегеране и Дамаске) и постепенно подрывает международный порядок, созданный Вашингтоном.

После того как экономика России восстановилась после кризиса 1990-х гг., ее внешнеполитический потенциал и силы безопасности

⁵ Munich Security Conference: Europe's elusive common security policy // Deutsche Welle [Electronic resource]. – URL : www.dw.com/en/munich-security-conference-europes-elusive-common-security-policy/a-42630505?maca=en-rss-en-world-4025-rdf. (accessed : 24.09.2018).

получали все больше и больше ресурсов в свое распоряжение. Сегодня Москва использует в своей внешней политике целый набор инструментов, который может быть охарактеризован как «острая сила» («*sharp power*»).

Используются: 1) экономическое влияние; 2) политическое влияние; 3) информационное пространство; 4) военные связи. Несмотря на трудности во взаимоотношениях с Западом, глобальное влияние России будет расти.

При этом представляется справедливым вывод директора Московского центра Карнеги Д. Тренина о том, что новая конфронтация между Россией и Западом, гибридная война являются системными и будут продолжаться многие годы. У нее глубокие корни, ее нельзя разрешить легко или быстро [3].

Поскольку экономические позиции Российской Федерации в противостоянии с ЕС слабы, постольку Кремль пытается превратить фактор силы в доминирующий фактор европейской безопасности и международных отношений в целом.

Некоторые московские эксперты уверены, что проецирование российских интересов с помощью «острой силы», противостояние политике сдерживания Запада с помощью асимметричных ответов является на сегодняшний день наиболее эффективной внешнеполитической стратегией.

Больше других этих асимметричных ответов опасаются в Польше и странах Балтии. В ходе сентябрьского визита 2018 г. в Вашингтон польский президент А. Дуда предложил США открыть на польской территории американскую военную базу. Он пообещал назвать ее «Форт Трамп» и выделить 2 млрд долл. для компенсации связанных с открытием базы расходов.

Если это произойдет, то окончательно будет поставлен крест на основополагающем акте Россия – НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности 1997 г., который предусматривал, что НАТО будет воздерживаться от дополнительного постоянного размещения значительных боевых сил в новых государствах-членах. По мнению Е. Прейгермана, появление американской военной базы в Польше создаст серьезную проблему для политики соседства Евросоюза. «Форт Трамп, – пишет Е. Прейгерман, – имел бы значительные последствия для программы Восточного партнерства, этот проект

(база – А.Б.) означал бы, что ухудшение безопасности в Восточной Европе продолжится, либо она вообще развалится»⁶.

Выводы. Первоначально евразийская интеграция должна была имитировать европейскую и строиться по лекалам ВТО. Лидеры Таможенного союза и ЕС благожелательно относились к идее интеграции интеграций. Республика Беларусь с ее экспортно ориентированной экономикой активно выступала за создание общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. Эту идею официально поддерживал и президент России В. В. Путин. Ускоренно продвигая образование ЕАЭС, Москва хотела бы более равноправного статуса в ходе переговоров с западными странами по экономическим и политическим вопросам.

Общенациональный кризис на Украине, начавшийся в 2013 г., был воспринят в России как непосредственная угроза ее безопасности. Присоединение Крыма к Российской Федерации и поддержка Москвой самопровозглашенных республик на востоке Украины вызвали резкую реакцию в западных столицах, обвинивших Кремль в агрессии и нарушении норм международного права. Началась санкционная война, вернулась политика по сдерживанию России. В этой ситуации Москва не смогла уделять должного внимания и ресурсов евразийской интеграции, которая по многим позициям начала про буксовывать.

Санкционная война поставила под вопрос имплементацию юридически и политически обязывающих документов, лежащих в основе европейской безопасности. И российская, и западная стороны предприняли ряд шагов, которые фактически разрушили систему доверия в военно-политической области. В сложившейся ситуации невозможно вернуться к принципам Хартии новой Европы. Конфронтация в Европе всерьез и надолго. Главное внимание в ближайшей перспективе следует уделять не прожектам по созданию системы общеевропейской безопасности, а выработке стратегии небольших конкретных шагов по недопущению дальнейшей эскалации напряженности.

⁶ *Preiherman Y.* Belarus and Ukraine: Fort Trump's Accidental Victims? // The European Council on Foreign Relations (ECFR) [Electronic resource]. – URL : https://www.ecfr.eu/article/commentary_belarus_and_ukraine_fort_trump_accidental_victims. (accessed : 24.09.2018).

Библиографические ссылки

1. *Hofmann C. S.* European Security in NATO's Shadow. – Cambridge : Cambridge Univ. press, 2015. – 278 p.
2. *Larive M.* Debating European Security and Defence Policy. – London : Routledge, 2014. – 280 p.
3. *Trenin D.* European Security : from Managing Adversity to a New Equilibrium // Моск. центр Карнеги [Электронный ресурс]. – URL : carnegieendowment.org/files/CP329_Trenin_Euro_Security_WEB.pdf (дата обращения : 24.09.2018).
4. *Zwolski K.* The European Union and International Security : Developing a Comprehensive Approach // European Security, Terrorism and Intelligence / Ed. by C. Kaunert, S. Leonard. – London : Palgrave Macmillan, 2013.– P. 17–39.
5. *Глиттова Я., Косов Ю. В.* Сравнительный институционально-политический анализ европейской и евразийской интеграции // Управленческое консультирование. – 2016. – № 7. – С. 27–40.
6. Евразийская интеграция в XXI веке / ред. группа: А. А. Климов [и др.]. – М. : ЛЕНАНД, 2012. – 288 с.
7. Европейский союз и Евразийский экономический союз : долгосрочный диалог и перспективы соглашения. – СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2016. – 40 с.
8. *Искаков И. Ж.* Проблемы и перспективы интеграции евразийского пространства // Известия АлтГУ [Электронный ресурс]. – URL : <http://izvestia.asu.ru/2011/4-2/pols/TheNewsOfASU-2011-4-2-pols-04.pdf> (дата обращения : 24.11.2018).
9. Количественный анализ экономической интеграции европейского союза и евразийского экономического союза : методол. подходы. – СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2014. – 62 с.
10. Конфликт двух интеграций. – М. : Экон-Информ, 2015. – 241 с.
11. *Кошель А.* Политические детерминанты евразийской интеграции // Междунар. жизнь [Электронный ресурс]. – URL : <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1168> (дата обращения : 24.11.2018).
12. Тупик борьбы интеграций в Европе // Евразийский банк развития [Электронный ресурс]. – URL : <https://eabr.org/upload/iblock/6cb/tupik-borby-integratsiy-v-evrope-polnaya-versiya.pdf>. (дата обращения : 24.11.2018).

Дата поступления статьи: 26.11.2018.

Образец цитирования: *Байчоров А. М.* Евразийская интеграция и европейская безопасность // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2018. Вып. 6. С. 7–20.

Автор: Байчоров Александр Мухтарович – доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: albaichorov@mail.ru.

EURASIAN INTEGRATION AND EUROPEAN SECURITY

A. M. Baichorov

Belarusian State University, Minsk, Republic Of Belarus

Abstract. The article demonstrates that the most important agreements underpinning the European security since the end of the preceding century stopped being implemented in the second decade of the 21st century. The Russian leaders and EU leaders initially favorably viewed the idea of «integration of integrations»: creating a common economic and political space from Lisbon to Vladivostok. This has changed since 2014. Powerful Western and Russian media made a substantial contribution to undermining the foundations of the European security. Munich Security Conference 2018 demonstrated an essential diversion of the European politicians' opinions on the number of common threats, including the growth of political radicalism, the abnormal migration and conducting of hybrid operations, which could influence the elections' results. The Russian Federation uses in its foreign policy a number of tools, which could be described as «sharp power». The article demonstrates that the level of confrontation between Russia and the West persistently negatively affects the situation in European security and the development of the Eurasian integration.

Key words: European security; integration of integrations; EAEU; EU; regional intergovernmental organizations; mass media; challenges and risks; common threats; international order; sharp power.

References

1. Hofmann, C. S. (2015). *European Security in NATO's Shadow*. Cambridge University press, 278 p.
2. Larive, M. (2014). *Debating European Security and Defence Policy*. London, Routledge, 280 p.
3. Trenin, D. (2018). *European Security: From Managing Adversity to a New Equilibrium*. Carnegie Moscow Center. URL: carnegieendowment.org/files/CP329_Trenin_Euro_Security_WEB.pdf. (accessed 24.09.2018).
4. Zwolski, K. (2013). The European Union and International Security: Developing a Comprehensive Approach. In: Kaunert C., Léonard S. (eds). *European Security, Terrorism and Intelligence*. Palgrave Studies in European Union Politics. London, Palgrave Macmillan, p. 17–39.
5. Glittova, Y., Kosov, Y. V. (2016). Comparative Institutional and Political Analysis of the European and Eurasian Integration. In: *Administrative Consulting*. 7, p. 27–40. (In Russ.).
6. Klimov, A. A. (eds.) (2012). *Evrazijskaya integraciya v XXI veke [Eurasian Integration in the XXI Century]*. Moscow, LENAND, 288 p. (In Russ.).
7. Vinokurov E., Pereboyev V. (eds.) (2016). *Evropejskij soyuz i Evrazijskij ehkonomicheskij soyuz: dolgosrochnyj dialog i perspektivy soglasheniya. [The European Union and the Eurasian Economic Union: long-term dialogue and prospects for agreement]*. St. Petersburg, Publ, CIS EDB, 40 p. (In Russ.).

8. Iskakov, I. Zh. (2011). Problemy i perspektivy integracii evrazijskogo prostranstva. [Problems and prospects of the integration of the Eurasian space]. In: News of AltGU. URL: <http://izvestia.asu.ru/2011/4-2/pols/TheNewsOfASU-2011-4-2-pols-04.pdf>. (accessed 24.11.2018). (In Russ.).
9. Vinokurov E., Pelipas' I. V. (Eds.) (2014). Kolichestvennyj analiz ehkonomicheskoy integracii evropejskogo soyuza i evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza: metodologicheskie podhody. [Quantitative analysis of the economic integration of the European Union and the Eurasian Economic Union: methodological approaches]. St. Petersburg, Publ. CIS EDB, 62 p. (In Russ.).
10. Vinokurov E. (eds.) (2015). Konflikt dvuh integracij [Conflict of two integrations]. Moscow, Publ. Ehko-inform , 241 p. (In Russ.).
11. Kosheľ' A. (2014). Politicheskie determinanty evrazijskoj integracii. [*Political* determinants of Eurasian integration]. In: International life. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1168> (accessed 4.11.2018). (In Russ.).
12. Vinokurov E. (eds.). (2014). Tupik bor'by integracij v Evrope. [The deadlock of the struggle of integration in Europe]. URL: <https://eabr.org/upload/iblock/6cb/tupik-borby-integratsiy-v-evrope-polnaya-versiya.pdf>. (accessed 24.11.2018). (In Russ.).

For citation: Baichorov, A. M. (2018). Eurasian Integration and European Security. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 7–20.

About author: Baichorov Aleksandr Mukhtarovich – Doctor of sciences in Political Science, professor of the International Relations Department of the Belarus State University; e-mail: albaichorov@mail.ru.

Received: 26.11.2018.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИТАЯ И РОССИИ В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

ВАН ФА

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

Автор исследует проблемы исторического развития внешнеторговых связей России и Китая в контексте современных изменений в мировой экономической и политической обстановке.

На основе широкого круга аналитических материалов и с привлечением значительного количества статистических данных проанализировано развитие торгово-экономических отношений Китая и России в 2014–2017 гг.

Рассмотрена динамика развития трех ключевых секторов российско-китайского сотрудничества: экспортно-импортные операции, прямые иностранные инвестиции и энергетический торговый потенциал. Отмечены объективные факторы, обусловившие снижение уровня взаимной торговли двух стран в 2015–2016 гг. Выделены наиболее успешные проекты и программы российско-китайского сотрудничества.

Определены основные направления, проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества Китайской Народной Республики и Российской Федерации.

Проведен детальный анализ действующих договорных отношений обеих стран в энергетической сфере, на основе чего представлен прогноз выбора стратегических приоритетов межгосударственного партнерства. Автор обосновывает тенденцию поляризации мира как основу и предпосылку формирования стратегического альянса России и Китая в глобальном противостоянии с Соединенными Штатами Америки.

В результате проведенного исследования автор обозначил важные шаги, которые Россия может сделать, чтобы интенсифицировать сотрудничество с Китаем.

Ключевые слова: Россия; Китай; торгово-экономическое сотрудничество; экспортно-импортные операции; энергетическое сотрудничество; прямые иностранные инвестиции; интеграция.

Введение. За последние десятилетия Китай постепенно превратился в один из центров мировой геополитики и был признан в этом качестве всем международным сообществом. Этому в первую очередь способствовали значительные изменения геоэкономических параметров Китая, который уверенно занимает второе место в мире по

главным экономическим показателям, а по некоторым опережает США, оставляя позади все другие государства.

Значительный геополитический потенциал позволяет КНР осуществлять реальное влияние на ход глобальных процессов и действовать на международной арене без оглядки на многочисленных стратегических партнеров. При необходимости Китай охотно использует свой растущий вес и влияние в глобальных международных объединениях и региональных организациях.

Несмотря на общие декларации о многополярном мире, в глобальной политике Китай позиционирует себя как новый центр силы мировой политики (наряду с США и ЕС) и, естественно, он никогда не будет вступать в равноправные политические альянсы и блоки без претензий на лидерство и доминирование. Слишком большая разница между Китаем и его партнерами по международному сотрудничеству. Подобный подход касается, разумеется, и России [1, с. 89].

Цель статьи состоит в систематизации аналитических материалов в сфере торгово-экономического сотрудничества Китая и России за 2014–2017 гг., а также освоении нового видения российско-китайских взаимоотношений в ближайшей перспективе.

Методы исследования. На всех этапах исследования становления и развития современных форм социально-экономического сотрудничества для органической взаимосвязи целого и отдельных частей автором применяется метод анализа и синтеза. Этот метод позволяет проанализировать разнообразную информацию на основе широкого использования научных источников и сформировать целостные знания о взаимоотношениях между двумя странами в современный период. Значительное внимание также уделено анализу документальной базы и степени ее научной разработки. Существенное значение для понимания развития межгосударственного экономического сотрудничества в различных секторальных аспектах, для выявления проблем, которые его тормозили, а также выявления ключевых факторов влияния имеет эмпирико-аналитический анализ приоритетных форм, направлений, главных тенденций развития взаимоотношений между КНР и странами Центральной Европы в контексте современных вызовов.

Обзор литературы по теме. Проблемы политического и экономического развития Китая исследуются учеными России, Беларуси и

стран СНГ. Особенности современного политического и экономического развития Беларуси и Китая рассматривается в работе Ю. Шевцова [2]. Среди научных источников российской историографии можно выделить работы, посвященные «мягкой силе» и ее теоретическим основам, в частности, статьи И. В. Радикова [3], С. В. Кривохиж [4], Е. М. Харитоновой [5], В. М. Капицына [6]; труды, в которых изучается «мягкая сила» КНР, а именно: работы О. Н. Борох [7], А. В. Ломанова [8], А. В. Бояркиной¹, [9] и других.

В фокусе внимания ученых-экономистов и экспертов находятся теоретические аспекты межгосударственной экономической интеграции, которая определяет направления развития торгово-экономического сотрудничества на современном этапе. В основу таких исследований специалисты закладывают опыт европейской интеграции и интеграционных союзов на постсоветском пространстве², [10].

В то же время крайне мало исследований посвящено анализу качества экономического сотрудничества, его результатам и интенсивности влияния на внутренние социально-экономические процессы в стране. До сих пор теоретически не осмыслены условия и факторы, определяющие эффективность такого рода сотрудничества, а также возможные негативные последствия, которые могут возникнуть в современное время жесткой межгосударственной конкуренции, когда заключение соглашений с одной страной в лучшем случае может повлечь за собой прекращение торгово-экономических отношений с другой страной, в худшем – изоляцию и применение санкций.

Результаты исследования. Для Китая современная Россия не конкурент в геоэкономическом плане, но она является важной составляющей современного геополитического ландшафта. А китайское руководство не без оснований считает себя одним из архитекторов нового мирового устройства. Поэтому взаимодействие с «соседним братом» может быть весьма полезным, особенно учитывая огромные природные ресурсы России.

ВВП Китая в 2016 г. в структуре мирового ВВП составил 18,259 %, что выше уровня 2014 г. на 1,369 %. Стоит отметить, что Китай по данному показателю занимает второе место, опережают его

¹Бояркина А. В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв. : дис. ... канд. полит. наук. – Владивосток, 2015. – 223 с.

²Ван Сяо Чунь. Государственное регулирование модернизации китайской экономики в условиях глобализации : дис. канд. экон. наук. – Улан-Удэ, 2009. – 191 с.

только США (24,41 %). Россия в рейтинге 2017 г. занимает 13-ю позицию с 1267,55 млрд долл. и долей в мировом ВВП 3,159 %. Сложность положения России обусловлена вводом санкций и усложнением общеполитической обстановки в мире, связанной в первую очередь с конфликтом с Украиной [11].

Экспортно-импортные операции. В 2015–2016 гг. отмечалось существенное снижение товарооборота России и Китая. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. он снизился сразу на 61 %. При этом экспорт товаров в Китай из России снизился на 23,7 %, тогда как сумма импорта товаров – почти в 2 раза. Это обусловлено необходимостью диверсификации торгового баланса России в связи с проблемами во внешнеэкономической политике и падением российского рубля. 2016 год показал схожую с 2014 годом тенденцию: объем экспорта составил 27,4 млрд долл., импорта – 27,9 млрд долл. [12].

Положительные тенденции наметились в 2017 г. Прирост суммы внешнеторгового оборота по сравнению с 2016 г. составил 29,5 млрд долл. (+53,3 %). Однако показатель 2017 г. все же ниже на 3,5 % (-3,1 млрд долл.) максимального внешнеторгового оборота за исследуемый период (2014 г.). Рост экспорта в 2017 г. по сравнению с 2016 г. составил 11,3 млрд долл. (+41,2 %), импорта – 18,2 млрд долл. (+65,2 %) [11].

Таким образом, 2017 год ознаменовался существенным ростом торговли между двумя странами, что позволило нарастить Китаю валютную выручку, поскольку внешнеторговое сальдо операций с Китаем было отрицательным для России и составило 7,4 млрд долл.

Более точно о развитии торгово-экономических отношений России и Китая можно говорить, проанализировав динамику доли Китая в структуре внешнеторгового баланса России.

Доля Китая в экспорте/импорте России в 2014–2017 гг. увеличивалась с каждым годом. Так, доля импорта увеличилась в 2017 г. по сравнению с 2014 г. на 3,29 %. Доля экспорта за аналогичный период возросла на 3,3 %. При этом доля товарооборота с Китаем увеличилась за 2014–2017 гг. на 7,96 %.

Увеличение экспорта из России в Китай в 2017 г. по сравнению с 2014 г. произошло практически по всем категориям товаров. Наибольший прирост отмечается по продуктам животного происхождения – 694 млн долл. (+74,15 %); машинам, оборудованию и аппарату-

ре – 660 млн долл. (+45,52 %); древесине и изделиям из нее – 650 млн долл. (+25,9 %). Снижение отмечается по следующим товарным группам: минеральные продукты – 2,7 млрд долл. (-9,34%), продукция химической промышленности – 340 млн долл. (-23,13%) [11].

Наибольший удельный вес товаров, экспортируемых из России в Китай, в 2017 г. составили минеральные ресурсы (68 %), что ниже уровня 2014 г. на 9 %. Вторую позицию занимает раздел «Древесина и изделия из нее» – 8 % (+1% к уровню 2014 г.). Доля остальных видов продукции варьировалась от 0,1 % до 5,0 % [11].

Несмотря на общую положительную оценку роста экспорта товаров из России в Китай, следует отметить и негативные тенденции. Так, доля сельскохозяйственной и продовольственной продукции сократилась в 2017 г. по сравнению с 2016 г. на 1,2 %.

Рост был зафиксирован только по продаже рыбы и морепродуктов (5,6 %). Поставки по товарной группе «Пищевые продукты животного происхождения» в 2017 г. по сравнению с 2016 г. уменьшились на 1%.

Наибольшее снижение импорта товаров из Китая в Россию в 2017 г. по сравнению с 2014 г. произошло по следующим категориям товаров: текстиль – 1,4 млрд долл. (-28,51 %), металлы и изделия из них – 620 млн долл. (-15,78 %), разные промышленные товары – 680 млн долл. (-20,0 %), пластмассы, каучук и резина – 6980 млн долл. (-26,44 %), транспорт – 590 млн долл. (-24,58 %) и т. д. Существенный прирост отмечается только по продуктам растительного происхождения – 1,08 млрд долл., а также по машинам, оборудованию и аппаратуре – 600 млн долл. (+2,56 %) [11].

В структуре импорта товаров в Россию из Китая в 2014–2017 гг. преобладали: машины, оборудование и аппаратура (52 % – 2017 г., +6 % к 2014 г.); текстиль (8 % – 2017 г., -2 % к уровню 2014 г.); металлы и изделия из них (7 % – 2017 г., -1 % к 2014 г.); разные промышленные товары (6 % – 2017 г., -1 % к 2014 г.) [11].

По оценкам китайских и российских специалистов, замедление динамики взаимной торговли в 2015–2016 гг. было обусловлено рядом объективных факторов, сформировавшихся в 2014 г., отложенный эффект которых проявился с начала 2015 г.

Во-первых, это общая геополитическая напряженность, осложнение ситуации вокруг военно-политического конфликта на Украине,

введение западными странами экономических санкций в отношении России, ухудшение показателей динамики мировой торговли, в том числе снижение спроса на зарубежных товарных рынках, волатильность глобального финансового рынка, долговые проблемы стран ЕС и США. Во-вторых, замедление темпов экономического роста из-за негативных тенденций в мировой экономике как в России, так и в Китае определило падение темпов прироста товарооборота.

В-третьих, падение мировых цен на энергоносители и сырьевые товары, которые составляют более 80 % российского экспорта в Китай.

В-четвертых, резкие курсовые колебания российского рубля, в том числе к китайскому юаню, обусловили снижение покупательской способности российских потребителей китайской продукции.

В-пятых, усиливающееся давление нисходящего тренда во внешней торговле Китая, начавшегося в 2014 г. и в полной мере проявившегося в 2015 г. Так, согласно таможенной статистике, внешне-торговый оборот Китая в 2015 г. сократился на 6,9 %, в том числе экспорт увеличился на 1,0 %, импорт сократился на 15,5 %. Отрицательная динамика отмечается не только в торговле с Россией, но и с основными внешнеторговыми партнерами Китая. Например, товарооборот с ЕС сократился на 6,7 %, с Японией – на 10,6 %, Германией – на 8,9 %. Незначительный рост отмечен в торговле с США – 4,0 % и с АСЕАН – 1,6 %.

Инвестиционное сотрудничество. В число государственных корпораций, осуществляющих наиболее крупные прямые зарубежные инвестиции, кроме нефтегазовых, входят четыре высокотехнологичных: «China Mobile», «China Unicom» (мобильная связь), «China Telecom» (телекоммуникации) и «Цзиндунфан» (информационные технологии). Государственная автомобильная компания «Chery Automobile» обошла своих конкурентов («Hundai», «Ford», «Nissan») по инвестициям в расширение технологических возможностей. Стремительно развивались два китайских судостроительных гиганта «China Shipbuilding Industry Corporation» и «China State Shipbuilding Corporation».

Китайские государственные ТНК вызывают обеспокоенность у конкурентов, которые считают, что их мощная поддержка китайским государством приводит к искажению условий конкуренции.

По данным Государственного статистического управления (ГСУ) КНР, объем российских прямых инвестиций в экономику Китая в 2017 г. составил 23,84 млн долл. (против 74,43 млн долл. в 2016 г., снижение – 67,5 %). При этом общее количество российских инвестиционных проектов в КНР достигло 211 против 150 в 2017 г.

Российские и китайские компании в 2014–2017 гг. заключили несколько десятков соглашений о сотрудничестве, которые будут вносить свой вклад в рост инвестиций на протяжении нескольких лет. Традиционно средства инвестируются в разработку полезных ископаемых, лесное хозяйство, энергетику, торговлю, бытовую электротехнику, связь, строительство и сферу услуг.

Для России выгодна долгосрочность подобных инвестиций, но существуют и определенные риски – китайские бизнесмены вкладывают средства в российские компании с целью получить доступ к производству, особенно к получению контроля над предприятиями, в импорте продукции которых заинтересован Китай.

Причина этого – наращивание импорта ресурсов в связи с расширением производства и модернизацией промышленной базы в некоторых регионах страны, а также с падением общего уровня цен на энергоресурсы. Также к рискам при ведении бизнеса с Китаем относятся задержки предоставления финансирования после подписания соглашений, одна из причин задержек – замедление темпов роста экономики Китая.

К примеру, еще в 2013–2014 гг. были осуществлены вложения китайских инвесторов в российские проекты: «Ямал СПГ» – 810 млн долл., «Металлы Восточной Сибири» – 750 млн долл., проекты с ГК «Синтез» – 1,1 млрд долл., но даже в 2015 г. продолжались переговоры относительно стоимости и условий поставок природного газа по проекту строительства газопровода «Сила Сибири» и относительно финансирования строительства завода «Ямал СПГ».

Новой тенденцией в 2017 г. стал интерес китайских инвесторов к покупке 10–15 % крупных российских компаний, в основном сырьевых. Так китайские инвесторы получают возможность влиять на стратегию российской компании. По мнению экспертов, с 2016 г. китайские инвесторы будут вкладывать средства не только в нефтегазовую отрасль и другие отрасли по добыче полезных ископаемых, но и в другие секторы российской экономики [7].

Сотрудничество в энергетической сфере. Заключение газового контракта (газопровод «Сила Сибири», 2015 г.) руководством Российской Федерации с Китайской Народной Республикой послужило толчком к усилению интеграции двух стран. По состоянию на 21 марта 2018 г. линейная часть газопровода «Сила Сибири» построена на 75,5 % (1629,3 км линейной части газопровода от Чаяндинского месторождения до Благовещенска). Следует отметить, что попытки подписания газового контракта с Китаем были начаты Россией еще в 2004 г. Однако на протяжении почти десяти лет не удавалось договориться о цене на российский газ. В 2014 г. импортные поставки в Китай составляли треть от общего объема потребления страной природного газа, при этом 54 % поставлялось трубопроводным транспортом из Центральной Азии и Мьянмы, а 46 % составлял сжиженный газ³.

В данном контексте рассмотрим показатели экспорта газа и нефти из России в Китай за 2014–2017 гг.

Сжиженный газ поставляется в Китай через терминалы в портах, его цена выше, чем на трубопроводный газ, но при этом внутри страны почти не требуется его транспортировка, поскольку главные потребители находятся на востоке страны. В целом внутренние цены на газ в Китае регулируются государственными органами, что при относительно небольшой доле импорта газа в общем потреблении дает возможность поддерживать цены для потребителей на невысоком уровне.

После политики реформ открытости (проведена в 1978 г. по инициативе крыла прагматиков Коммунистической партии Китая, которое возглавлял Дэн Сяопин) уровень потребления ресурсов и энергии «Мировой фабрикой» значительно вырос [13]. Научно-исследовательский институт экономики и техники опубликовал «Доклад Китая по энергетике в 2017 году», который показывает, что зависимость Китая от импортируемой нефти достигла 59,5 % (чистый импорт нефти составил 308 млн тонн, увеличившись на 5,7 %).

В Китае из-за медленного развития отрасли добычи природного газа зависимость от иностранных импортеров достигла 32,2 %, доля импорта природного газа выросла до 59 млрд кубометров (в том числе, передача природного газа по трубопроводам составила 52,5 %),

³Бояркина А. В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук. – Владивосток, 2015. – 223 с.

импорт сжиженного природного газа (СПГ (*LNG*)) составил 47,5 %. В настоящее время зависимость от наиболее востребованных импортруемых металлов такова: железная руда – 53,6 %, алюминий – 52,9 %, рафинированная медь – 69 %, калийные удобрения – 52,4 % [14].

Поставки сырой нефти в физических объемах в Китай в 2017 г. увеличились по сравнению с 2014 г. на 32,2 %, по сравнению с 2016 г. – на 19,1 %.

В стоимостной оценке данный показатель за 2014–2017 гг. снизился за счет падения цен на нефть на 9,7 %. Доля сырой нефти в общем объеме минерального сырья в 2017 г. составила 87 %. За счет сильной мировой конъюнктуры на энергоносители, а также значительного увеличения объемов экспорта угля стоимость горюче-смазочных материалов и топлива увеличилась на 66,3 % [11].

Обсуждение результатов исследования. В контексте перспектив реализации наиболее успешных проектов и программ российско-китайского сотрудничества можно выделить следующие:

1. Программа российско-китайского сотрудничества по освоению и использованию лесных ресурсов. Эта программа подразумевает создание китайского союза лесопромышленных предприятий с целью проведения сертификации китайских компаний для работы в России. В рамках программы предусмотрена реализация проектов холдинга *RFT Group*, ОА «Рускитинвест», ООО «Сибирьлес», ООО «Цилинская энергетическая компания “Чжэнтэнь”».

2. В машиностроительной отрасли можно выделить проекты по строительству завода «*Great Wall Motors*» в Тульской области; проекты компании *FAW* с ГК «Автокор» по сборке кроссоверов в Калининграде и ГК «Сумотори» по сборке грузовиков в Приморском крае.

3. В 2016–2017 гг. инвесторы из КНР обсуждали реализацию целого ряда крупных проектов в сфере АПК, в частности: строительство животноводческих комплексов в Томской области и Приморском крае, мукомольный завод в Ульяновской области и морской технопарк в Приморском крае.

Кроме того, в глобальном масштабе можно отметить региональный проект «Восточное энергетическое партнерство» (*NEAREST*), которое предполагает соединение электрических сетей России, Южной Кореи, Китая, Монголии и Японии в единую энергетическую систему с целью трансграничного обмена энергией.

Этот перспективный рынок предоставляет России возможности диверсифицировать свой газовый экспорт и создать энергетические проблемы для Европейского союза. Кроме того, российское руководство позиционирует сотрудничество с КНР в области энергетики как путь к созданию стратегического партнерства. Китай, со своей стороны, заинтересован в продолжении данного внешнеэкономического курса России, потому что имеет (а в перспективе еще больше) значительную выгоду из экономического сотрудничества. В этом контексте равноправное стратегическое партнерство с Китаем, на которое рассчитывает Россия, имеет достаточно шансов на реализацию [15, с. 62].

Стоит все же отметить, что значительным препятствием на этом пути служит дальнейшее углубление взаимозависимости экономик Китая и США.

Так, только торговый оборот этих двух стран в 2017 г. составил 588 млрд долл. (для сравнения – торговый оборот Китая с Россией – 84,8 млрд долл. в 2017 г.). Добавим общеизвестный факт, что Китай является крупнейшим держателем американского госдолга (свыше 1,3 трлн долл.). Понятно, что при таких условиях конфронтация будет невыгодной и деструктивной для обеих стран.

Выводы. На сегодняшний день развитие российско-китайских торгово-экономических отношений рассматривается как один из безусловных, постоянных приоритетов внешней политики обеих стран и представляет существенный фактор их экономического и стратегического развития.

Среди элементов стратегии Китая и собственно стратегического управления, достойных для заимствования Россией, можно назвать следующие:

- создание и поддержание положительного инвестиционного климата для привлечения иностранных инвестиций;
- выбор стратегических приоритетов, прежде всего перспективных отраслей промышленности, которые могут и уже создают конкурентные преимущества на мировом рынке;
- масштабные инвестиции в развитие современной транспортно-логистической инфраструктуры и др.

Три важных шага, которые Россия может сделать, чтобы интенсифицировать сотрудничество с Китаем:

во-первых, изучить, проанализировать и установить потребности и потенциал России в сотрудничестве с Китаем, приобщив к этому процессу, кроме центральных и местных органов исполнительной власти, ассоциации и объединения предпринимателей, исследовательские учреждения, частные компании и общественные организации;

во-вторых, сделать упор на геополитический аспект торгово-экономического сотрудничества путем усиления взаимного противостояния Западу;

в-третьих, увеличить свое присутствие в Китае и широко информировать потенциальных партнеров о возможностях и преимуществах сотрудничества с Россией путем проведения экономических форумов и деловых встреч.

Библиографические ссылки

1. Бергер Я. М. Экономика Китая : о трудностях мнимых и реальных // Свобод. мысль. – 2011. – № 9. – С. 81–92.
2. Шевцова А. А. Сотрудничество Беларуси с Китаем : регион. аспект // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. – 2016. – Вып. 2. – С. 384–387.
3. Радиков И. В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2012. – № 2. – С. 19–26.
4. Кривохиж С. В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 13. – 2012. – Вып. 3. – С. 103–112.
5. Харитонова Е. М. Эффективность «мягкой силы» : проблема оценки // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2015. – № 6. – С. 48–58.
6. Капицын В. М. Космополитизм – компонент мягкой силы и глобального управления // Обозреватель – Observer. – 2009. – № 10. – С. 70–79.
7. Борох О. Н. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобал. политике. – 2012. – № 4. – С. 54–67.
8. Ломанов А. В. «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура : к 65-летию КНР. – М. : Форум, 2014. – С. 40–56.
9. Бояркина А. В. Превентивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» КНР // Вестн. ЗабГУ. – 2015. – № 09 (124). – С. 50–57.
10. Белорусско-китайский культурный диалог : история, соврем. состояние, перспективы : сб. науч. ст. / [под науч. ред. Н. Н. Хмельницкого]. – Минск : РИВШ, 2014. – 96 с.
11. Статистика внешнего сектора ЦБ РФ // ЦБ РФ [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs> (дата обращения : 03.04.2018).
12. Внешнеэкономическое обозрение // Rusakcent [Электронный ресурс]. – URL : http://rusakcent.ru/media/spec_3_2015.pdf (дата обращения : 03.04.2018).

13. Чу Лин. Энергетическое сотрудничество между КНР и РФ в политическом аспекте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопр. теории и практики. – 2014. – № 9. – С. 202–205.
14. China statistical yearbook 2017 // National Bureau of Statistics of China [Electronic resource]. – URL : <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm> (date of access : 27.01.2018).
15. Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / при участии К. Барыш ; Центр европ. реформ ; Моск. центр Карнеги. – М., 2012. – 90 с.

Дата поступления статьи: 26.11.2018.

Образец цитирования: Ван Фа. Отдельные аспекты взаимодействия Китая и России в торгово-экономической сфере // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2018. Вып. 6. С. 21–33.

Автор: Ван Фа – аспирант факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск; e-mail: 1394903742@qq.com.

SEPARATE ASPECTS OF INTERACTION OF CHINA AND RUSSIA IN THE TRADE AND ECONOMIC SPHERE

WANG FA

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

In article the author spun problematic issues of historical development of the foreign trade communications of Russia and China in the context of modern changes in a world economic and political situation. On the basis of a wide range of analytical materials development of trade and economic relations of China and Russia for 2014–2017 is analysed. Three key sectors of the Russian-Chinese cooperation are considered: export-import transactions, direct foreign investments and energy trade potential.

The main directions, problems and the prospects of trade and economic cooperation of China and Russia are defined. The detailed analysis of the operating contractual relations of both countries in the power sphere is carried out on the basis of what the forecast of the choice of strategic priorities of interstate partnership is submitted. The author proves a trend of polarization of the world as a basis and a prerequisite of formation of strategic alliance of Russia and China in global opposition with the United States of America.

As a result of the conducted research the author designated important steps which Russia can make to intensify cooperation with China.

Key words: Russia; China; trade and economic cooperation; export-import transactions; power cooperation; direct foreign investments; integration.

References

1. Berger Ya. M. (2011). Economy of China: about difficulties imaginary and real. In: *the Free thought*, 9, p. 81–92.
2. Shevtsova A. A. (2016). Cooperation of Belarus with China: regional aspect. In: *Ways of Celestial Empire: collecting scientific works*, 2, p. 384–387.
3. Radikov I. V. (2012). «Soft power» as modern attribute of the great power. In: *World economy and international relations*, 2, p. 19–26.
4. Krivohizh S. V. (2012). «Soft power» and public diplomacy in the theory and foreign policy practice of China. In: *the Bulletin of the St. Petersburg University. It is gray*, 3, p. 103–112.
5. Kharitonova E. M. (2015). Efficiency «soft forces»: assessment problem. In: *World economy and International relations*, 6, p. 48–58.
6. Kapitsyn V. M. (2009). Cosmopolitanism component of soft power and global management. In: *Obozrevatel-Observers*, 10, p. 70–79.
7. Boroch O. N. (2012). From «soft power» to «cultural power». In: *Russia in global policy*, 4, p. 54–67.
8. Lomanov A. V. (2014). «Chinese dream» as ideological symbol of the guide of Xi Jinping. In: *People's Republic of China: policy, economy, culture. To the 65 anniversary of the People's Republic of China*. Moscow, Forum, 480 p.
9. Boyarkina A. V. (2015). Preventive diplomacy as tool «soft forces» People's Republic of China. In: *Messenger of ZABGU*, 9 (124), p. 50–57.
10. Belarusian – Chinese cultural dialogue (2014): history, current state, prospects: the collection of scientific articles, ed. N. N. Khmelnytsky. Minsk, RIVSh, 111 p.
11. Statistics of the external sector of the Central Bank of the Russian Federation. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs> (accessed 03.04.2018).
12. External economic review. URL: http://rusakcent.ru/media/spec_3_2015.pdf (accessed 03.04.2018).
13. Chu Ling. (2014). Power cooperation between the People's Republic of China and the Russian Federation in political aspect. In: *Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice*, 9, p. 202–205.
14. China statistical yearbook 2017. In: *National Bureau of Statistics of China*. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2017/indexeh.htm> (accessed 27.01.2018).
15. Petersen A. with the participation of Barysh K. (2012). Center European reforms; Mosk. Carnegie Center. Russia, China and power geopolitics in Central Asia. Moscow, 90 p.

For citations: Wang Fa (2018). Separate aspects of interaction of China and Russia in the trade and economic sphere. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 21–33.

About author: Wang Fa – the graduate student of BGU of faculty of department of the international relations of the Belarusian State University (Minsk); e-mail: 1394903742@qq.com.

Received: 26.11.2018.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЛИТВЫ, ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ В ОТНОШЕНИИ ЕВРОСОЮЗА В 1990–е гг.

А. А. Володькин

Институт истории НАН Беларуси

Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются формирование и развитие внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в отношении Европейского союза в период от официального признания Брюсселем независимости этих государств в августе 1991 г. до начала с ними переговоров о вступлении в ЕС.

Автор анализирует исторические корни и предпосылки формирования прозападной ориентации государств Балтии и показывает влияние на развитие их отношений с ЕС концепции восстановленной государственности и идеи «возвращения в Европу». Также проанализирована роль политических элит и общественного мнения Литвы, Латвии и Эстонии в формировании их устойчивого курса на вступление в ЕС.

Дан хронологический обзор основных событий в развитии отношений между государствами Балтии и Евросоюзом в 1990-е гг., на основании которого выявлены и проанализированы основные этапы в развитии их внешней политики в отношении ЕС.

Первый из этих этапов характеризовался форсированной институализацией отношений с Европейским союзом и охватывал период до получения Литвой, Латвией и Эстонией статуса официальных кандидатов на вступление в ЕС. Основным содержанием второго этапа развития политики этих государств в отношении Евросоюза стало проведение масштабных внутренних реформ, необходимых для выполнения вступительных требований ЕС, а также мобилизация внутренней и внешней поддержки данного курса.

Ключевые слова: государства Балтии; Литва; Латвия; Эстония; внешняя политика; Европейский союз; европейская интеграция.

Введение. О процессе интеграции трех балтийских государств в Европейский союз написано немало. Однако основное внимание в публикациях на эту тему, как и в публикациях о балтийско-российских отношениях, обычно уделяется интересам и политике внешнего актора (в данном случае ЕС) в отношении стран Балтии, в то время как сами Литва, Латвия и Эстония зачастую представляются в качестве пассивных реципиентов этой политики, субъектность которых выражалась только в изначальном выборе внешнеполитических ориен-

тиров, а в дальнейшем – лишь в реагировании на действия внешних акторов.

Такой односторонний взгляд на проблематику балтийско-европейских отношений на этапе до принятия этих стран в ЕС можно отчасти объяснить несопоставимым весом Евросоюза и государств Балтии в международной политике. Однако формирование полноценной картины процесса европейской интеграции Литвы, Латвии и Эстонии без учета их собственной политики в этом вопросе представляется невозможным. Поэтому автор стремится восполнить такие пробелы и проанализировать мотивы формирования курса государств Балтии на вступление в ЕС, факторы, которые способствовали устойчивости этого курса, а также его взаимосвязь с другими направлениями внешней политики этих стран. Такой анализ необходим для формирования целостного представления о развитии внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в период после восстановления их независимости и для понимания стратегий их интеграции в европейскую и мировую политику.

Говоря о значимости европейского вектора во внешней политике государств Балтии, следует вспомнить, что согласно распространенному среди экспертов и исследователей мнению лозунг «возвращения в Европу» появился у движений за национальную политическую самостоятельность Литвы, Латвии и Эстонии еще до международного признания восстановления независимости этих стран. Фактически он стал символом их борьбы за государственную независимость от СССР. Вместе с тем соотношение этого лозунга с последующим курсом на вступление в ЕС не столь однозначно.

С одной стороны, по мере углубления и расширения европейской интеграции в конце XX – начале XXI в. термины «Евросоюз» и «Европа» (как политическая общность) стали все чаще использоваться в качестве синонимов. С другой стороны, летом 1940 г., когда, по утверждению национальных лидеров Литвы, Латвии и Эстонии, эти страны были вырваны из европейской политики советской оккупацией, Европу раздирала Вторая мировая война и ни о какой интеграции речи быть не могло. Следовательно, включение в европейскую интеграцию стало для стран Балтии процессом абсолютно новым и неизвестным, а не возвращением к чему-то хорошо знакомому, что уже имело место в их историческом развитии.

Кроме того, в самом начале 1990-х гг. до вступления в силу Маастрихтского договора лидерство ЕЭС / ЕС в европейской политике еще не было столь очевидным как по влиянию на жизнь в государствах-членах, так и по количественному охвату стран континента. Поэтому, с точки зрения политических элит переходных стран Восточной Европы, присоединение к европейским интеграционным структурам могло рассматриваться в этот период лишь как одно из нескольких направлений их сближения с Западом – наряду со вступлением в Совет Европы, Западноевропейский союз, НАТО и т. д. При этом изменение места ЕС в иерархии их внешнеполитических приоритетов зависело как от успехов европейской интеграции и усиления позиций Брюсселя в международной политике, так и от конкретных перспектив получения каждой из них членства в этом объединении.

Методология исследования. Таким образом, объектом данной статьи выступает внешняя политика трех государств Балтии – Литвы, Латвии и Эстонии. Предметом исследования является развитие политики этих стран в отношении Евросоюза в 1990-е гг. Хронологические рамки включают период от официального признания со стороны ЕЭС независимости Литвы, Латвии и Эстонии 27 августа 1991 г. до переговоров с ними о вступлении в ЕС, которые с Эстонией начались 31 марта 1998 г., а с Литвой и Латвией – 15 февраля 2000 г.

Период проведения вступительных переговоров не рассматривается в данной статье, так как он представлял собой особый этап в отношениях стран-кандидатов с Евросоюзом, который характеризовался своей спецификой.

Поскольку предмет исследования относится к истории международных отношений и внешней политики, было использовано сочетание методов исторической науки, таких как реконструкция хронологии событий и отслеживание развития процессов во времени, с некоторыми подходами теории международных отношений и внешнеполитического анализа. Среди последних следует выделить концепцию примыкания малых стран из неореалистского анализа альянсов С. Уолта (*S. Walt*), а также теорию секьюритизации, предложенную основоположниками Копенгагенской школы исследований международной безопасности Б. Бузаном (*B. Buzan*) и О. Уивером (*O. Waever*), которая, по мнению автора данной статьи, достаточно детально и

четко объясняет ту настойчивость и упорство, с которыми государства Балтии стремились к членству в ЕС и НАТО.

Обзор историографии по теме. Существует достаточно обширная литература по тематике отношений между Евросоюзом и государствами Балтии. Вместе с тем большинство исследователей рассматривает эти отношения сугубо с позиций политики ЕС, не уделяя должного внимания анализу политики Литвы, Латвии и Эстонии по реализации своих интересов в процессе присоединения к европейской интеграции и развития отношений с Брюсселем.

Среди немногочисленных публикаций, в которых эти вопросы рассматриваются, в первую очередь следует упомянуть монументальную монографию голландского профессора П. Ван Елсуwege (*P. Van Elsuwege*) «От советских республик до государств – членов ЕС: правовая и политическая оценка вступления государств Балтии в ЕС» [1]. Хотя основная сфера исследовательских интересов ее автора лежит в области развития европейского права, а не истории международных отношений, работа носит комплексный характер и содержит обширный исторический анализ развития отношений государств Балтии с ЕС.

Так, во второй (из шести) части монографии П. Ван Елсуwege рассматривает международные условия, в которых принимались решения о заключении между ЕС и странами Балтии соглашений первой и второй волны, анализирует положения их Европейских соглашений об ассоциации, а также конституционные преобразования в странах Балтии, обусловленные процессом их сближения с ЕС. Также дается анализ международного контекста развития отношений Литвы, Латвии и Эстонии с ЕС, в частности, рассматривается поддержка их интеграции в Евросоюз странами Северной Европы и влияние российского фактора [1, с. 187–192].

Среди работ авторов из самих государств Балтии следует выделить публикации литовских исследователей Г. Виткуса (*G. Vitkus*) [2] и Р. Вильпишаускаса (*R. Vilpišauskas*) [3; 4], а также литовского дипломата и политика В. Ушацкаса (*V. Ušackas*) [5]. Так, в работе Г. Виткуса анализируются вопросы реализации национального парламентского контроля над политикой ЕС и формирования в парламентах государств Балтии соответствующих структур по координации их взаимодействия с Брюсселем в 1990-е гг. Р. Вильпишаускас,

ныне возглавляющий Институт политологии и международных отношений Вильнюсского университета, уделяет внимание вопросам влияния политических элит на политику стран Балтии в сфере интеграции в ЕС и формированию общественного мнения по этому вопросу [3], а также проблемам трансформации внешнеторговой политики Литвы в процессе ее евроинтеграции [4]. В. Ушацкас рассматривает вопрос о том, чем является Евросоюз для Литвы [5].

Из российских исследований, имеющих отношение к данной теме, необходимо упомянуть работы сотрудника Института Европы РАН В. В. Воротникова⁴ и его научного руководителя академика Р. Х. Симоняна [6; 7]. В своем диссертационном исследовании, посвященном концепциям и приоритетам внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии, В. В. Воротников развивает идеи Р. Х. Симоняна о влиянии так называемой оккупационной доктрины (или концепции восстановленной государственности) на формирование основ внешней политики этих стран.

Взаимодействие стран Балтии с ЕС, правда, уже на более позднем этапе, рассматривается в работе А. Н. Сытина и В. А. Смирнова [8].

В целом же тематика развития отношений между странами Балтии и ЕС не характерна для российской историографии, которая в основном сосредоточена на острых проблемах российско-балтийских отношений, вопросах членства государств Балтии в НАТО и критике их антироссийской риторики в европейских структурах.

В работах белорусских исследователей вопросы развития отношений государств Балтии с ЕС, как и другие вопросы развития их внешней политики (за исключением двусторонних межгосударственных отношений с Беларусью), пока не получили должного освещения. Опосредованное отношение к тематике данной статьи имеют публикации Е. А. Достанко, посвященные комплексному анализу процесса восточного расширения ЕС, в том числе формированию его интеграционной политики в отношении государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Балтии [9; 10].

Результаты исследования. Целью работы является определение места и роли отношений с Европейским союзом в структуре

⁴ Воротников В. В. Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004–2012 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – М. : МГИМО, 2014. – 381 с.

внешнеполитических приоритетов Литвы, Латвии и Эстонии в 1990-е гг. Для достижения этой цели сформулированы следующие задачи:

- проанализировать основные принципы, определявшие внешнюю политику государств Балтии в отношении ЕС;
- выявить роль различных движущих сил в формировании и развитии их курса на вступление в ЕС;
- выделить основные вехи и этапы в развитии отношений Литвы, Латвии и Эстонии с ЕС в рассматриваемый период.

Анализ основных принципов внешней политики государств Балтии. Как отмечают многие исследователи (В. В. Воротников [13], А. Н. Сытин [8], П. Ван Елсуwege [1]), начиная с международного признания независимости государств Балтии в 1991 г., основными принципами, определявшими их внешнюю (а частично и внутреннюю) политику, стали концепция «восстановленной государственности» (которую российские авторы склонны называть «оккупационной доктриной») и лозунг «возвращения в Европу».

Первая предполагала юридическую преемственность современных государств Балтии с Литвой, Латвией и Эстонией межвоенного периода. Такой подход давал балтийским странам многочисленные преимущества.

Прежде всего, он позволил национальным элитам этих республик избежать сложной и длительной процедуры выхода из состава СССР, предусмотренной советским законодательством. Вместо этого они просто объявили свое включение в состав Советского Союза незаконным, поскольку, как отмечалось, оно стало результатом насильственной оккупации 1940 г.

Во-вторых, концепция «восстановленной государственности» позволила лидерам Литвы, Латвии и Эстонии провести четкую грань между своими странами и государствами СНГ, которые до 1991 г. никогда не имели более-менее продолжительного опыта реальной национальной государственности, и претендовать на то, чтобы страны Балтии рассматривались западными государствами и международными институтами в одной группе с переходными странами Центральной и Восточной Европы, которые также обрели свою национальную государственность после Первой мировой войны, а после Второй мировой попали под советский контроль, хотя и не включались в состав самого СССР.

Такой подход имел не только символическое, но и важное практическое значение, как отмечает П. Ван Елсуwege. Именно тот факт, что политическое руководство Литвы, Латвии и Эстонии упорно отстаивало тезис о «восстановленном характере» своей государственности, в итоге побудил ЕЭС уже с января 1992 г. распространить на них действие программы ФАРЭ [1, с. 102], изначально разработанной для помощи в структурной перестройке экономик Польши, Венгрии и других стран ЦВЕ. Эта программа имела гораздо более масштабные цели и объемы финансирования, чем программа ТАСИС, в рамках которой осуществлялась помощь государствам СНГ.

Наконец, декларирование преемственности в отношении довоенных Литвы, Латвии и Эстонии давало возможность их постсоветским правительствам претендовать на возврат прежней зарубежной собственности этих государств (преимущественно дипломатических миссий в Европе и США) и финансовых активов, размещенных ими на депозитах в западных банках. В условиях практически полного отсутствия в первые годы независимости собственных валютных резервов у всех республик бывшего СССР, кроме России, это также давало весомые преимущества.

Что касается лозунга «возвращения в Европу», сама формулировка широко использовалась российскими авторами для ироничных рассуждений на тему того, в какую же Европу собираются «возвращаться» страны Балтии, если Вторая мировая война давно закончилась и того европейского порядка, из которого их «изъяла советская оккупация» в 1940 г., уже давно не существует. Однако в самих государствах Балтии эта ирония не находила понимания, так как прозападная ориентация имела там вполне четкое и развернутое обоснование.

Стоит отметить, что в этих странах она имеет определенные исторические традиции. Еще на заре формирования их национальной государственности в годы Первой мировой войны видные балтийские политические и национальные деятели, такие как Й. Шлюпас (*J. Šlupas*), С. Шалкаускис (*S. Šalkauskis*), О. Милош (*O. Milosz*), Я. Тыниссон (*J. Tõnisson*) и К. Р. Пуста (*K. R. Pusta*), выступали за ориентацию государств Балтии и их региональных объединений на страны Антанты, обосновывая это необходимостью защиты от притязаний и давления таких сильных и экспансионистски настроенных соседей,

как Россия и Германия. Затем именно поддержка западных стран на Парижской мирной конференции 1919 г. позволила Литве, Латвии и Эстонии добиться международного признания своего суверенитета и вывода со своей территории иностранных войск. Поэтому весь межвоенный период они рассматривали Великобританию и Францию в качестве основных гарантов своего суверенитета и безопасности.

Немаловажное значение имел и тот факт, что страны Запада осудили заключение советско-германского пакта Молотова – Риббентропа, особенно секретного протокола к нему о разделе сфер влияния в Восточной Европе, и не признали последовавшего в результате этих договоренностей присоединения стран Балтии к СССР в 1940 г. В некоторых из них в послевоенный период даже продолжали действовать дипломатические представительства Литвы, Латвии и Эстонии. Поэтому не удивительно, что балтийские политические элиты позднесоветского и постсоветского периодов, стремившиеся всячески подчеркнуть преемственность традиций национальной государственности, существовавшей в межвоенное время, выбрали именно прозападный внешнеполитический курс.

Во-вторых, прозападная ориентация рассматривалась как единственная надежная гарантия безопасности стран Балтии. В этой связи основным аргументом выступал тезис о том, что Литва, Латвия и Эстония – малые страны, зажатые между крупными и сильными соседями, которые уже не раз на протяжении истории захватывали и присоединяли к себе их территорию, не считаясь с мнением населения. Особо подчеркивалось, что неучастие стран Балтии в военных союзах в межвоенный период не помогло им сохранить независимость.

Поэтому, чтобы избежать повторения подобного в будущем, им необходимо присоединиться к международным структурам коллективной безопасности, которые бы не находились под контролем этих соседей и могли бы создать определенный противовес их влиянию.

Как отмечает исследователь финского Центра российских и восточноевропейских исследований Университета Хельсинки Е. Драгомир (*E. Dragomir*), соображения укрепления безопасности играли важную роль в мотивации вступления не только в НАТО, но и в Евросоюз. По ее мнению, особенно в первые годы после восстановления независимости в странах Балтии преобладали эмоциональные, а не рациональные оценки западных международных структур и выгод от

присоединения к ним [11, с. 296]. ЕС упрощенно воспринимался как сообщество мира, процветания и высокого уровня жизни, а вступление в него – как гарантия защиты национальных экономик Литвы, Латвии и Эстонии от внешних угроз, прежде всего от давления со стороны России и рисков, связанных с нестабильностью и конфликтным потенциалом постсоветского пространства.

Исходя из этого, можно выделить два теоретических подхода, которые позволяют наилучшим образом объяснить само появление идеи «возвращения в Европу» и ее устойчивость во внешней политике государств Балтии. Во-первых, это теория альянсов и баланса сил С. Уолта; во-вторых – теория секьюритизации и комплексов региональной безопасности Б. Бузана и О. Уивера.

Первая исходит из того, что для защиты своих интересов у малых стран есть только две возможные опции в международной политике: балансирование (*balancing*) либо примыкание (*bandwagoning*). Балансирование здесь означает, что в противостоянии на международной арене малая страна примыкает к более слабой стороне этого противостояния, чтобы таким образом иметь определенное влияние на эту сторону, усиливая ее потенциал, и совместно создавать противовес влиянию более сильной стороны (которая, осознавая свою силу, в меньшей степени готова ценить союзников), предотвращая ее еще большее усиление.

Однако, как отмечают в своей статье об особенностях внешней политики государств Балтии Дж. Ламоро и Д. Галбрез (*J. Lamoreaux, D. Galbreath*), это не лучший выбор для малой страны, поскольку ее вес в международной политике вряд ли будет достаточным, чтобы существенно усилить более слабую сторону и таким образом изменить общий баланс сил.

Издержки же от того, что страна окажется на стороне проигравших, могут быть неизмеримо большими, так как победители вряд ли станут щадить ее лишь из-за ее слабости. Поэтому гораздо более выгодным представляется примыкание, т. е. союз, с более сильной, выигрывающей стороной противостояния [12, р. 5].

Как отмечает в этой связи Р. Х. Симонян, союз с более сильными странами и их поддержка позволяют малым странам повысить свой вес в международных вопросах, получить военно-политическую защиту или более выгодные условия для ведения торговли и развития

собственной экономики. При этом неперенным условием выбора такого пути для них служит понимание того, что издержки от такого союза (например, утрата части суверенитета) будут менее значительны, чем предполагаемые выгоды [6, с. 37]. И хотя тут также важны политические и геополитические факторы, например невозможность создания коалиции для поддержания благоприятного баланса сил в регионе без привлечения внешних сил по причине сложных отношений с соседями (что имело место в случае стран Балтии и их отношений с Россией), бесспорно ведущую роль при этом играют рациональные мотивы.

На первый взгляд, такое обоснование представляется вполне подходящим для объяснения европейского выбора стран Балтии: примыкание к Западу как к стороне, явно выигравшей в холодной войне, в расчете на получение экономических и политических выгод. Однако тут следует вспомнить два момента.

Во-первых, в 1990-е гг. (особенно в начале десятилетия) Запад и Россия активно пытались выстраивать партнерские отношения и рассматривали холодную войну как пройденный этап.

Во-вторых, нельзя сказать, что внешнеполитический выбор государств Балтии был основан лишь на рациональной калькуляции выгод: не менее (если не более) важную роль сыграли эмоциональные мотивы, связанные с травмами исторической памяти XX века.

Поэтому более подходящей для объяснения внешнеполитического выбора Литвы, Латвии и Эстонии представляется концепция, предложенная Б. Бузаном, О. Уивером и другими представителями Копенгагенской школы исследований международной безопасности. Согласно их теории секьюритизации, чтобы отнести ту или иную проблему к сфере безопасности, ее сначала нужно политизировать (сделать широко обсуждаемой), а затем секьюритизировать – объявить экзистенциальной угрозой.

Когда представитель государства объявляет актуальной ту или иную проблему, он тем самым переводит ее в ранг угрозы. А это, в свою очередь, оправдывает правомерность любых мер для противодействия ей.

Правда, чтобы секьюритизация состоялась, ее актор должен обладать достаточным авторитетом в обществе. Кроме того, общество легче убедить в необходимости чрезвычайных мер, когда проблема

ассоциируется с прошлыми бедами (например, в случае давней вражды с соседним государством).

Именно это, на наш взгляд, имело место в государствах Балтии. Авторитетные национальные лидеры Литвы, Латвии и Эстонии объявили интеграцию своих стран в западное сообщество залогом обеспечения их безопасности от повторения угроз с востока и, следовательно, залогом самого выживания этих государств.

При этом они активно апеллировали к исторической памяти, связанной с утратой странами Балтии независимости в 1940 г. и последовавшим за этим периодом сталинских репрессий и депортаций.

По мнению Р. Вильпишаускаса и В. В. Воротникова, такая схема оказалась очень выгодной для политических элит государств Балтии, поскольку позволяла им, с одной стороны, разыгрывая карту беззащитности своих стран перед «огромным и беспокойным соседом с востока», получать поддержку от Запада, а с другой – мобилизовать внутреннюю поддержку электоратом своей политики на почве консолидации общества перед лицом внешней угрозы.

Движущие силы формирования балтийского курса на европейскую интеграцию. Хотя в официальных выступлениях балтийских лидеров на международных форумах регулярно подчеркивалось, что стремление их стран к вступлению в ЕС и НАТО стало результатом национального консенсуса по этим вопросам, сейчас среди исследователей (как российских, так и балтийских) распространено мнение, что евроатлантическая интеграция была проектом именно политических элит стран Балтии [13; 6; 3]. Роль же широкой общественности в этом процессе была довольно скромной.

Так, литовский исследователь Р. Вильпишаускас отмечает, что процесс интеграции в ЕС полностью находился в руках политических элит, главным мотивом для которых служили политические вопросы, а не соображения экономической выгоды или структуры торговых связей.

Различные группы интересов в странах Балтии (бизнес-круги, фермеры и т. д.) не смогли быстро самоорганизоваться, чтобы лоббировать свои позиции в ходе интеграции в Евросоюз, поэтому политики получили фактически полную свободу в этом деле [3]. Прислушиваться к общественному мнению и инициировать общественные дебаты по проблемам вступления в ЕС они начали лишь на финальном

этапе – накануне проведения национальных референдумов по данному вопросу.

Анализируя роль балтийских элит в этом процессе, следует отметить две особенности. Во-первых, для них было характерно редкое единодушие по вопросу присоединения к европейским и евроатлантическим структурам. Между политическими партиями могли быть существенные разногласия по вопросам внутренней политики, темпам и методам проведения экономических реформ, роли государства в экономике, политики в отношении национальных меньшинств и т. д., но ни одна из крупных политических партий Литвы, Латвии и Эстонии не ставила под сомнение тезис, что интеграция в ЕС и НАТО является бесспорным и первоочередным приоритетом в сфере внешней политики и обеспечения национальной безопасности их стран.

Как указывает В. В. Воротников, в отличие от западноевропейских коллег для социал-демократов стран Балтии был не характерен евроскептицизм, и, приходя к власти, они проводили не менее проатлантистскую политику, чем представители правых партий. В этой связи, по мнению вышеназванного исследователя, примечательно, что саму идею консенсуса политических элит по вопросу вступления в ЕС и НАТО наиболее четко сформулировал лидер литовских социал-демократов А. Бразаускас (*A. Brazauskas*) – бывший коммунист, начинавший политическую карьеру еще в государственных структурах советской Литвы. Именно он сказал, что для обеспечения национальной безопасности страны нет альтернативы членству в ЕС и НАТО [13, с. 26], и первым официально заявил о стремлении Литвы вступить в эти организации.

Конечно, нельзя сказать, что противников вступления в НАТО и ЕС на политической арене стран Балтии вообще не было. Но они были представлены лишь мелкими маргинальными и внесистемными партиями, такими как «Социалистический народный фронт» в Литве, партии «За права человека в единой Латвии», «За родной язык» и «Партия евроскептиков» в Латвии, «Русская партия» Д. Кленского и «Партия независимости» в Эстонии [13, с. 29]. Эти партии не пользовались серьезной поддержкой граждан Литвы, Латвии и Эстонии, практически не были представлены в их парламентах и почти не оказывали влияния на процесс принятия политических решений в этих странах. Что же касается так называемых системных партий – тех,

между которыми шла реальная борьба за власть, то между ними сложился устойчивый длительный консенсус по данному вопросу. Особенно показателен пример Литвы, где ведущие политические партии регулярно заключали межпартийные соглашения о взаимопонимании по ключевым приоритетам внешней политики страны.

Вторая особенность заключалась в том, что идея «возвращения в Европу» по-разному понималась элитами и обществом.

Для элит это был, прежде всего, конкретный план проведения реформ с целью вступления в современные западные институты.

Народные массы воспринимали его в основном через призму исторической памяти – идеализации досоветского периода своей истории и размышлений о том, как хорошо они могли бы жить, если бы включение стран Балтии в состав СССР не прервало их самостоятельного развития в качестве суверенных европейских государств. Поэтому они хотели вернуться в ту Европу, из которой их изъела советская оккупация, и не имели четкого представления о реалиях современной европейской политики и экономики [6; 11, с. 297–298].

Это создавало чрезвычайно выгодную для элит ситуацию, когда можно было, с одной стороны, не объяснять населению детали своей политики, ограничиваясь общими фразами, что она способствует достижению главной цели – возвращения в Европу, а с другой – использовать этот лозунг для мобилизации общественной поддержки непопулярных правительственных мер по принципу «цель оправдывает средства».

Основные этапы в развитии отношений государств Балтии с ЕС. Отправной точкой в развитии отношений между странами Балтии и Европейским союзом стало решение ЕЭС признать независимость Литвы, Латвии и Эстонии 27 августа 1991 г. Как указывает Ван Елсуwege, почти сразу же после этого в его руководящих органах начались дискуссии о возможных путях развития отношений со странами Балтии. Обсуждались три возможные опции.

Первая предполагала включение стран Балтии в политику ЕЭС в отношении бывшего СССР. Это позволило бы избежать трений с Москвой, но означало бы непоследовательность в признании восстановленной государственности Литвы, Латвии и Эстонии.

Вторая опция состояла в том, чтобы, исходя из тезиса о восстановленной государственности, не признавать их частью постсовет-

ского пространства и распространить на них политику ЕЭС в отношении стран ЦВЕ. Такой выбор грозил осложнениями отношений с Россией, которая рассматривала государства Балтии, как и страны СНГ, в качестве своей традиционной сферы геополитического влияния.

Третий вариант предполагал особый статус для стран Балтии, отличный как от статуса государств СНГ, так и от статуса стран ЦВЕ. Однако в этом случае, по мнению европейских политиков, они оставались в «серой зоне» между регионом Центральной и Восточной Европы и Россией [1, с. 101].

В итоге был найден следующий компромисс: заключение со странами Балтии соглашений об ассоциации, аналогичных тем, что уже были заключены с государствами ЦВЕ, было признано преждевременным ввиду их экономической ситуации и недавнего советского прошлого. Поэтому было решено заключить с ними соглашения о торговле и сотрудничестве, которые должны были заменить на их территории действие соглашения о торговле и сотрудничестве, заключенного еще с СССР. Но в то же время руководство ЕЭС решило послать странам Балтии четкий политический сигнал о том, что рассматривает их отдельно от государств СНГ.

Этим сигналом послужил визит вице-президента Еврокомиссии Ф. Андриессена (*F. Andriessen*) 9 сентября 1991 г. Он подтвердил намерение сообщества вести переговоры о соглашении о торговле и сотрудничестве, пообещал Литве, Латвии и Эстонии 400 млн экю в рамках программы технической помощи СССР и, что более важно, намекнул, что они могут быть включены в программу ФАРЭ с января 1992 г. Отчет Еврокомиссии о сотрудничестве с Литвой, Латвией и Эстонией подтвердил это намерение. Итоговое решение о включении их в программу ФАРЭ вместе с Албанией было принято Советом ЕЭС 23 декабря 1991 г. [1, с. 102]. Это стало первой дипломатической победой государств Балтии в отношениях с Брюсселем.

Следующим шагом стало заключение 11 мая 1992 г. Литвой, Латвией и Эстонией соглашений о торговле и сотрудничестве с ЕЭС, которое сопровождалось политической декларацией сторон о намерении развивать дальнейшее сближение. Соглашения вступили в силу 1 февраля 1993 г. Следует отметить, что и соглашения о торговле и сотрудничестве, и Европейские соглашения об ассоциации представля-

ли собой рамочные документы, которые Евросоюз в разное время заключил почти со всеми государствами бывшего советского лагеря.

Исключением в этом плане стали соглашения о свободной торговле, которые Евросоюз заключил только с государствами Балтии. Причиной тому послужил тот факт, что еще в начале 1990-х гг. с ними заключили аналогичные соглашения Финляндия и Швеция, которые с 1 января 1995 г. вступали в ЕС. Соответственно, они должны были расторгнуть эти соглашения, так как европейские нормы запрещают отдельным членам сообщества вступать в преференциальные отношения с третьими странами. Но был и другой путь – распространить действие этих соглашений на все страны ЕС, сделав их частью общей договорной базы. И то, что в итоге Швеции и Финляндии удалось пролоббировать в европейских структурах именно этот вариант, свидетельствует об их решимости оказывать поддержку странам Балтии в деле их интеграции в ЕС [14, с. 28].

Соглашения о свободной торговле были заключены с Литвой, Латвией и Эстонией 18 июля 1994 г. Они регулировали вопросы платежей, конкуренции и сближения законодательства. Однако их действие не распространялось на продукцию отраслей (сельскохозяйственной, рыбной, текстильной), в отношении которых вводились особые правила и сохранялись пошлины. Например, 5 мая 1993 г. было заключено соглашение между Латвией и ЕС о взаимоотношениях в сфере рыболовства [15].

Следующий год стал важным для развития отношений государств Балтии с Евросоюзом. Во-первых, уже с 1 января 1995 г. полноправными членами ЕС стали Финляндия и Швеция – страны, оказавшие серьезную поддержку Эстонии, Латвии и Литве в деле их принятия в интеграционное объединение. В этот же день вступили в силу заключенные при их непосредственной поддержке соглашения государств Балтии о свободной торговле с ЕС. А 12 июня Брюссель централизованно подписал со всеми тремя странами Европейские соглашения об ассоциации. Однако процесс их ратификации странами ЕС растянулся почти на три года, и в силу они вступили лишь 1 февраля 1998 г. До этого момента отношения между государствами Балтии и ЕС регулировались уже упомянутыми соглашениями о свободной торговле. Кроме того, в конце года все три страны подали официальные заявки на вступление в ЕС: 27 октября – Латвия, 24 ноября –

Эстония и 8 декабря – Литва [15]. С этого времени они получили статус официальных кандидатов на вступление в Евросоюз.

Внутри ЕС развернулись дебаты по вопросам сроков и очередности приема стран-кандидатов. Германия выступала за то, чтобы эти страны были разделены на группы и приняты в несколько этапов. В первую очередь должны были быть приняты соседние с ней государства Вышеградской группы. Другой подход получил название «недискриминационного», или концепции «большого взрыва». В соответствии с ним все страны – кандидаты из ЦВЕ должны были быть приняты в ЕС одновременно. На Мадридском саммите германское предложение о поэтапном расширении было отклонено остальными членами Евросоюза, и Еврокомиссии было поручено подготовить заключения о степени подготовленности каждой из ассоциированных стран и их соответствии вступительным критериям [10, с. 41].

Эти заключения были подготовлены к июлю 1997 г. и стали составной частью программы «Повестка 2000», одобренной на Люксембургском саммите в декабре того же года. Исходя из оценок, представленных в этих заключениях, на саммите было решено начать переговоры о вступлении только с шестью кандидатами: Польшей, Чехией, Венгрией, Словенией, Эстонией и Кипром. По месту проведения саммита эти государства получили название Люксембургской группы. Таким образом, произошла дифференциация ассоциированных стран и была выделена приоритетная группа кандидатов первой волны, что стало частичным возвращением к германскому проекту.

По итогам Люксембургского саммита государства Балтии оказались разделены – лишь Эстония попала в список кандидатов первой волны, в то время как перспективы Латвии и Литвы оставались неопределенными. Это вызвало бурную критику со стороны их правительств и жалобы на то, что принятие в ЕС лишь одной из стран Балтии пагубно отразится на сложившихся между ними социально-экономических связях. Эстонское руководство стремилось отмежеваться от подобной критики, а при случае не упускало возможности подчеркнуть существенные отличия своей страны от южных соседей.

Решение Люксембургского саммита вызвало критику со стороны стран-кандидатов, не вошедших в Люксембургскую группу, и в самих государствах ЕС. Многие эксперты утверждали, что дифференциация кандидатов приведет к усилению разрыва между ними и

дальнейшему отставанию тех стран, с которыми было решено пока не начинать переговоры. Международная обстановка также способствовала изменению позиции ЕС по данному вопросу. Косовский кризис 1999 г. возродил стратегические и политические мотивы восточного расширения и способствовал ускорению переговоров о вступлении со странами ЦВЕ [16, с. 57]. На Хельсинкском саммите в декабре 1999 г. было принято решение о начале переговоров о вступлении с оставшимися кандидатами, в том числе с Латвией и Литвой. Эта группа получила название Хельсинкской. С государствами Люксембургской группы переговоры о вступлении были начаты 31 марта 1998 г., а со странами Хельсинкской группы – 15 февраля 2000 г.

Выводы. Таким образом, в конце XX – начале XXI в. интеграция в ЕС и НАТО стала главной стратегической целью внешней политики государств Балтии, на достижение которой были брошены практически все их силы и ресурсы. Все другие направления внешней политики носили второстепенный и подчиненный характер по отношению к этой цели, которая стала своего рода мерной шкалой для их оценки. Вплоть до официального вступления в НАТО и ЕС весной 2004 г. отношения с любой страной или международной организацией оценивались почти исключительно в категориях того, насколько они способствовали или препятствовали прогрессу в ее достижении.

Формирование курса на европейскую интеграцию было связано с двумя идеями, которые определяли внешнюю, а частично и внутреннюю политику государств Балтии, – концепцией «восстановленной государственности» и лозунгом «возвращения в Европу». Первая помогла политическим лидерам Литвы, Латвии и Эстонии добиться более приоритетного отношения ЕС к своим странам, нежели к другим республикам бывшего СССР. Вторая способствовала тому, что задача вступления в ЕС (как и в НАТО) приобрела особый, почти сакральный смысл. Можно сказать, проблема членства в ЕС была секьюритизирована – объявлена залогом выживания государств Балтии.

При этом ведущую роль в формировании курса на интеграцию в ЕС играли политические элиты Литвы, Латвии и Эстонии, которые еще в начале 1990-х гг. пришли к консенсусу о том, что, независимо от межпартийных разногласий по другим вопросам и расклада сил в парламентах, вступление в ЕС и НАТО должно оставаться неизменным приоритетом внешней политики их государств.

Роль общественного мнения в этом процессе была невелика. Данные социологических опросов свидетельствуют, что до конца 1990-х гг. процент поддержки населением идеи вступления в ЕС сильно колебался и значительная часть опрошенных (до одной трети) затруднялась определить позицию по данному вопросу. Политические элиты использовали популярный в обществе лозунг «возвращения в Европу», чтобы оправдать мобилизацию ресурсов и заручиться поддержкой электората для проведения непопулярных реформ.

В развитии отношений между государствами Балтии и Евросоюзом в период до начала с ними переговоров о вступлении выделяются два этапа. Первый из них (1992–1995 гг.) можно условно назвать периодом форсированной институализации. В это время формируются основы договорно-правовой базы отношений: заключаются и вступают в силу соглашения первой (о торговле и сотрудничестве) и второй (об ассоциации) волны. В результате по уровню развития отношений с ЕС государства Балтии быстро догнали страны ЦВЕ. Кроме того, благодаря лоббированию Швеции и Финляндии Брюссель заключил с Литвой, Латвией и Эстонией соглашения о свободной торговле, которые не были заключены более ни с кем из переходных стран Европы, претендовавших на вступление в ЕС. Таким образом, в последние месяцы 1995 г. государства Балтии стали официальными кандидатами на вступление в Евросоюз.

Однако на этом возможности форсированной институализации отношений с Западом временно закончились. В случае с ЕС получение полноправного членства упиралось в выполнение целого ряда требований по масштабной реструктуризации экономики и адаптации национальных законодательств к нормам европейского права, а также в необходимость дождаться завершения институциональной реформы в самом Евросоюзе. Поэтому вторая половина 1990-х гг. стала для государств Балтии периодом напряженного ожидания и трансформации экономических и законодательных систем, необходимых для выполнения вступительных критериев.

Библиографические ссылки

1. *Van Elsuwege P.* From Soviet Republics to EU Member States : A Legal and Political Assessment of the Baltic States' Accession to the EU. – Leiden – Boston : Martinus Nijhoff Publ., 2008. – Vol. 2. – 589 p.

2. *Vitkus G.* National Parliamentary Control of EU policy in Lithuania // *Lithuanian Foreign Policy Review* [Electronic recourse] – 1998. – URL : <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-2-Vitkus.pdf> (accessed : 09.07.2018).
3. *Vilpišauskas R.* The Final Stage of the EU Accession Game : The Baltic States, Likely Victims of their own Success? // A draft paper for the Eighth Biennial International Conference of the European Union Studies Association, Nashville, Tennessee, March 27–29, 2003. – Vilnius : Institute of International Relations and Political Science, 2003. – 22 p.
4. *Vilpišauskas R.* Lithuania’s Membership in the European Union – Possible Effects on Its External Trade Policy // *Lithuanian Foreign Policy Review* [Electronic recourse] – 1998. – URL : <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-1-Vilpisauskas.pdf> (accessed : 09.07.2018).
5. *Ušackas V.* The European Union from a Lithuanian Perspective // *Lithuanian Foreign Policy Review* [Electronic recourse] – 2000. – URL : <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-5-Ušackas.pdf> (accessed : 10.07.2018).
6. *Симонян Р. Х.* Страны Балтии : от обретения независимости до экономического кризиса // *Горизонты экономики*. – 2011. – № 1. – С. 33–43.
7. *Симонян Р. Х.* Оккупационная доктрина в странах Балтии : содержательный и правовой аспекты // *Государство и право*. – 2011. – № 11. – С. 106–114.
8. *Сытин А. Н., Смирнов В. А.* Страны Балтии в ЕС : единство и своеобразие позиций политических элит // *Проблемы нац. стратегии*. – 2012. – № 4 (13). – С. 98–118.
9. *Достанко Е. А.* Политика расширения Европейского союза на восток. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2007. – 238 с.
10. *Достанко Е. А.* Расширение Европейского союза на восток в 1990-е гг. // *Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений*. – 2002. – № 2. – С. 39–43.
11. *Dragomir E.* Lithuanian Public Opinion and the EU Membership // *Revista Romana pentru Studii Baltice si Nordice*. – 2010. – Vol. 2(2). – P. 295–312.
12. *Lamoreaux J. W., Galbreath D. J.* The Baltic States As ‘Small States’ : Negotiating the ‘East’ by Engaging the ‘West’ // *Journal of Baltic Studies*. – Vol. 39(1). – 2008. – P. 1–14.
13. *Воротников В. В.* Прибалтийские этнократии между Россией и Европой : поиск консенсуса в условиях экон. кризиса // *Вестн. МГИМО-Ун-та*. – 2013. – № 6. – С. 25–33.
14. *Archer C.* The EU Foreign Policy in the Context of the Baltic Sea Region // *EU Enlargement and Beyond : The Baltic States and Russia*. / H. Hubel (ed.). – Berlin : Amo Spitz, 2002. – P. 21–40.
15. *Latvia and the EU – Chronology of Relations* // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia [Electronic recourse] – URL : <https://www.mfa.gov.lv/en/policy/european-union/history/latvia-and-he-eu-chronology-of-relations> (accessed : 15.08.2018)
16. *Воротницкая Т. В.* Основные этапы политики расширения Европейского союза на восток (конец 1980-х–2002 г.) // *Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений*. – 2003. – № 1. – С. 53–60.

Дата поступления статьи: 28.09.2018.

Образец цитирования: *Володькин А. А.* Внешняя политика Литвы, Латвии и Эстонии в отношении Евросоюза в 1990-е гг. // *Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития* : сб. науч. ст. Минск, 2018. Вып. 6. С. 34–54.

Автор: Володькин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра истории геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск), докторант кафедры ме-

THE FOREIGN POLICY OF LITHUANIA, LATVIA AND ESTONIA TOWARDS THE EUROPEAN UNION IN 1990s

A. A. Valodzkin

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Republic of Belarus

Abstract: The article reveals the formation and further development of Lithuanian, Latvian and Estonian foreign policy regarding the European Union in the period from the official recognition of their independence by Brussels in August 1991 to the start of the EU accession negotiations with them. The author analyzes the historical roots and prerequisites of the Baltic States Western orientation formation and reveals how the concept of restored statehood and the idea of «return to Europe» influenced development of their relations with the EU. The role of Lithuanian, Latvian and Estonian political elites and public opinion in formation of these states' stable course to the EU accession is also analyzed. There is a chronological review of the main events in the development of relations between the Baltic States and the EU in 1990s. The periodization of the Baltic foreign policy towards the EU development is made according to this chronology. The first stage, that includes the period before Baltic states were recognized as official EU candidates, may be characterized by a boosting institutionalization of their relations with the EU. The main content of the second stage of the development of the policies of these states in respect of the EU included large scale internal reforms, necessary for complying with the EU accession requirements, and mobilization of internal and external support for this course.

Keywords: Baltic states; Lithuania; Latvia; Estonia; foreign policy; the European Union; European integration.

References

1. Van Elsuwege, P. (2008). From Soviet Republics to EU Member States: A Legal and Political Assessment of the Baltic States' Accession to the EU. Vol. 2. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 589 p.
2. Vitkus, G. (1998). National Parliamentary Control of EU policy in Lithuania. In: *Lithuanian Foreign Policy Review*. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-2-Vitkus.pdf> (accessed 09.07.2018).
3. Vilpisauskas, R. (2003). The Final Stage of the EU Accession Game: The Baltic States, Likely Victims of their own Success? *A draft paper for the Eighth Biennial International Conference of the European Union Studies Association, Nashville, Tennessee, March 27–29, 2003*. Vilnius: Institute of International Relations and Political Science, 22 p.

4. Vilpisauskas, R. (1998). Lithuania's Membership in the European Union – Possible Effects on Its External Trade Policy. In: *Lithuanian Foreign Policy Review*. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-1-Vilpisauskas.pdf> (accessed 09.07.2018).
5. Usackas, V. (2000). The European Union from a Lithuanian Perspective. In: *Lithuanian Foreign Policy Review*. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-5-Usackas.pdf> (accessed 10.07.2018).
6. Simonjan, R. H. (2011). Strany Baltii: ot obretenija nezavisimosti do ekonomicheskogo krizisa [The Baltic States: from gaining the independence to the economic crisis]. In: *Gorizonty ekonomiki*, 1, p. 33–43. (In Russ.).
7. Simonjan, R. H. (2011). Okkupacionnaja doktrina v stranah Baltii: sodержatel'nyj i pravovoj aspekty [The Occupation Doctrine in the Baltic States: content and legal aspects]. In: *Gosudarstvo i pravo*, 11, p. 106–114. (In Russ.).
8. Sytin, A. N., Smirnov, V. A. (2012). Strany Baltii v ES: edinstvo i svoeobrazie pozicij politicheskikh elit [The Baltic States in the EU: unity and distinction of the political elites' positions]. In: *Problemy nacional'noj strategii*, 4, p. 98–118. (In Russ.).
9. Dostanko, E. A. (2007). Politika rasshirenija Evropejskogo sojuza na Vostok [The Eastern enlargement policy of the European Union]. Minsk: The Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, 238 p. (In Russ.).
10. Dostanko, E. A. (2002). Rasshirenie Evropejskogo sojuza na vostok v 1990-e gg. [The enlargement of the European Union to the East in 1990s]. In: *Belarusian Journal of International Law and International Relations*, 2, p. 39–43. (In Russ.).
11. Dragomir, E. (2010). Lithuanian Public Opinion and the EU Membership. In: *Revista Romana pentru Studii Baltice si Nordice*, 2(2), p. 295–312.
12. Lamoreaux, J. W., Galbreath, D. J. (2008). The Baltic States As 'Small States': Negotiating the 'East' by Engaging the 'West'. In: *Journal of Baltic Studies*, 39(1), p. 1–14.
13. Vorotnikov, V. V. (2013). Pribaltijskie etnokratii mezhdru Rossiej i Evropoj: poisk konsensusa v uslovijah ekonomicheskogo krizisa [Baltic ethnocracies between Russia and Europe: search for a consensus in the conditions of the economic crisis]. In: *Vestnik MGIMO-University*, 6, p. 25–33. (In Russ.).
14. Archer, C. (2002). The EU Foreign Policy in the Context of the Baltic Sea Region. In: *EU Enlargement and Beyond: The Baltic States and Russia*. Berlin, Arno Spitz GmbH, p. 21–40.
15. Latvia and the EU – Chronology of Relations. In: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. URL: <https://www.mfa.gov.lv/en/policy/european-union/history/latvia-and-the-eu-chronology-of-relations> (accessed 15.08.2018).
16. Vorotnickaja, T. V. (2003). Osnovnyje etapy politiki rasshirenija Evropejskogo sojuza na Vostok (konec 1980-h–2002 g.) [The main stages of the European Union policy of enlargement to the East (end of 1980s–2002)]. In: *Belarusian Journal of International Law and International Relations*, 1, p. 53–60. (In Russ.).

Received: 28.09.2018.

For citations: Valodzkin, A. A. (2018). The foreign policy of Lithuania, Latvia and Estonia towards the European Union in 1990s. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 34–54.

About author: Andrei Valodzkin – PhD in history of international relations and foreign policy, associate professor, senior researcher at the Centre of the history of geopolitics, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus), habilitation doctoral fellow of the International relations department of the Belarusian State University (Minsk, Belarus); e-mail: andrei_va@tut.by.

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЮГОСЛАВИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

Ю. Э. ДЕМЬЯНОВИЧ

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются этнополитические противоречия, существовавшие между различными народами Югославии. Исследованы факторы, позволившие этносам длительное время мирно сосуществовать в единой Социалистической Федеративной Республике Югославии, несмотря на преимущественно негативный опыт взаимодействия национальностей до создания СФРЮ.

В контексте особенностей этнорелигиозного сосуществования проанализированы различные внутренние и внешние явления, повлиявшие на распад социалистической Югославии и возникновение очагов конфронтации на Балканском полуострове.

Исходя из проведенного исследования, автор формулирует идею о том, что этнорелигиозные противоречия являются важным внутренним фактором, повлиявшим на распад СФРЮ, однако не основным. Распад Югославии происходил на конфронтационном фоне взаимодействия внутренних и внешних явлений, а возродившееся этнорелигиозное противостояние усилило разрушительные последствия для страны.

Разрушение социалистической Югославии стало возможным в связи с одновременным влиянием на страну внутренних и внешних кризисных явлений. Практически полная дезинтеграция СФРЮ не была бы возможна без влияния определенных внешних факторов. В то же время только их влияние также не могло привести страну к таким тяжелым последствиям. Данные последствия стали результатом наложения на кризисную ситуацию внутри страны внешних и внутренних факторов.

Ключевые слова: Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев; СФРЮ; этнообразующие факторы; криптохристианство; межэтнические столкновения; югославизм; межнациональное противостояние; этнорелигиозная конфронтация.

Введение. При исследованиях распада государств роль основных причин разрушения государственных образований достается внутренним факторам и явлениям.

Одной их главных причин распада многонациональных государств зачастую указывают этнорелигиозные противоречия. При этом

прежний, иногда многолетний опыт мирного сосуществования народов в составе одной страны практически нивелируется, хотя признано, что любой исторический процесс не исчезает бесследно.

В условиях кризиса действительно имеет место феномен идентификации и обособления групп по религиозно-этническим основаниям как наиболее простым и понятным широкой массе населения. Однако просто наличия межкультурных различий и трений практически всегда недостаточно для разрушения сильных государств, претендующих на особое место на мировой арене.

В этой связи освещаемая тема представляется весьма актуальной, поскольку рассматривает этнорелигиозные факторы, приведшие к дезинтеграции Югославии, которая до распада Советского Союза играла значительную роль в международных отношениях и считалась одним из самых экономически и культурно развитых государств в социалистическом блоке.

Методы исследования. Для раскрытия темы использовалось сочетание общелогических, общенаучных и специально-исторических методов. Ведущими методами исследования послужили широко используемые при анализе международных процессов бихевиористский и деятельностный.

Первый помог определить конкретно-историческую роль югославских лидеров в процессе оформления этнорелигиозных отношений народов СФРЮ, социальную обусловленность их мотивов и поступков, индивидуальные особенности при принятии государственных решений.

Второй поспособствовал генерированию оценок поведения индивидов и этнорелигиозных групп югославского населения в процессе мирного сосуществования, а затем и дезинтеграции народов СФРЮ. Деятельностный метод лег в основу анализа протекания межнациональных конфликтов, конфронтации и изменения этнорелигиозной картины страны.

Из общелогических методов применялись анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, сравнение и обобщение.

Среди общенаучных методов использованы исторический и логический методы, а также системный подход. В рамках исследования из специально-исторических методов задействованы историко-генетический, историко-сравнительный и историко-описательный.

Объект исследования – социально-политическая сфера в условиях развития и дезинтеграции Югославии.

Предмет исследования – факторы, повлиявшие на разрушение СФРЮ. Среди различных факторов особое место в исследовании занимает этнорелигиозный.

Обзор литературы по теме. Данная статья стала результатом изучения и сопоставления различных точек зрения отечественных и зарубежных историков и специалистов по международным отношениям, посвященным Югославии, ее внутренним и внешним проблемам, а также особенностям распада СФРЮ.

При подготовке статьи использованы работы следующих исследователей: А. В. Анниковой [1], В. М. Кудрова [2], С. А. Романенко [3; 8], Р. Буквича [4], Е. Ю. Гуськовой [5; 7], Б. Тошовича [6], Ю. В. Ивановой [9], М. В. Берендеева [10], Т. Беляковой [11], Л. В. Тягутенко [12], М. Э. Чесновского [14], Б. Я. Табачникова [15].

Особый интерес представляют исследования Б. Тошовича, Р. Буквича и Е. Ю. Гуськовой.

Работа Б. Тошовича посвящена языковым особенностям южных славян. На ее основании сделаны выводы о лингвистической близости народов Югославии.

Исследование Р. Буквича раскрывает проблемы регионализации СФРЮ. Благодаря данной работе можно вычленить внутренние проблемы Югославии, приведшие к ее распаду.

Публикации Е. Ю. Гуськовой, посвященные политике властей социалистической Югославии, направленной на урегулирование межнациональных отношений, позволяют найти ответы на вопрос, каким образом в СФРЮ поддерживалось мирное сосуществование различных народов.

Результаты исследования. Цель исследования состоит в установлении ключевых факторов, повлиявших на распад Югославии. Для ее реализации сформулирована задача определить место этнорелигиозных противоречий в процессе разрушения государства.

После окончания Первой мировой войны на обломках бывших империй стали возникать новые государства, стремившиеся разрешить скопившиеся национальные противоречия, в том числе и славянский вопрос на Балканском полуострове. Одной из попыток его решения в части, касающейся южных славян, стало создание Коро-

левства Сербов, Хорватов и Словенцев как общего государства южных славян [1, с. 99–100].

В основу формирования данного государства легла идея их этнической и языковой близости. Наряду с благоприятными для интеграции южных славян факторами существовали и определенные противоречия, которые то затухали, то проявлялись в виде межэтнических столкновений в межвоенный период, в годы Второй мировой войны и при распаде СФРЮ – наследницы Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев.

Несмотря на фатальную историческую развязку, создание первого общего государства южных славян было необходимым и естественным шагом, поскольку ни один народ будущей Югославии на тот момент нельзя было назвать сформировавшейся нацией, способной создать свое национальное государство.

В мировой политике главенствовало мнение, что все основные народы Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев являются одной нацией, которая в предшествующем историческом развитии была многократно разделена территориально и культурно.

Образование общего государства южных славян совместило две основные тенденции своего времени: идею общего славянского государства и национального определения югославянских народов [1, с. 99–100].

Данные тенденции сосуществовали вплоть до 90-х гг. XX в. В рамках СФРЮ они наиболее ярко проявлялись в югославизме (идея общего государства южных славян и представление о южных славянах не как о множестве родственных народов, а как об одном этносе) и в сложном федеративном устройстве Югославии с сохранением религиозных и иных особенностей населения (идея национального определения).

В реальности СФРЮ представляла собой сложное этнически неоднородное образование, состоящее из 6 республик (Сербия, Хорватия, Македония, Босния и Герцеговина, Черногория, Словения) и двух автономных краев в составе Сербии (Косово и Воеводина).

В стране сосуществовали три религиозные конфессии, использовались два алфавита (кириллический и латинский), практически функционировали и взаимодействовали языки всех основных национальностей [2; 3].

В таком виде Югославия была задумана в годы Второй мировой войны и создана по ее окончании. При создании федерации и разделении ее на субъекты был применен национальный принцип. В то же время этот принцип не действовал при формировании Социалистической Республики Боснии и Герцеговины, внутреннее устройство которой в связи с многообразием национального состава населения данной территории основывалось на историческом принципе [4, с. 130]. На момент создания СФРЮ считалось, что население Боснии и Герцеговины представляет собой сербов и хорватов разных исповеданий [5, с. 443–482].

Несмотря на попытки разграничения территории в зависимости от национальности проживающего на ней населения, распределение не могло быть полностью справедливым. Прежде всего, не представлялось возможным развести хорватов и сербов. На момент формирования федерации сербы составляли более 41 % населения всей Югославии, при этом более четверти их числа проживало за пределами Сербии. Сербы составляли более 17 % населения Боснии и Герцеговины и около 8 % – населения Хорватии.

Вторая по размеру этническая группа Югославии – хорваты – составляла около четверти населения страны. Похожая ситуация складывалась с хорватским населением. В частности, за пределами Хорватии находился примерно 21 % данного этноса. Хорваты составляли 16 % населения Боснии и Герцеговины и более 4 % населения Сербии.

Приблизительно такая пропорция сохранялась в течении всего периода существования Югославии [4, с. 131]. Каждая из югославских республики оставалась полиэтничной.

С учетом полиэтничности Югославии резонно предположить, что в период ее существования в обществе потенциально возникали неизгладимые противоречия и борьба за национально-культурное самоопределение с последующим правом на независимость. Однако в случае с Югославией ситуация не столь однозначна.

Действительно, во время Второй мировой войны между нациями существовали серьезные трения. На территории будущей Югославии имели место насильственное переселение и депортации населения, этнические чистки, геноцид и другие нарушения прав человека и преследование по национальному признаку.

В частности, в Хорватии существовал лагерь смерти Ясеновац, в котором было убито более 700 000 человек. Большую часть погибших составляли сербы.

В Косово и Метохии за годы войны сербское население сократилось вдвое. В Косово это привело к тому, что в военное и послевоенное время там резко возросла численность албанцев и они стали этническим большинством на данной территории, одновременно оставаясь меньшинством в масштабах СФРЮ.

В то же время именно в разгар войны, в 1943 г., возникает идея создания Югославии как федерации, где все южные славяне будут равноправны. При строительстве данного государства культивировалась идея, что все нации будущего государства равны, близки и их отношения следует начинать с нуля.

Тема преступлений одной нации против другой в годы войны жестко табуировалась. Также подчеркивалось, что данные действия являлись преступлениями не конкретного народа, а фашизма в целом [5, с. 443–482].

Строительство нового государства стало возможным благодаря многим факторам. Народы Югославии понесли огромные жертвы, и после всех ужасов войны одним из созидających факторов стало искреннее желание большинства населения построить новое, мирное государство.

В то же время одного желания для построения стабильного государства было бы недостаточно, если бы между народами не было определенной близости [5, с. 443–482], и именно межнациональная консолидация вокруг общих целей содействовала государствообразующим процессам.

При этом различия между этносами не исчезли, однако они во многом оставались основательно размытыми.

В частности, одним из этнообразующих факторов, или признаков, благодаря которым можно судить, что определенная группа людей является этносом, служит язык, а их в Югославии было много. На государственном уровне использовался сербохорватский, еще его называли хорватосербским, или иллирийским.

Этот язык был понятен абсолютному большинству населения страны. Он использовался до 1990 г. в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, а также в Черногории на государственном уровне. Лишь

когда в условиях распада СФРЮ наметился курс на полную независимость, иллирийский язык стал замещаться национальными языками. При этом оказалось, что национальные языки для полноценного культивирования государственной, духовной и политической жизни нуждались в основательной доработке [6].

В условиях формирования постсоциалистической суверенной мультигосударственности нормативирование сербского, хорватского, черногорского и боснийского языков происходило на основе иллирийского языка, что предопределялось близостью народов и создавало перспективу ее сохранения.

Стоит обратить внимание и на использование языковой графики в двух вариантах, обусловленных историческими особенностями развития народов. Одновременно существовала практика передачи иллирийского языка и кириллическим, и латинским шрифтами, что также свидетельствует об очевидной культурной и языковой конвергенции.

Еще одним моментом выступало самосознание населения Югославии и его идентификация с определенным этносом. Лучше всего ситуацию с национальной идентичностью демонстрирует пример Боснии и Герцеговины, которую считали моделью СФРЮ в миниатюре.

В Югославии и других социалистических странах в паспорта граждан включалась графа национальности, благодаря чему, с одной стороны, конституционно закреплялись национальные различия, а с другой – поддерживались отдельные национальные предпочтения. Оценки показывали, что главенствующими этническими группами в Боснии и Герцеговине были сербы, мусульмане, хорваты и югославы.

Наиболее важны для понимания этноконфессиональной ситуации группы мусульман и югославов. Эти две категории играли двойную роль: они обособляли некоторые группы населения и одновременно подчеркивали единство народов страны.

В общепринятом смысле термин «мусульмане» обозначает не этнос, а принадлежность к определенной конфессии. Однако в Югославии именно это понятие с 1961 г. стало использоваться в переписях населения в качестве обозначения национальности. Мусульмане не были одной этнической группой, это целый ряд этнических групп, в свое время принявших ислам. Мусульманами могли быть этниче-

ские сербы, хорваты, черногорцы, македонцы, албанцы и др. В национальность «мусульманин» в Югославии попадало все население, исповедующее ислам [7, с. 78]. В результате в Боснии и Герцеговине сформировалась особая этноконфессиональная общность – боснийские мусульмане.

Представляет интерес и такая национальность, как югославы. Как правило, с этой национальностью себя соотносили граждане Югославии, выходцы из смешанных семей [7, с. 78]. Ее появлению способствовала и идеология Югославии, культивировавшая идею югославизма как новой социалистической общности. Югославизм основывался на фактах родства югославянских народов, их совместной борьбы за самоопределение и создание самостоятельного государства южных славян [8].

При таком положении дел резонно утверждать, что идентификация национальностей в СФРЮ не только основывалась на выделении этнических групп, но и во многом исходила из религиозных и идеологических признаков.

Принадлежность к религии вносила яркие особенности в национальное строительство социалистической Югославии. Так, согласно распространенному мнению хорваты считались окатоличенными сербами. Существовал и противоположный вариант данной версии: якобы сербы являются православными хорватами [3].

Жизнеспособность подобных версий подтвердилась в постсоциалистический период, свидетельствуя о серьезном восприятии населением религиозных отличий как наиболее существенных этноиндикаторов при определении титульных наций в ходе строительства постюгославских государств.

Особо подчеркнем, что ранее религия, играя заметную роль в социалистической истории южных славян, не вела к острому противоборству среди них.

Наоборот, именно в среде народов Югославии получило активное распространение явление криптохристианства, то есть неявная (размытая, иногда тайная) приверженность и принадлежность к христианству в условиях подавления и угнетения носителей религиозности государством или большинством общества, принадлежащим к другой конфессии. В обыденной жизни криптохристианство выражалось в том, что местное население соблюдало многие религиозные

обряды, принадлежащие представителям других конфессий, если они были распространены в данном регионе. Например, по религиозным праздникам мусульмане, проживающие в районах с численным преобладанием сербов, посещали православные храмы. В районах проживания сербов, хорватов и мусульман для проведения одного и того же религиозного обряда семья могла пригласить по своему усмотрению любого священнослужителя, имея выбор из трех основных конфессий [9].

В то же время для южных славян в религии зачастую скрывался не культ, а этническая принадлежность определенной группы населения и устоявшийся уклад жизни. Это происходило потому, что основная роль религии заключалась не столько в отправлении религиозных обрядов, сколько в сохранении и передаче особенностей культуры, истории и традиций разных этнических групп [10, с. 140–142].

Учитывая данную особенность, власти СФРЮ усматривали в сосуществовании религий способ минимизации межэтнических противоречий, а также пропаганды югославизма.

В результате религиозные институты там получили наибольшую свободу в своих действиях среди других государств советского типа [11, с. 79].

В момент кризиса СФРЮ конфессии именно из-за своей роли хранительниц национальных особенностей стали маркерами идентичности и привели к быстрой этнической идентификации населения [10, с. 140–142].

В дальнейшем при формировании новых национальных государств религия легла в основу национальной идеи, во многом предопределив политическое устройство стран, их внешнеполитические приоритеты, а также конфликтогенность в необычайно острых формах.

Можно утверждать, что в социалистической Югославии имели место определенные противоречия по этническим, религиозным, языковым вопросам, но они не отличались антагонизмом и без побудительных факторов были не способны привести к открытому межнациональному противостоянию. Однако на этапе крушения социализма таких факторов оказалось много. Условно все факторы можно разделить на внешние и внутренние.

К внутренним можно отнести следующие:

- смерть первого президента Югославии, харизматичного лидера страны И. Б. Тито. Б. Тито умело маневрировал, не давая этнорелигиозным противоречиям разрастись в открытый конфликт. К сожалению, у него не оказалось достойной смены, что фактически предопределило провал идеи югославизма;

- неравномерное экономическое развитие республик и экономический регионализм. Данный фактор оказал наибольшее влияние на распад СФРЮ. Следует отметить, что проблема неравномерности развития регионов Югославии не была новой. Она возникла еще во времена вхождения республик и краев Югославии в состав Австро-Венгрии. В социалистической Югославии она постепенно стала усложняться. В результате для ее решения в 1970-е гг. был принят закон, согласно которому экономически развитые республики Югославии обязывались отчислять 2 % от своего совокупного продукта в специальный фонд, предназначенный для кредитования экономически менее успешных районов страны.

Со временем эта обременительная обязанность свелась к минимуму, поскольку развитые республики существенно уменьшали отчисления. Более того, дотационная политика властей вызвала рост недовольства населения экономически развитых регионов, не понимавшего мотивы и причины необходимости субсидирования отсталых районов в ущерб себе [12; 13, с. 58–59]. С нарастанием экономического кризиса ситуация обострялась, влекла региональное расслоение общества и вылилась в конфронтационный лозунг о несовместимости экономических интересов различных субъектов федерации [12; 13, с. 58–59].

Это привело к сокращению внутриюгославского товарооборота, дисбалансу цен, ослаблению экономических связей, развалу общегосударственного рынка и активизировало пробуждение обособляющего национального самосознания, идеи суверенитета среди полиэтничного населения государства [12; 13, с. 58–59];

- неудачное реформирование конституционного строя страны, повлекшее за собой ослабление политической системы и центральной власти СФРЮ. Ослабление политической системы происходило поступательно с принятием новых конституций, постепенно увеличивающих полномочия субъектов федерации и сокращающих роль центра. Своего пика данная ситуация достигла с вступлением в силу

Конституции Социалистической Федеративной Республики Югославия 1974 г., которая обеспечила рост полномочий местных властей настолько, что любые действия центра в выстраивании внутренней политики страны стали расцениваться как попытки вмешательства в дела субъектов федерации.

Таким образом, уже во второй половине 1980-х гг. центральная власть утрачивала возможности самостоятельного принятия решений и контроля над политическими процессами, протекавшими в субъектах федерации.

Фактически страна из федерации трансформировалась в конфедерацию. При этом отдельные регионы приобретали формально различные статусы.

Данная ситуация так же, как и экономический фактор, вела к росту националистических настроений и укреплению общественного мнения в том, что совместное будущее всех регионов Югославии невозможно, поскольку у субъектов федерации между собой, как и по отношению к самой федерации, интересы и цели разнополярны [12; 13, с. 58–59].

Стремление этнических общностей к суверенитету отождествлялось с принципами национального самоопределения и права наций на отделение и создание суверенных государств [14, с. 142].

Обострению этнорелигиозной розни помогал ряд внутренних и внешних политических процессов, среди которых выделим особо:

- оживление традиционных балканских этнорелигиозных противоречий. Они стали предпосылкой и следствием ослабления государства. Нарастающая этнорелигиозная конфронтация открыла путь национализму, целому вееру не характерных для социалистического периода требований национальных меньшинств, а также сепаратизму, терроризму [14, с. 141];

- антиюгославская идеологическая пропаганда, так называемые войны интеллектуалов в СМИ ради отстранения социалистических лидеров и обретения политической власти. Сюда же подключились и гуманитарные науки того периода, преследуя цели утверждения новых, преимущественно региональных политических элит. Пользуясь выводами гуманитариев, все народности подчеркивали и выделяли свои отличия, подкрепляли национальные идеи и обосновывали претензии на отделение от СФРЮ.

В итоге в основу национального строительства постюгославских государств были положены религия, язык и история нахождения народов в иных доюгославских государственных образованиях [2; 3; 7; 8; 9; 15]. Данный фактор можно одновременно отнести к внутренним и внешним проявлениям, поскольку пропаганда велась как внутри страны местными заинтересованными силами, так и ее внешними акторами. Под влиянием конституционного, экономического и этнорелигиозного факторов Югославия к рубежу 1980-х – 1990-х гг. представляла собой слабое и довольно неустойчивое образование, неспособное противостоять как внутренним конфликтам, так и внешним вызовам.

Последним шагом к крушению Югославии стали международные события, совокупность которых и послужила основным внешним фактором.

Это распад СССР, крушение европейской системы социализма, смена двухполярного мироустройства на однополярное и резкое ослабление позиции СФРЮ на международной арене. До распада СССР Югославия играла важную роль в международных отношениях. Она служила своеобразной буферной зоной между двумя военно-политическими блоками; по этой причине сохранение территориальной целостности Югославии было выгодным для всех влиятельных международных игроков.

Распад двухполюсного миропорядка привел к тому, что Югославия потеряла свою геополитическую значимость (утратив возможности влияния на процессы, происходящие как внутри самой страны, так и на международной арене).

Ключевые европейские акторы перестали быть заинтересованными в сохранении в непосредственной близости крупного государственного образования с системой устройства, отличной и отторгаемой западным миром.

При этом геополитические прогнозы его экспертов и лидеров не предполагали, что распад социалистической Югославии приведет к возникновению очагов конфронтации на Балканском полуострове; тем более не ожидались их столь разрушительные масштабы.

Результаты данного исследования могут применяться при дальнейшем изучении югославского конфликта и в вузовском курсе конфликтологии.

Обсуждение полученных результатов. На основании положений данной статьи автор приходит к идее, что разрушение Югославии произошло из-за стечения множества разных факторов. Этнорелигиозный оказался весьма существенным. Этнорелигиозные противоречия возникли как следствие негативных явлений, протекавших в СФРЮ, а не как их причина. Данные выводы были сделаны в результате анализа работ Б. Тошовича, Р. Буквича и Е. Ю. Гуськовой, А. В. Анниковой, В. М. Кудрова, С. А. Романенко, Ю. В. Ивановой, М. В. Берендеева, З. В. Клименко, Л. В. Тягутенко, М. Э. Чесновского, Б. Я. Табачникова, Т. Беляковой. Выводы статьи построены на плюралистической методологической базе, поскольку из-за разнообразия произошедших процессов их нельзя свести к одной теории. С одной стороны, эти процессы можно оценить с точки зрения марксизма, поскольку состоялось формирование, развитие, а затем и полное разрушение экономической системы СФРЮ как общественно-экономической формации. С другой – уместно применение теории реализма, поскольку в решении югославского вопроса зримо присутствовал силовой фактор. В то же время применима и методология идеализма, так как югославские народы в национальном строительстве опирались на такой его принцип, как право наций на самоопределение.

Важность выводов видится в том, что автор последовательно доказывает положение: этнорелигиозный фактор в конфликте являлся важным, но не основным. Он проявился и начал играть особую роль в сочетании целого комплекса процессов и событий.

Выводы. Таким образом, в реальной действительности не получил исторического закрепления эксперимент XX в. по достижению дружественного сосуществования между различными народами Югославии на основе внедрения принципов, норм и традиций югославизма. В условиях авторитарной власти удавалось сглаживать межкультурные различия между народами СФРЮ, не допускать их трений. Тем не менее в общественном сознании сохранялись идентификация и обособление групп по религиозно-этническим основаниям как традиции, наиболее простой и понятной широкой массе населения. И в особый момент оказался запущенным механизм гипертрофии национально-религиозных различий, который постепенно перерастал в противопоставление друг другу.

Можно вывести цепочку закономерностей, обусловивших рост этноконфессиональных противоречий на фоне политической, экономической, правовой дестабилизации СФРЮ (утрата центральной власти возможности контроля и управления субъектами федерации, разрушение правовых, политических и экономических систем и их неспособность выполнять свои функции), а также неопределенности системы социалистических международных отношений. Данные противоречия вылились в быструю идентификацию народов под лозунгом их исключительности зачастую на базе религии, в борьбу за независимость, кровавые столкновения и исчезновение страны. Крушение Югославии и идеи югославизма привело к созданию целого ряда враждующих между собой государств – наследников СФРЮ. Произошло превращение ранее замороженных политической системой СФРЮ межнациональных противоречий в межгосударственные конфликты.

При этом следует учитывать, что, несмотря на все внутренние проблемы СФРЮ, распад социалистической Югославии не был бы возможен без влияния определенных внешних факторов. В то же время влияние только внешних факторов не могло вызвать столь разрушительные для страны последствия. Они стали результатом наложения на кризисную ситуацию внутри страны внешних и внутренних факторов. При этом внутренние противоречия сыграли ведущую роль.

Библиографические ссылки

1. Анникова В. А. Этнические конфликты на территории бывшей Югославии // Вестник РУДН. – 2015. – № 4. – С. 99–100.
2. Кудров В. М. Югославия: прощальный экономический и статистический портрет // Федер. образоват. портал ЭСМ [Электронный ресурс]. – 2018. – URL : <http://ecsocman.hse.ru/data/045/217/1218/9.pdf> (дата обращения : 18.01.2018).
3. Романенко С. Югославский Рубикон // Журн. зал [Электронный ресурс]. – 1996. – URL : <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/ro11-pr.html> (дата обращения : 18.01.2018).
4. Буквич Р. Региональная проблема Социалистической Югославии в 1945–1991 гг. // Вестн. Мордов. ун-та. – 2014. – № 3. – С. 129–146.
5. Гуськова Е. Ю. Национальная политика в странах формирующегося советского блока // Особенности решения национального вопроса в Югославии в первые послевоенные годы. – М., 2004. – С. 443–482.
6. Тошович Б. Общая информация // Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков. – М., 2011. – С. 17–21.

7. Гуськова Е. Ю. Вооруженный конфликт и политическое урегулирование : кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е гг. XX в. // Нов. и новейш. история. – 2016. – № 6. – С. 78–94.
8. Романенко С. А. Типология процессов национального самоопределения // Федер. образоват. портал ЭСМ [Электронный ресурс]. – 2018. – URL : <http://ecsocman.hse.ru/data/889/219/1217/006rOMANENKO.pdf> (дата обращения : 18.01.2018).
9. Иванова Ю. В. Косовский кризис : этнические аспекты проблемы // Исследования по приклад. и неотлож. этнологии. – 1999. – № 128. – С. 3–16.
10. Берендеев М. В. Этнополитический дискурс идентичности в региональном пространстве бывшей Югославии : боснийский синдром // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. – 2015. – № 12. – С. 139–149.
11. Белякова Т. Конструирование национальной идентичности в социалистической Югославии и македонский церковный вопрос // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2014. – № 4. – С. 62–85.
12. Тягуненко Л. В. Союзная Республика Югославия на рубеже XXI века. Природа Югославского кризиса // Нов. и новейш. история. – 2001. – № 3. – С. 28–45.
13. Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия: сб. науч. ст. / Моск. обществ. науч. фонд; редкол.: М. М. Лебедева (отв. ред.) [и др.]. – М., 2000. – 83 с.
14. Чесновский М. Э. Страны Средней Европы в международных отношениях (1989–2014 гг.) : в 2 ч. – Минск : БГУ, 2016. – Ч. 2. – Страноведческий аспект : пособие. – 239 с.
15. Табачников Б. Я. Югославский разлом // Вестн. ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. – 2009. – № 2. – С. 32–41.

Дата поступления статьи: 18.09.2018.

Образец цитирования: Демьянович Ю. Э. Этнорелигиозные противоречия в Югославии : ист. и соврем. контекст // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2018. Вып. 6. С. 55–71.

Сведения об авторе: Демьянович Юлия Эдуардовна – аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: yuliya-dzemy@rambler.ru.

ETHNO-RELIGIOUS CONTRADICTIONS IN YUGOSLAVIA: HISTORICAL AND MODERN CONTEXT

Y. E. DZEMYANOVICH

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article is devoted to the ethno-political contradictions that existed between different national groups of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. The factors that allowed the ethnoses of Yugoslavia to coexist peacefully for a long time in a single state, despite the negative experience of the interaction of nationalities before the creation of the SFRY, were investigated.

Various internal and external events that influenced the break-up of socialist Yugoslavia and the emergence of points of confrontation on the Balkan peninsula were analyzed in the context of the features of ethno-religious coexistence.

Based on the study, the author formulates the idea that ethnoreligious contradictions are an important internal factor that influenced the dissolution of the SFRY, but not the main one. The SFRY collapse occurred on a confrontational background of the interaction of internal and external phenomena, and the revived ethno-religious confrontation intensified the devastating consequences for the country.

The destruction of socialist Yugoslavia became possible due to the simultaneous influence on the country of internal and external crisis phenomena. The almost complete disintegration of the SFRY would not have been possible without the influence of certain external factors. At the same time, the influence of only external factors also could not lead the country to such dire consequences. These consequences became the result of the imposition of external and internal factors on the crisis situation inside the country.

Key words: Kingdom of Serbs; Croats and Slovenes; SFRY; ethno-forming factors; crypto-Christianity; inter-ethnic clashes; Yugoslavism; ethnic confrontation; ethno-religious confrontation.

References

1. Annikova, V. A. (2015). Etnicheskie konflikty na territorii byvshej Yugoslavii [Ethnic conflicts in the territory of the former Yugoslavia]. In: *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia*. Moscow, 4, p. 99–100. (In Russ.).
2. Kudrov, V. M. (2018). Yugoslaviya: proshchalnyj ehkonomicheskij i statisticheskij portret [Yugoslavia: last economic and statistic portray]. In: Federal educational portal EHSM. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/045/217/1218/9.pdf> (accessed 18.01.2018). (In Russ.).
3. Romanenko, S. (1996). Yugoslavskij Rubikon [Rubicon of Yugoslavia]. In: *Journal Room*. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/ro11-pr.html> (accessed 18.01.2018). (In Russ.).
4. Bukvich, R. (2014). Regionalnaya problema Socialisticheskoy Yugoslavii v 1945-1991 gg. [The Regional Problem of Socialist Yugoslavia in 1945–1991]. In: *Mordovia University Bulletin*. Saransk, 3, p. 129–146. (In Russ.).
5. Guskova E. YU. (2004). Nacionalnaya politika v stranah formiruyushchegosya sovetskogo bloka [National policy in the countries of the emerging Soviet bloc]. In: *Features of the solution of the national question in Yugoslavia in the first postwar years*, 2004. Moscow, p. 443–482. (In Russ.).
6. Toshovich, B. (2011). Obshchaya informaciya [General information]. In: *Correlation grammar of Serbian, Croatian and Bosniac languages*, 2011. Moscow, Languages of Slavic cultures, p. 17–21. (In Russ.).
7. Guskova, E. YU. (2016). Vooruzhennyj konflikt i politicheskoe uregulirovanie: Krizis dialogovoj modeli na Balkanah v 90-e gody XX veka [Armed Conflict and Political Settlement: The Crisis of the Dialogue Model in the Balkans in the 1990s]. In: *Modern and Current History*. Moscow, 6, p. 78. (In Russ.).

8. Romanenko, S. A. (2018). Tipologiya processov nacionalnogo samoopredeleniya [Typology of the processes of national self-determination]. In: Federal educational portal EHSM. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/889/219/1217/006rOMANENKO.pdf> (accessed 18.01.2018). (In Russ.).
9. Ivanova, YU. V. Kosovskij krizis. Etnicheskie aspekty problem (1999). [The Kosovo crisis. Ethnic aspects of the problem]. In: *Research on applied and urgent Ethnology*, 1999. Moscow, IEA, p. 3–16. (In Russ.).
10. Berendeev, M. V. (2015). Ehtnopoliticheskiy diskurs identichnosti v regionalnom prostranstve byvshej Yugoslavii: bosnijskiy sindrom [Ethnopolitical discourse of identity in the regional space of the former Yugoslavia: the Bosnian syndrome]. In: *Immanuel Kant Baltic Federal University's Vestnik*. Kaliningrad, 12, p. 139–149. (In Russ.).
11. Belyakova, T. (2014). Konstruirovaniye nacionalnoj identichnosti v socialisticheskoy Yugoslavii I makedonskiy cerkovnyj vopros [The construction of national identity in socialist Yugoslavia and the Macedonian church question]. In: *State, Religion and Church*. Moscow, 4, p. 62–85. (In Russ.).
12. Tyagunenkov, L. V. (2001). Soyuznaya Respublika Yugoslaviya na rubezhe XXI veka. Priroda Yugoslavskogo krizisa [Federal Republic of Yugoslavia at the turn of the century. The nature of the Yugoslav crisis]. In: *Modern and Current History*. Moscow, 3, p. 28–45. (In Russ.).
13. Lebedeva, M. M. (2000). Mirovaya politika i mezhdunarodnye otnosheniya na poroge novogo tysyacheletiya: sb. nauch. st. [World Politics and International Relations at the Edge of New Millennium: collection of scientific papers]. Moscow, RSCI, 83 p. (In Russ.).
14. Chesnovskij, M. E. (2016). Strany Srednej Evropy v mezhdunarodnyh otnosheniyah (1989–2014 gg.) [Countries of Central Europe in international relations (1989–2014 gg.)]. Minsk, BSU, 239 p.
15. Tabachnikov, B. YA. (2009). Yugoslavskij razlom [Yugoslavian fault]. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. Voronezh, 2, p. 32–41. (In Russ.).

Received: 18.09.2018.

For citations: Dzemyanovich, Y. E. (2018). Ethno-religious contradictions in Yugoslavia: historical and modern context. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 55–71.

About author: Dzemyanovich Yuliya Eduardovna – a doctorate student of the Department of international relations of Belarusian State University (Minsk); e-mail: yuliya-dzemy@rambler.ru.

ПОЛИТИКА ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

И. В. ЗУЕВ

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена реализации концепции безопасности человека во внешней политике и политике безопасности Швейцарии. В ней дается краткий обзор исследований этой концепции и ее отдельных аспектов. Оценивается международная обстановка после окончания холодной войны и прослеживается история разработки концепции, начиная от первого упоминания в Докладе ООН о человеческом развитии (1994 г.) до итоговой формулировки (2012 г.), содержащей право всех людей на свободу от страха, свободу от нужды и свободу жить в достойных условиях.

Делается акцент на том, что Конфедерация включила эту концепцию в свою политику в начале 2000-х гг., когда стратегия безопасности через сотрудничество (с 1999 г.) окончательно сменила ее предыдущую концепцию всеобщей обороны (с 1973 г.). Дается информация о соответствующей национальной правовой базе, работе координационного органа (отдела по вопросам безопасности человека) и механизмах финансирования.

Описывая четыре основных направления деятельности Швейцарии в этой сфере – политику мира, гуманитарную политику, политику в области прав человека и внешнюю политику в области миграции, автор обращает внимание на то, что в каждом из них Конфедерация поддерживает различные инициативы и выступает с собственными, а также стремится расширять и укреплять международный диалог и сотрудничество.

Ключевые слова: безопасность человека; добрые услуги; насильственный экстремизм; разоружение и нераспространение оружия; частные военные и охранные компании; Инициатива Нансена; Совет ООН по правам человека; смертная казнь; миграционные партнерства.

Введение. Концепция безопасности человека, разработанная в ООН вскоре после окончания холодной войны, признала защиту каждого отдельного лица столь же значимой, как и защита суверенитета и территориальной целостности государств.

Современные проблемы безопасности, стоящие перед человечеством, – вооруженное насилие, политические репрессии, нищета и голод, стихийные бедствия – требуют всеобъемлющего и последова-

тельного подхода для решения и координации усилий всего международного сообщества.

Швейцария придерживается этой концепции с начала 2000-х гг., именно в это время она приняла стратегию *безопасности через сотрудничество*, основанную на схожих идеях. Кроме того, реализация концепции безопасности человека позволяет Конфедерации поддерживать и укреплять имидж миротворца и нейтрального посредника с богатыми гуманитарными традициями и многолетним опытом разрешения международных споров.

Безопасность человека входит в перечень приоритетных направлений научных исследований Республики Беларусь на 2016–2020 гг. Изучение швейцарского опыта в этой сфере может быть полезным при разработке внешнеполитической концепции Беларуси, а также при налаживании отношений со Швейцарской Конфедерацией.

Цель данной статьи – охарактеризовать сущность концепции безопасности человека, определить ее место и роль во внешней политике и политике безопасности Швейцарии и выяснить, в каких направлениях реализации этой концепции Конфедерация проявляет наибольшую активность и инициативность, особенно в Европе.

Методы исследования. При написании данной статьи применялись как общелогические методы, так и частнонаучные – методы исторических и политических наук.

Метод *анализа* использовался для рассмотрения четырех отдельных направлений реализации концепции безопасности человека в Швейцарии, а *историко-генетический* – для изучения процесса ее разработки в ООН. Общие черты между переходом от концепции национальной безопасности к концепции безопасности человека и сменной стратегии безопасности Конфедерации (в обоих случаях на первый план вышло сотрудничество) помог определить *историко-сравнительный* метод. А *институциональный* метод позволил изучить работу международных органов и площадок для диалога, созданных по инициативе Швейцарии.

Обзор литературы по теме. Безопасность человека – достаточно новая концепция, которая появилась в 1994 г. и была окончательно сформулирована только к 2012 г. Однако она уже нашла отражение в ряде академических исследований, включая статью Г. Кинга и К. Мюррея [1] и книгу С. Алкир [2].

В Швейцарии эта тема изучалась в цюрихском Центре исследования проблем безопасности. Д. Трахслер сравнил различные подходы к обеспечению безопасности человека в условиях многочисленных гражданских войн и других вооруженных конфликтов, а также подчеркнул необходимость международного сотрудничества, которого придерживается Конфедерация в своей внешней политике [3]. Этот автор оценил значимость Швейцарии как державы-покровительницы [4], а Й. Бауманн и Г. Клейтон – ее роль в посредничестве [5]. Участие Конфедерации в механизмах контроля над вооружениями рассмотрели М. Бьери и К. Нюнлист [6], ее вклад в предотвращение насильственного экстремизма – О. Фрейзер и К. Нюнлист [7], а инициативы в области защиты прав человека – С. Барме [8].

В журнале «Швейцарское обозрение политической науки» также был опубликован ряд научных трудов, посвященных отдельным аспектам безопасности человека. Еще в середине 1990-х гг. в нем были изданы статьи Р. Борсани о добрых услугах Швейцарии [9] и П. Хуга о нераспространении оружия [10]. Один из его специальных выпусков («Прирожденные миротворцы», 2013 г.) был посвящен политике мира малых европейских государств, в том числе Швейцарии. В него вошли статьи Л. Гётшеля [11], А. Графа и Д. Ланца [12].

Кроме того, концепции безопасности человека уделил внимание М. Фино в работах о гуманитарном разоружении [13] и роли Женевы в этом процессе [14]. На постсоветском пространстве добрые услуги как часть швейцарской внешней политики исследовали В. Я. Швейцер и А. И. Степанов [15].

Результаты исследования. В период холодной войны руководство Швейцарии придерживалось традиционного понимания безопасности, которое ограничивалось военно-политической сферой. Концепция всеобщей обороны, официально принятая в 1973 г., предусматривала наращивание ее военного потенциала, чтобы путем устрашения предотвратить попытки давления на Конфедерацию, защитить ее национальные интересы и отвести возможные вооруженные нападения подальше от ее территории.

В последующие годы международная обстановка значительно изменилась. С одной стороны, государства из бывших противоборствующих блоков выразили готовность к сотрудничеству, которая проявилась, в частности в принятии на саммите СБСЕ Парижской

хартии для новой Европы (1990 г.), реализации программы НАТО «Партнерство ради мира» (с 1994 г.), а также в подготовке к восточному расширению ЕС (1994–1996 гг.)¹. С другой стороны, во многих частях мира произошли кардинальные территориальные, политические, экономические и социальные преобразования, которые заставили всех по-новому взглянуть на угрозы и опасности: региональные конфликты с участием государственных и негосударственных субъектов, неконтролируемый рост населения, растущий разрыв между богатыми и бедными регионами, массовое беженство и миграция, деградация окружающей среды, организованная преступность, включая распространение оружия массового уничтожения, наркоторговлю и торговлю людьми, а также терроризм и насильственный экстремизм.

Наиболее уязвимыми перед их лицом становятся мирные жители конфликтных регионов и население развивающихся стран. Однако для них эти угрозы проявляются по-своему – в виде голода и болезней, безработицы и преступности, столкновений на этнорелигиозной почве и политических репрессий. Решением этих вопросов в 1994 г. занялась Организация Объединенных Наций, которая сформулировала текущую ситуацию в Докладе о человеческом развитии² и призвала все государства и международные организации объединить свои усилия в предотвращении угроз, стоящих перед каждым человеком и человечеством в целом.

Так появилась универсальная концепция *безопасности человека* (*human security*). Изначально она включала два взаимосвязанных компонента (свободу от страха и свободу от нужды) и предусматривала обеспечение экономической, продовольственной безопасности, безопасности здоровья, экологической, личной безопасности, безопасности сообществ и политической безопасности. Для реализации новой концепции был создан ряд учреждений: Целевой фонд ООН (1999 г.), комиссия (2001–2003 гг.) и сменивший ее Консультативный совет (2003 г.), а также Группа ООН по безопасности человека (2004 г.). Однако лишь на Всемирном саммите 2005 г. главы государств и правительств впервые выразили намерение обсудить само понятие «безопасность человека». Его итоговое определение, которое

¹ Страны бывшего социалистического блока – Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония – присоединились к Европейскому союзу 1 мая 2004 г., однако заявки на вступление они подавали в 1994–1996 гг.

² Human Development Report 1994. – New York : Oxford Univ. Press, 1994. – P. 22–40.

рассматривалось в 2010–2012 гг. в докладах генерального секретаря и на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, включает обеспечение трех свобод (свободы от страха, свободы от нужды и свободы жить в достойных условиях), благодаря чему каждый человек сможет пользоваться всеми своими правами и всесторонне раскрывать свой потенциал в условиях равенства возможностей³.

Концепция безопасности человека нашла непосредственное отражение во внешней политике и политике безопасности Швейцарии. Федеральный совет впервые обратил внимание на эту тему в конце 2000 г. – в докладе, подготовленном по результатам своей внешней политики в 1990-х гг. и в соответствии с положениями принятой незадолго до этого Декларации тысячелетия. Руководство Конфедерации подчеркнуло, что промышленно развитые и развивающиеся страны имеют общие жизненно важные интересы и вместе формируют «сообщество безопасности и единой судьбы». При этом обеспечение безопасности человека возможно только при условии применения общих стандартов, таких как принцип благого управления (*good governance*), не только в отдельных государствах, но и во всем мире в целом⁴.

Только лишь словами в Конфедерации не ограничились. Опираясь на традиции оказания добрых услуг и защиты уязвимых лиц, а также опыт участия швейцарских дипломатов и экспертов в урегулировании международных конфликтов, руководство Швейцарии подготовило ряд преобразований. Уже в 2000 г. в составе федерального департамента иностранных дел (ФДИД) был создан отдел по вопросам безопасности человека, основу работы которого составили четыре направления: политика мира, гуманитарная политика, политика в области прав человека и внешняя политика в области миграции⁵.

Правовую базу для содействия безопасности человека в Швейцарии составил федеральный закон «О мерах по гражданскому миростроительству⁶ и укреплению прав человека» от 19 декабря 2003 г.,

³ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 10 сентября 2012 года // Система официальной документации ООН. – A/RES/66/290.

⁴ Aussenpolitischer Bericht 2000 // Bundesblatt. – BBl, 2001, 261. – S. 279.

⁵ Human Security Division // Federal Department of Foreign Affairs [Electronic resource]. – URL : <https://eda.admin.ch/hsd> (accessed : 14.09.2018).

⁶ Миростроительство – постконфликтное восстановление, один из элементов концепции безопасности, предложенной генеральным секретарем ООН Б. Бутросом-Гали в «Повестке

вступивший в силу в мае 2004 г.⁷ На его реализацию парламент Конфедерации выделил рамочный кредит в размере 240 млн франков, рассчитанный на период с 2004 по 2007 гг. Впоследствии финансирование продлевалось на 2008–2011 гг., 2012–2016 гг. и 2017–2020 гг. Общая сумма за все время составила более 1,1 млрд франков, причем на Европу в разные годы приходилось от 20 до 32 % от нее. Следуя за событиями в мире, приоритетная помощь в этом регионе направлялась в Юго-Восточную Европу, с 2012 г. она распространилась также на Кавказ и Центральную Азию, а с 2015 г. – на Украину⁸.

Политика мира. Приоритет швейцарской политики мира – предупреждение новых конфликтов и предотвращение возобновления или обострения существующих. Конфедерация пользуется широким доверием и уважением как компетентный, надежный и беспристрастный партнер, поэтому ее *добрые услуги* находят спрос в самых разных частях мира. Нейтральная Швейцария востребована как *державо-покровительница*: в частности, она представляет взаимные интересы Грузии и России, с 2008 г. не имеющих прямых дипломатических отношений.

Швейцарские дипломаты также выступают в качестве *посредников*. Так, М. Амбюль способствовал подписанию Цюрихских протоколов (2009 г.), положивших начало нормализации взаимоотношений Армении и Турции, а благодаря М. Кальми-Ре Россия и Грузия заключили таможенное соглашение (2011 г.), открывшее России путь во Всемирную торговую организацию. Кроме того, Х. Тальявини в 2014–2015 гг. занимала должность спецпредставителя генерального секретаря ОБСЕ на встречах трехсторонней контактной группы по Украине, а Т. Фриш с 2015 г. координировал там рабочую подгруппу по гуманитарным вопросам.

Еще одно направление добрых услуг – *содействие диалогу*, при котором третья сторона оказывает только логистическую поддержку, не участвуя в самом процессе переговоров. В 2004 г. Бюргеншток

дня для мира» (1992 г.), наряду с превентивной дипломатией, миротворчеством и поддержанием мира.

⁷ Bundesgesetz über Massnahmen zur zivilen Friedensförderung und Stärkung der Menschenrechte // Systematische Rechtsammlung. – SR 193.9.

⁸ Кроме того, приоритетными направлениями для политики Швейцарии в сфере безопасности человека были и остаются Ближний и Средний Восток, Африка к югу от Сахары, отдельные страны Азии (Непал, Филиппины, Шри-Ланка) и Южной Америки (Колумбия), а с 2012 г. – и Северная Африка.

(кантон Нидвальден), а в 2016–2017 гг. – Мон-Пелерин (кантон Во), Женева и Кран-Монтана (кантон Вале) стали площадками для обсуждения путей урегулирования кипрского конфликта между Грецией и Турцией. А в конце 2015 г. в Берне состоялась встреча президентов Азербайджана и Армении, где обсуждался конфликт в Нагорном Карабахе. Важную роль играет и традиционная роль Швейцарии как *государства пребывания*: в Женеве, Базеле, Берне, Лозанне (кантон Во), Лугано (кантон Тичино), Люцерне, Монтрё (кантон Во) и Цюрихе созданы благоприятные условия для размещения международных организаций, а также проведения конференций и других встреч.

Важнейшей предпосылкой того, чтобы завершённый конфликт не возобновился, служит примирение в обществе, а замалчивание преступлений и безнаказанность, напротив, могут привести к росту напряженности и всплеску нового насилия. Поэтому инициативы Конфедерации в области *избавления от наследия прошлого* опираются на свод принципов, разработанных в 1997 г. Л. Жуане и утвержденных Комиссией ООН по правам человека. Он включает право на информацию, право на восстановление справедливости, право на возмещение ущерба и гарантии неповторения нарушений.

На основе этих принципов Федеральный департамент иностранных дел и Швейцарский фонд мира в 2003 г. совместно разработали Концептуальную основу избавления от наследия прошлого⁹. С 2011 г. специалисты межведомственной целевой группы реализуют ее рекомендации, дают консультации и делятся опытом в постконфликтных зонах на Балканском полуострове, на Кавказе, в Средиземноморье, странах Африки и Латинской Америки. Кроме того, по инициативе Швейцарии, Аргентины и Марокко в 2011 г. Совет ООН по правам человека назначил специального докладчика по вопросу о содействии установлению истины, правосудию, возмещению ущерба и гарантиям недопущения нарушений; в 2012 г. этот пост занял П. де Грейфф.

Один из важнейших элементов миростроительства – работа по *предотвращению массовых злодеяний*, подобных геноциду в Сребренице в июле 1995 г., унесшему жизни более 8 тыс. боснийских мусульман. Поэтому в 2013 г. представители Швейцарии, Австралии, Аргентины, Дании, Коста-Рики и Танзании, а также ряда организаций

⁹ A conceptual framework for dealing with the past // Swiss Peace Foundation [Electronic resource]. – URL : http://archivesproject.swisspeace.ch/fileadmin/archivesproject/Essential_2_2016_EN.pdf (accessed : 14.09.2018).

договорились укрепить и расширить превентивные меры на национальном и международном уровнях.

Эта встреча положила начало Глобальному движению против массовых злодеяний (*GAAMAC*), офис которого открылся в октябре 2017 г. в Женеве.

Стабилизационная роль миростроительства важна и для *предотвращения насильственного экстремизма*: слабость государственных институтов способствует усилению влияния террористических группировок в зоне конфликта, к которым примыкают люди, испытывающие страх и нужду, особенно женщины и молодежь. Для предотвращения их радикализации ФДИД разработал план, который Д. Буркхальтер и Пан Ги Мун представили в апреле 2016 г. в Женеве¹⁰. Кроме того, швейцарские эксперты сами выявляют причины экстремизма (примером может служить совместное с Норвегией исследование о радикализации детей в Боснии и Герцеговине) и делятся передовым опытом в рамках ОБСЕ, Совета Европы, Международной организации Франкофонии и других объединений.

Предотвращение насильственного экстремизма является важным элементом *борьбы с терроризмом*. Швейцария совместно с Коста-Рикой, Словакией, Турцией и Японией в 2008 г. инициировала Международный процесс глобального контртеррористического сотрудничества, подготовив ряд рекомендаций по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН, принятой в 2006 г. В 2011 г. Конфедерация стала одной из стран – основательниц Глобального контртеррористического форума (*GCTF*), а в ноябре 2014 г. в Женеве начал работу Глобальный фонд для вовлечения и повышения сопротивляемости общин (*GCERF*), созданный для противодействия насильственному экстремизму на местном уровне.

В период своего председательства в ОБСЕ Швейцария также уделяла внимание борьбе с терроризмом. В апреле 2014 г. она организовала конференцию, где были выработаны «Интерлакенские рекомендации» (по названию города в кантоне Берн), содержащие меры против лиц, похищающих людей с целью выкупа, и «террористов-путешественников», а также требования соблюдать нормы международного права и обеспечивать прозрачность и подотчетность борьбы

¹⁰ Switzerland's foreign policy action plan on preventing violent extremism. – Berne : Federal Department of Foreign Affairs, 2016.

с терроризмом¹¹. Кроме того, Конфедерация вносит свой вклад в предотвращение финансирования террористической деятельности в составе *FATF* – Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (с 1990 г.) и *CTAG* – Группы контртеррористических действий при «Группе семи» (с 2003 г.).

Даже в борьбе с терроризмом необходимо соблюдать права человека и другие международные нормы. Поэтому в 2005 г. группа государств под началом Швейцарии, куда входят Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Коста-Рика, Лихтенштейн, Нидерланды, Норвегия, Финляндия и Швеция, начала разработку предложений об укреплении справедливых и четких процедур для обеспечения большей эффективности системы санкций ООН, которые были направлены Совету Безопасности в ноябре 2015 г. А в мае 2016 г. на конференции *GCTF* в Нёвшателе по инициативе Швейцарии был принят Меморандум о надлежащей практике правосудия в отношении несовершеннолетних лиц в контексте борьбы с терроризмом.

Гуманитарная политика. Гуманитарное направление всегда занимало особое место во внешней политике Швейцарии, особенно с учетом того, что она является депозитарием Женевских конвенций 1949 г. о защите жертв войны и дополнительных протоколов к ним. С возникновением концепции безопасности человека *разоружение и нераспространение оружия* также все больше приобретают гуманитарный характер: во-первых, они потенциально снижают объем повреждений или страданий, который могло бы причинить оружие, а, во-вторых, они освобождают средства, которые могут быть направлены на проекты по улучшению условий жизни людей.

В вопросе разоружения Конфедерация всегда была на передовых позициях: в Женеве был подписан Протокол о запрещении удашающих газов и бактериологических средств (1925 г.), проходила Конференция по сокращению и ограничению вооружений (1932–1937 гг.), а также ряд международных форумов под эгидой ООН (с 1960 г.), в том числе Конференция по разоружению (с 1979 г., но с конца 1990-х гг. существенный прогресс в ее работе отсутствует). Швейцария является стороной всех международных соглашений в сфере нераспространения оружия массового уничтожения и обычного

¹¹ The Chairmanship Interlaken Recommendations // Organization for Security and Co-operation in Europe [Electronic resource]. – URL : <https://www.osce.org/cio/118146> (accessed : 14.09.2018).

оружия и участвует во всех международных режимах контроля над вооружениями.

Сегодня реализация политики Конфедерации в этой сфере концентрируется вокруг трех женеvских центров. Центр политики безопасности, основанный в 1995 г., проводит курсы обучения для швейцарских и зарубежных госслужащих, в том числе по программе «Партнерство ради мира». Международный центр по гуманитарному разминированию, открывшийся в 1998 г., разместил у себя секретариаты Оттаvской конвенции о запрещении противопехотных мин (с 2001 г.) и Конвенции Осло по кассетным боеприпасам (с 2015 г.). Центр по демократическому контролю над вооруженными силами, который начал свою работу в 2000 г., широко сотрудничает с ООН, ОБСЕ, ЕС, ОЭСР и НАТО. В 2011 г. три Женевских центра присоединились к федеральному департаменту иностранных дел, а в 2014 г. переехали в Дом мира (*Maison de la paix*) – новый международный комплекс, построенный для содействия обмену опытом и обсуждению вопросов внешней политики, политики безопасности и политики мира. Там же в 2016 г. разместилась Женевская платформа по разоружению (*GDP*) – неправительственная ассоциация, нацеленная на сотрудничество вне формальных политических рамок. Кроме того, со времен Первой мировой войны сохраняет значимость Лаборатория Шпиц (в кантоне Берн), которая проводит исследования в области ядерного, биологического и химического оружия и вносит вклад в обеспечение безопасности человека и окружающей среды.

Нормы *международного гуманитарного права* зачастую отстают от быстро обновляющихся средств и методов ведения войны. В частности, широкое распространение в современных вооруженных конфликтах получили частные военные и охранные компании (ЧВОК), правовой статус которых в соответствии с Гаагскими (1907 г.) и Женевскими (1949 г.) конвенциями оставался спорным. Поэтому Швейцария и Международный комитет Красного Креста запустили совместную инициативу, благодаря которой 17 сентября 2008 г. был принят «Документ Монтрё», рекомендуемый государствам и ЧВОК уважать нормы международного гуманитарного права и стандарты в области прав человека¹². Впоследствии его дополнил

¹² Письмо Постоянного представителя Швейцарии при ООН от 2 октября 2008 г. на имя Генерального секретаря // Система официальной документации ООН. – A/63/467-S/2008/636.

Международный кодекс поведения частных охранных компаний (*ICoC*), утвержденный 9 ноября 2010 г., а в 2013 г. начал работу его контрольный механизм (*ICoCA*). В ноябре 2017 г. в Женеве прошло первое заседание Группы правительственных экспертов (*GGE*), созданной по инициативе Швейцарии в целях правового регулирования применения автономных систем оружия летального действия (*LAWS*).

Одна из целей гуманитарной политики – защищать лиц, перемещенных вследствие *стихийных бедствий* или *изменения климата*. Однако в отличие от тех, кто пострадал в результате военных действий, они не могут пользоваться той же международной защитой: в частности, на них не распространяется действие Конвенции о статусе беженцев (1951 г.). Чтобы определить, как помочь этим людям, в 2012 г. правительства Швейцарии и Норвегии запустили совместную Инициативу Нансена¹³. Результатом трехлетней работы во всех регионах мира, которую координировал В. Келин, стала разработка программы действий, принятой 14 октября 2015 г. Для ее реализации на Всемирном саммите по гуманитарным вопросам, который проходил в мае 2016 г. в Стамбуле, была запущена Платформа по вопросам перемещения в результате стихийных бедствий.

Политика в области прав человека. Уважение прав человека – важнейшая предпосылка безопасного и стабильного развития общества и государства. Оно способствует снижению международной напряженности, насильственного экстремизма, сокращению масштабов нищеты и беженства, а также устойчивому развитию. Права человека подробно кодифицированы в декларациях, конвенциях, пактах, конституциях и других документах, однако они постоянно нарушаются. Одной из причин этого до недавнего времени было отсутствие *контроля за их соблюдением*. Поэтому в марте 2006 г. по инициативе Швейцарии был создан Совет ООН по правам человека со штаб-квартирой в Женеве. В отличие от его предшественницы, Комиссии ООН по правам человека, в совете было исключено членство государств, которые систематически сами их нарушают, а также заработал механизм проведения универсальных периодических обзоров о соблюдении прав человека государствами-членами.

¹³ Она была названа в честь Ф. Нансена (1861–1930 гг.) – норвежского полярного исследователя, ученого, политика и гуманиста, а также первого Верховного комиссара по делам беженцев (1922–1927 гг.).

В дальнейшем Конфедерация продолжала выступать за совершенствование международных институтов в сфере прав человека. Так, 5 декабря 2008 г. группа международных экспертов, созданная по инициативе Швейцарии, Австрии, Бразилии, Катара и Норвегии, подготовила документ под названием «Защита достоинства: повестка дня по правам человека», где они призвали все государства признать общую ответственность и укрепить сотрудничество в сфере защиты прав человека и международного правосудия. В 2016 г. глава ФДИД Д. Буркхальтер выступил с «Призывом от 13 июня: поставить права человека в центр предотвращения конфликтов», предложив улучшить координацию между Советом Безопасности, Советом по правам человека и другими органами ООН.

В мае 2011 г. правительство Швейцарии решило использовать все будущие двусторонние и многосторонние встречи и мероприятия для вклада в решение вопросов прав человека. Важнейшим из них является проблема сохранения *смертной казни* в 56 странах мира. Поставив своей целью добиться глобальной отмены высшей меры наказания к 2025 г., Конфедерация не только разработала стратегию (2013–2016 гг.) и план действий (2017–2019 гг.), но и проводит двусторонние консультации с этими странами, а также сотрудничает с ООН, неправительственными организациями, политиками и представителями гражданского общества.

Внешняя политика в области миграции. Современная глобализация изменила миграцию. Более 200 млн человек постоянно находятся за рубежом в поисках работы, образования и лучших условий жизни. Из них 68,5 млн являются вынужденными переселенцами, которые бегут от политического преследования, вооруженных конфликтов, природных катастроф, бедности и голода.

Как страна, куда еще со времен Ж. Кальвина стремились попасть мигранты со всего света, Швейцария в своей внешней политике придерживается всеобъемлющего подхода, учитывающего не только проблемы, но и экономические, социальные и культурные возможности миграции, а также выступает за укрепление сотрудничества между странами происхождения, транзита и назначения мигрантов с учетом их взаимных интересов. Для этих целей она установила двусторонние *миграционные партнерства* с Боснией и Герцеговиной (2009 г.), Сербией (2009 г.), Косово (2010 г.), Нигерией (2011 г.), Ту-

нисом (2012 г.) и Шри-Ланкой (2018 г.). Они направлены на решение визовых и консульских вопросов, борьбу с нелегальной миграцией и торговлей людьми, обмен информацией и подготовку кадров, а также содействие интеграции мигрантов и укрепление отношений с диаспорами. Кроме того, Конфедерация уделяет внимание программам *защиты в регионе*, поддерживая страны Африканского Рога и Ближнего Востока в деле предотвращения причин вынужденной миграции и улучшения условий жизни перемещенных лиц.

На *многостороннем уровне* Швейцария также вносит весомый вклад в решение миграционных вопросов. Она участвовала в обоих раундах Диалога высокого уровня по вопросам международной миграции и развития в Нью-Йорке (2006 и 2013 гг.), причем предложения Э. Гнеза по укреплению международного сотрудничества в этой сфере и опоре миграционной политики на устойчивое развитие и уважение прав человека были включены в итоговую декларацию. В конце 2011 г. в Женеве проходило заседание Глобального форума по миграции и развитию (*GFMD*), где под председательством Конфедерации в повестку дня были внесены вопросы вовлечения гражданского общества и частного сектора в решение этих проблем. Кроме того, с апреля 2017 г. Ю. Лаубер и Х. Х. Гомес Камачо, постоянные представители Швейцарии и Мексики при ООН, совместно координировали подготовку Глобального договора о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции. 13 июля 2018 г. текст этого исторического документа был успешно согласован¹⁴, а в декабре 2018 г. главы государств и правительств планируют официально утвердить его на конференции в Марракеше (Марокко).

Выводы. С начала 2000-х гг. внешняя политика и политика безопасности Швейцарии строятся на принципах безопасности человека – универсальной всеобъемлющей концепции, которая основана на предотвращении угроз, стоящих перед каждым человеком и человечеством в целом, и нацелена на обеспечение свободы от страха, свободы от нужды и свободы жить в достойных условиях. Четыре основных направления деятельности Конфедерации в этой сфере включают политику мира, гуманитарную политику, политику в области прав человека и внешнюю политику в области миграции.

¹⁴ Страны – члены ООН успешно согласовали текст первого в истории всеобъемлющего договора о миграции // Новости ООН [Электронный ресурс]. – URL : <https://news.un.org/ru/story/2018/07/1334312> (дата обращения : 14.09.2018).

Сохраняя традиции оказания добрых услуг, Швейцария стремится свести враждующие стороны за столом переговоров, помогает в миростроительстве, включая примирение и восстановление справедливости, способствует предотвращению радикализации, всплесков насилия и распространения терроризма, что препятствует возобновлению конфликтов.

Конфедерация прилагает все усилия, чтобы помочь лицам, пострадавшим в результате военных действий и природных катастроф. Она поддерживает процесс разоружения, укрепляет гуманитарный диалог и сотрудничество, а также участвует в инициативах по модернизации норм международного права в соответствии с современными реалиями.

Швейцария выступает за то, чтобы все государственные и негосударственные субъекты признали общую ответственность за соблюдение прав человека, для чего были созданы соответствующие механизмы международного контроля под эгидой ООН. Кроме того, она добивается искоренения смертной казни во всем мире.

Конфедерация способствует укреплению взаимовыгодного партнерства между странами происхождения, транзита и назначения мигрантов. Для этого она не только сотрудничает с ними напрямую, но и поддерживает многосторонний диалог, направленный на упорядочение миграционного процесса и улучшение защиты прав перемещенных лиц.

Библиографические ссылки

1. *King G., Murray C. J. L.* Rethinking human security // *Political Science Quarterly*. – 2001. – Vol. 116, № 4. – P. 585–610.
2. *Alkire S.* A conceptual framework for human security // *CRISE Working Paper*. – 2003. – № 2. – P. 1–52.
3. *Trachsler D.* Human security : Genesis, debates, trends // *CSS Analysis in Security Policy*. – 2011. – № 90. – P. 1–3.
4. *Trachsler D.* Representing foreign interests : Rebirth of a Swiss tradition? // *CSS Analysis in Security Policy*. – 2012. – № 108. – P. 1–4.
5. *Baumann J., Clayton G.* Mediation in violent conflict // *CSS Analyses in Security Policy*. – 2017. – № 211. – P. 1–4.
6. *Bieri M., Nünlist C.* The future of conventional arms control in Europe // *CSS Analysis in Security Policy*. – 2013. – № 146. – P. 1–4.
7. *Frazer O., Nünlist C.* The concept of countering violent extremism // *CSS Analyses in Security Policy*. – 2015. – № 183. – P. 1–4.

8. *Barnet C.* The UN human rights pillar on shaky ground // *CSS Analyses in Security Policy*. – 2018. – № 228. – P. 1–4.
9. *Borsani R.* Die Schweiz und die Guten Dienst : Ein weiterer Grund für den Alleingang? // *Swiss Political Science Review*. – 1995. – Vol. 1, № 2–3. – P. 111–137.
10. *Hug P.* Die internationale Politik zur Eindämmung von Rüstungstransfers als neue Herausforderung an die Schweiz // *Swiss Political Science Review*. – 1995. – Vol. 1, № 2–3. – P. 191–222.
11. *Goetschel L.* Introduction to special issue : Bound to be peaceful? The changing approach of Western European small states to peace // *Swiss Political Science Review*. – 2013. – Vol. 19, № 3. – P. 259–278.
12. *Graf A., Lanz D.* Conclusions: Switzerland as a paradigmatic case of small-state peace policy? // *Swiss Political Science Review*. – 2013. – Vol. 19, № 3. – P. 410–423.
13. *Finaud M.* Humanitarian disarmament: Powerful new paradigm or naive utopia? // *GCSP Geneva Papers Research Series*. – 2017. – № 21. – P. 1–56.
14. *Finaud M.* Can Geneva become again the city of disarmament? // *UN Special*. – 2018. – № 6. – P. 8–9.
15. *Швейцер В. Я., Степанов А. И.* Своеобразие нейтралитета // Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / под ред. В. Я. Швейцера. – М. : Весь мир, 2009. – С. 144–164.

Дата поступления статьи: 20.09.2018.

Образец цитирования: *Зуев И. В.* Политика Швейцарской Конфедерации в сфере безопасности человека // *Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития* : сб. науч. ст. – Минск, 2018. – Вып. 6. – С. 72–88.

Автор: Зуев Илья Владимирович – аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: ilya.zuefff@gmail.com.

HUMAN SECURITY POLICY OF THE SWISS CONFEDERATION

I. U. ZUYEU

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article deals with the implementation of the concept of human security in Switzerland's foreign and security policy. It provides a brief overview of the studies on this concept and its individual aspects. It assesses the international situation after the end of the Cold War and traces the development of this concept from its first mention in the UN Human Development Report (1994) to the final formula (2012) entitling all individuals to freedom from fear, freedom from want and freedom to live in dignity.

The article emphasizes the fact that the Confederation incorporated this concept into its policy in the early 2000s, when the strategy of security through cooperation (since 1999) had completely replaced its previous concept of total defence (since 1973). It describes the relevant national legal framework, coordinating authority (Human Security Division) and credit facilities.

While describing the four main areas of Switzerland's activities in this area, i.e., peace policy, humanitarian policy, human rights policy and foreign policy on migration, the author notes that in each of them the Confederation supports various initiatives and submits its own as well as seeks to increase and strengthen the international dialogue and cooperation.

Keywords: human security; good offices; violent extremism; disarmament and non-proliferation; private military and security companies; Nansen Initiative; UN Human Rights Council; death penalty; migration partnerships.

References

1. King, G., Murray, C. J. L. (2001). Rethinking human security. *Political Science Quarterly*, 116(4), p. 585–610. DOI: 10.2307/798222.
2. Alkire, S. (2003). *A conceptual framework for human security*. CRISE Working Paper, 2, 1–52.
3. Trachsler, D. (2011). *Human security: Genesis, debates, trends*. CSS Analysis in Security Policy, 90, p. 1–3.
4. Trachsler, D. (2012). *Representing foreign interests: Rebirth of a Swiss tradition?* CSS Analysis in Security Policy, 108, p. 1–4.
5. Baumann, J., Clayton, G. (2017). *Mediation in violent conflict*. CSS Analyses in Security Policy, 211, p. 1–4.
6. Bieri, M., Nünlist, C. (2013). *The future of conventional arms control in Europe*. CSS Analysis in Security Policy, 146, p. 1–4.
7. Frazer, O., Nünlist, C. (2015). *The concept of countering violent extremism*. CSS Analyses in Security Policy, 183, p. 1–4.
8. Barmet, C. (2018). *The UN human rights pillar on shaky ground*. CSS Analyses in Security Policy, 228, p. 1–4.
9. Borsani, R. (1995). Die Schweiz und die Guten Dienste: Ein weiterer Grund für den Alleingang? *Swiss Political Science Review*, 1(2–3), p. 111–137. DOI: 10.1002/j.1662-6370.1995.tb00012.x.
10. Hug, P. (1995). Die internationale Politik zur Eindämmung von Rüstungstransfers als neue Herausforderung an die Schweiz. *Swiss Political Science Review*, 1(2–3), p. 191–222. DOI: 10.1002/j.1662-6370.1995.tb00015.x.
11. Goetschel, L. (2013). Introduction to special issue: Bound to be peaceful? The changing approach of Western European small states to peace. *Swiss Political Science Review*, 19(3), p. 259–278. DOI: 10.1111/spsr.12047.
12. Graf, A., Lanz, D. (2013). Conclusions: Switzerland as a paradigmatic case of small-state peace policy? *Swiss Political Science Review*, 19(3), p. 410–423. DOI: 10.1111/spsr.12048.
13. Finaud, M. (2017). *Humanitarian disarmament: Powerful new paradigm or naive utopia?* GCSP Geneva Papers Research Series, 21, p. 1–56.
14. Finaud, M. (2018). Can Geneva become again the city of disarmament? *UN Special*, 6, p. 8–9.

15. Shveytzer, V. Y., Stepanov, A. I. (2009). The specificity of neutrality. In: V. Y. Shveytzer (ed.), *Alpine states and the Benelux in a changing Europe*. Moscow, Ves Mir pub., 1 p. 144–164. (In Russ.).

Received: 20.09.2018.

For citations: Zuyeu, I. U. (2018). Human security policy of the Swiss Confederation. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 72–88.

About author: Zuyeu Ilya Uladzimiravich – postgraduate student, Faculty of International Relations, Belarusian State University (Minsk); e-mail:ilya.zuefff@gmail.com.

ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА НА ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

(2002–2010 гг.)

И. А. ЛЕЩЕНЯ

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье впервые рассматривается комплексное влияние регионального фактора на палестино-израильское урегулирование в 2002–2010 гг. как самостоятельное направление исследования.

С учетом развития ситуации на Ближнем Востоке изучается специфика воздействия на конфликт ключевых региональных игроков – арабской «тройки» в составе Саудовской Аравии, Египта и Иордании, а также Турции и Ирана.

Рассматриваемый период отмечен активной деятельностью участников «Ближневосточного квартета» по реализации дорожной карты урегулирования конфликта. Особый интерес в данном процессе представляет роль региональных государств и их деятельность на палестинском направлении. В статье дана оценка воздействия региональных сил на миротворческие усилия глобальных игроков. Исследованы особенности реализации их национальных интересов и продвижения локальных инициатив в контексте борьбы за лидерство на Ближнем Востоке.

Автор указывает на взаимодополняемый характер действий «квартета» и арабской «тройки». Обозначены внутренние и внешние причины активизации и радикализации палестинской политики Турции и Ирана.

В результате проведенного анализа определена роль арабских государств, Турции и Ирана в урегулировании конфликта. Выявлены противоположные векторы воздействия на конфликт со стороны арабских и неарабских государств. Обоснована невозможность достижения урегулирования без учета их не совпадающих интересов.

Сделан вывод о том, что возрастание влияния на конфликт неарабских игроков стало региональным проявлением тупиковой ситуации в мирном процессе, которая сложилась накануне «арабской весны».

Ключевые слова: палестино-израильский конфликт; региональный фактор; арабская «тройка»; арабская мирная инициатива; Саудовская Аравия; Турция; Иран.

Введение. Арабо-израильский конфликт долгое время считался центральным для Ближнего Востока как региональной подсистемы

международных отношений. Неудивительно, что палестинская проблема как сердцевина этого конфликта, воздействуя на ситуацию в регионе, продолжает оставаться объектом пристального внимания региональных игроков. На перспективы палестино-израильского урегулирования оказывали влияние и другие события на Ближнем Востоке, которые затрагивали интересы вовлеченных в этот процесс акторов.

Однако под таким углом зрения соотношение региональной динамики и палестино-израильского урегулирования в научной литературе не рассматривалось.

Как правило, изучалась и анализировалась обратная связь: влияние действий сторон конфликта и связанных с ними событий внутрипалестинской повестки дня на ситуацию в регионе и, в частности, на изменение баланса глобальных и региональных сил на Ближнем Востоке (Р. Хаас [1], А. М. Высоцкий [2], Г. Г. Косач [3]).

С учетом активных политических контактов и диалога высокого уровня данное исследование будет иметь практическое значение для развития отношений Республики Беларусь с ключевыми региональными игроками и понимания их подходов к конфликту и со сторонами конфликта.

Методы исследования. Объектом данной статьи выступает палестино-израильское урегулирование. Предметом – политика ключевых государств Ближнего Востока в отношении конфликта.

Работа с фактологическим материалом по воздействию на конфликт со стороны различных государств, выявление направлений такого воздействия и критериев их оценки потребовало применения методов анализа, сравнения, обобщения и синтеза. Влияние ключевых региональных игроков на палестино-израильское урегулирование в соответствии с избранными в качестве критериев для оценки такого влияния направлениями изучалось с использованием метода кейс-стади (*case study*). Исследован лишь один региональный аспект палестино-израильского урегулирования, а не непосредственно мирный процесс. При работе с мемуарами бывших руководителей внешнеполитических ведомств использовался метод контент-анализа.

Обзор литературы по теме. В исследованиях по рассматриваемой теме отражены различные ее аспекты.

При этом коллективные усилия арабского мира по палестино-израильскому урегулированию представлены научными публикациями-

ями исключительно об арабской мирной инициативе (АМИ) (Э. Подэ [4], С. Аувад [5], В. Салем [6], А. Бен-Меир [7], Г. Бахгят [8]), продвижение которой было наиболее заметным, но далеко не единственным направлением данной активности участников Лиги арабских государств (ЛАГ).

Информация о более широком спектре действий ключевых арабских стран по ближневосточному урегулированию содержится в мемуарах непосредственных участников тех событий: бывшего министра иностранных дел Иордании М. Муашера [9] и бывшего министра иностранных дел Египта А. Аль-Гейта [10]. Представляет интерес оценка взаимодействия ключевых арабских игроков с международными посредниками, которая дана бывшим госсекретарем США К. Райс [11].

Ряд научных статей посвящен тематике палестино-израильского конфликта во внешней политике каждой отдельно взятой региональной державы и их влиянию на урегулирование: Саудовской Аравии (Г. Бахгят [12; 13], М. Камрава [14], Г. Г. Косач [15]), Турции (М. Альтунисик, Э. Цухадар [16], Б. Арас [17], Э. Эртосун [18]), Ирана (Л. М. Кулагина, В. М. Ахмедов [19], А. В. Баранов [20], С. Валид [21]).

Попытка сравнения политики двух региональных держав – Турции и Ирана – по палестинскому вопросу [22] привела к логичному выводу о схожести подходов двух стран, которая стала проявляться с конца 2008 г. Данное утверждение основано на анализе реакции турецкой стороны на события, связанные с развитием конфликта. Однако без учета внутривосточной составляющей и амбиций региональных акторов оно представляется не до конца обоснованным.

В этой связи следует выделить авторов, исследования которых раскрывают внутривосточные и идеологические основы радикализации позиций Турции, – А. Банк, Р. Карадаг [23], Н. Ю. Ульченко [24], М. Ульгюль [25], а также политики Ирана в палестинском вопросе – В. И. Сажин [26].

Результаты исследования. Целью настоящего исследования является определение характера воздействия на палестино-израильское урегулирование регионального фактора, который рассматривается как результат политики ключевых государств Ближнего Востока и развития ситуации в регионе.

Нижней границей рассматриваемого периода определен 2002 г. Это обусловлено рядом событий, которые создали предпосылки для повышения активности региональных игроков по палестино-израильской проблематике.

Наследный принц Саудовской Аравии Абдалла выступил с предложениями по урегулированию арабо-израильского конфликта, которые в качестве арабской мирной инициативы были одобрены на саммите Лиги арабских государств в Бейруте. В Турции впервые к власти пришла Партия справедливости и развития (ПСР), неоосманские устремления которой предопределили перспективу повышения удельного веса региона во внешней политике страны. Появилась информация о возобновлении иранской ядерной программы. С одной стороны, это послужило предпосылкой последующего нагнетания напряженности вокруг этой темы. С другой – вызвало усиление влияния на арабо-израильский конфликт позиции Ирана и его стремлений к достижению лидерства в регионе Ближнего Востока.

События «арабской весны», изменившие региональную повестку дня и создавшие новые реалии, представляют собой естественную *верхнюю границу* рассматриваемого периода.

В палестино-израильском урегулировании большая часть нулевых годов прошла под знаком разработанной «квartetом» международных посредников (США, ЕС, Россия, ООН) дорожной карты как наиболее системной попытки разрешения конфликта. Соответственно, основную роль в мирном процессе играли глобальные игроки, прежде всего США [27]. В принципиальном плане данный документ был одобрен не только сторонами конфликта, но и ключевыми арабскими странами, Турцией.

В этой связи влияние регионального фактора на палестино-израильское урегулирование предлагается рассмотреть как воздействие ключевых государств Ближнего Востока:

на международных посредников, включая участие стран региона в разработке и реализации их инициатив;

на стороны конфликта, включая инициативы по урегулированию конфликта, которые были разработаны и продвигались самими региональными игроками.

Роль арабских государств в палестино-израильском урегулировании. Если проблема Иерусалима важна для всех мусульманских

стран, то такие имеющие региональное измерение вопросы палестино-израильского конфликта, как безопасность и проблема беженцев, затрагивают интересы преимущественно арабских государств.

Соответственно, позиция именно арабских государств представляет интерес как для сторон палестино-израильского конфликта, так и для международных посредников.

Долгое время единые подходы арабского мира по вопросам конфликта с Израилем определялись «тройкой» в составе Египта, Саудовской Аравии и Сирии.

Лидирующая роль США в «квартете» означала, что возможностями влиять на международных посредников и играть свою роль в дирижируемом ими мирном процессе могли обладать только стратегические союзники Вашингтона.

Чтобы быть востребованными, такие союзники должны были обладать ресурсами для определения общеарабской позиции и/или иметь возможность вести диалог с Израилем.

В этой связи закономерным стало выпадание из «тройки» никогда не относящейся к умеренным арабским государствам Сирии.

Сирийцы раздражали Вашингтон тесным сотрудничеством с Ираном, а позднее – попытками поддержки некоторых антиамериканских сил в Ираке [28, с. 189].

Место Сирии заняла Иордания, которая в течение длительного времени была вовлечена в развитие Западного берега реки Иордан и сохранила опеку над мусульманскими святынями Иерусалима.

Новая «тройка» (Саудовская Аравия, Египет, Иордания), которая стала играть ключевую роль в выработке общеарабских подходов к мирному процессу, де-факто сформировалась к 2002 г.

Этому во многом способствовало решение Саудовской Аравии активизировать свое участие в нем, что соответствовало возрастанию значимости королевства для США: «если что-то одобрит наследный принц, то это определено будет “работать” с египтянами и иорданцами, которые уже имеют дипломатические отношения с израильянами» [11, с. 217].

Взаимодействие «арабской тройки» с США. Перед Соединенными Штатами Америки ставился вопрос о плане поэтапного урегулирования с четкими параметрами и созданием палестинского государства в качестве конечной цели.

В контактах с представителями Вашингтона достаточно грамотно использовались американские *idee fixe*: сосредоточенность на проведении палестинских политических реформ; чувствительность к проблемам израильтян в области безопасности, в частности, к терактам с использованием смертников.

Американцев информировали, что решение этих задач будет возможно только в увязке с предоставлением палестинцам четкого видения последующего развития событий и надежды на политическое урегулирование [9].

В итоге арабам удалось способствовать разработке и обнародованию Дж. Бушем-мл. своего видения урегулирования в известной речи 24 июня 2002 г., а также решению о разработке дорожной карты.

В июле 2002 г. в ходе встречи Дж. Буша-мл. с руководителями внешнеполитических ведомств Саудовской Аравии, Египта и Иордании министр иностранных дел Иордании М. Муашер предложил президенту США подготовить для реализации положений, изложенных в его выступлении 24 июня 2002 г., план, который содержал бы конкретные сроки выполнения сторонами конфликта своих обязательств [11, с. 147].

Термин «дорожная карта» применительно к поэтапному плану урегулирования с четкими критериями выполнения каждого из этапов впервые упомянули также иорданцы [9, с. 137].

Показательным примером усилий арабских стран по возвращению мирного процесса в рамки, определенные дорожной картой, стала попытка Аммана снизить значимость положений, закрепленных обменом письмами Дж. Буша-мл. и А. Шарона от 14 апреля 2004 г.

Тогда президент США фактически одобрил израильское или близкое к израильскому понимание решения вопросов беженцев, границ и поселений. Месяц спустя подобным обменом письмами иорданскому монарху удалось получить уверения Дж. Буша-мл. в том, что США не будут предвосхищать результат переговоров по окончательному статусу [9].

Будучи уверенными, что «дорога к общим целям с арабами шла через Иерусалим» [11, с. 510], США учитывали озабоченность арабских государств палестино-израильским противостоянием и предпринимали определенные действия в этом направлении с целью заручиться их поддержкой:

объявленной после событий 11 сентября 2001 г. кампании по борьбе с терроризмом;
преимущественно шиитских правительств послесаддамовского Ирака и сплочения иракцев;
в противостоянии Ирану и его ядерным амбициям.

Воздействие арабских стран на стороны конфликта. Арабская мирная инициатива. В части влияния «арабской тройки» на Израиль речь шла скорее о возможности дублирующего канала связи для донесения позиций конфликтующих сторон друг другу посредством Египта и Иордании.

Влияние ключевых арабских государств региона на палестинскую сторону конфликта реализовывалось через постоянные консультации, а также возможность поддерживать позиции Организации освобождения Палестины (ООП) и Палестинской национальной администрации (ПНА) в контактах с США и Израилем. Согласование подходов по каждой ситуации в мирном процессе с ЛАГ всегда служило важным аргументом палестинцев при отстаивании своих переговорных позиций. К числу инструментов воздействия следует отнести предоставление финансовой помощи.

Наиболее важным результатом усилий арабских государств по урегулированию конфликта стала АМИ, одобренная решением саммита ЛАГ в Бейруте 28 марта 2002 г.

Значимость этого документа состояла в том, что в нем впервые учитывались и интересы Израиля. Вносилось коллективное предложение о завершении конфликта. Израилю предоставлялись гарантии безопасности. Арабские страны обязывались заключить с ним коллективный мирный договор и установить нормальные отношения после ухода с оккупированных территорий к линии разграничения по состоянию на 4 июня 1967 г. Указывалось на необходимость согласованного решения проблемы палестинских беженцев, несмотря на неприемлемую для израильской стороны привязку такого решения к резолюции 194 СБ ООН¹.

Хронологически АМИ была обнародована и принята раньше, чем Дж. Буш-мл. сформулировал видение урегулирования палестино-

¹ 27/03/2002 فمق وري ببتت (Саммит в Бейруте. 27/03/2002) // Лига арабских государств [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.lasportal.org/ar/summits/Documents/%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA%2014.pdf> (дата обращения : 10.08.2018).

израильского конфликта, которое стало основой для разработки дорожной карты.

В этой связи на начальном этапе продвижения инициативы основные усилия арабских государств, прежде всего Саудовской Аравии, были сконцентрированы на получении ее одобрения как документа, подлежащего реализации, со стороны США [4]. Такое одобрение стало бы ключом к серьезному восприятию АМИ Израилем.

Палестинцы проголосовали за инициативу на саммите. Однако сразу же выяснилось, что для полноценного признания документа палестинским участникам конфликта согласия руководства ООП и ПНА недостаточно. Оппозиция со стороны радикальных палестинских группировок оказалась очень действенной. Приуроченный к саммиту в Бейруте резонансный теракт в отеле «Парк» в Нетании 27 марта 2002 г. создал крайне неудачный фон для восприятия АМИ в Израиле².

Следующим направлением продвижения АМИ стала ее инкорпорация в дорожную карту. В преамбуле данного плана она упомянута в перечне документов и договоренностей, которые рассматриваются в качестве основы для достижения палестино-израильского урегулирования. АМИ созвучна заключительным положениям третьего этапа дорожной карты, в соответствии с которым завершение конфликта должно быть подкреплено «достижением всеобъемлющего арабо-израильского мира»³.

Требование исключить ссылку на «саудовскую инициативу и арабскую инициативу, принятую в Бейруте» вошло в число оговорок, которыми Израиль обусловил принятие дорожной карты⁴.

Подготовка к перезапуску АМИ проходила уже в принципиально иных условиях. Израильтяне покинули Сектор Газа. ХАМАС по-

² Response of FM Peres to the decisions of the Arab Summit in Beirut. March 28, 2002. // Israeli Ministry of Foreign Affairs [Electronic resource]. – URL : <http://www.mfa.gov.il/mfa/pressroom/2002/pages/response%20of%20fm%20peres%20to%20the%20decisions%20of%20the%20arab.aspx> (дата обращения : 11.08.2018).

³ «Дорожная карта» продвижения к постоянному урегулированию палестино-израильского конфликта в соответствии с принципом сосуществования двух государств на основе оценки выполнения сторонами своих обязательств // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/road_map.shtml (дата обращения : 09.07.2016).

⁴ Israel's Response to the Roadmap // Israeli Ministry of Foreign Affairs [Electronic resource]. – URL : <http://mfa.gov.il/ForeignPolicy/Peace/MFADocuments/Pages/Israel%20Response%20to%20the%20Roadmap%2025-May-2003.aspx> (дата обращения : 25.06.2013).

бедил на палестинских парламентских выборах и сформировал правительство. Результаты спровоцированной Хизбаллой Второй ливанской войны заставили Израиль по-новому взглянуть на суннитские монархии Аравийского полуострова. Умеренные арабские страны становились более интересными партнерами в палестинском урегулировании с учетом подразумеваемого альянса с ними в ответ на возрастающее иранское влияние в регионе [4, с. 592]. Американцы инициировали новый палестино-израильский переговорный процесс.

Вооруженные столкновения между боевиками ФАТХ и ХАМАС становились обыденным явлением. В этой связи благоприятный фон был создан формированием палестинцами правительства национального единства на основе подписанных в феврале 2007 г. в Мекке соглашений. Зафиксированное в программе нового правительства отношение к мирному процессу еще не соответствовало адресованным ХАМАС принципам «квартета» (отказ от насилия, признание Израиля, принятие всех предшествующих соглашений и обязательств, включая дорожную карту), однако было несомненным шагом в данном направлении [29].

АМИ была повторно выдвинута на саммите ЛАГ в Эр-Рияде 28 марта 2007 г. В новых условиях инициатива вызвала более позитивный отклик в Израиле, нежели решение, принятое ранее в Бейруте. Было отмечено, что «умеренные арабские государства могут выполнить позитивную роль, поддерживая израильско-палестинский трек»⁵.

В Израиле обсуждение АМИ вышло за рамки политической элиты. Инициатива получила определенную поддержку в обществе и стала фактором влияния на формирование подходов населения к конфликту. Уже в 2011 г. в условиях новых региональных реалий в качестве ответа общественной организации была сформулирована израильская мирная инициатива⁶.

Накануне перезапуска АМИ две трети еврейского населения Израиля уже слышало о ней. После информирования об основных пунк-

⁵ Israeli statement on the Arab Summit in Riyadh. 29 Mar 2007. // Israeli Ministry of Foreign Affairs. [Electronic resource]. – URL : <http://www.mfa.gov.il/mfa/pressroom/2007/pages/israeli%20statement%20on%20arab%20summit%20in%20riyadh%2029-mar-2007.aspx> (дата обращения : 25.06.2016).

⁶ The Israeli Peace Initiative (IPI) // The Middle East Policy Council [Electronic resource]. – URL : <http://www.mepc.org/commentary/israeli-peace-initiative-ipi> (дата обращения : 15.07.2017).

тах плана 46 % опрошенных сочли, что инициатива могла бы быть основой для переговоров о всеобъемлющем мире⁷.

Для разъяснения инициативы Израиль посетили министры иностранных дел Египта и Иордании. Однако полноценный ответ на АМИ в период правительства Э. Ольмерта так и не был дан. По крайней мере, до этапа анализа итогов «арабской весны» арабская мирная инициатива не была предметом внимания Б. Нетаньяху как руководителя 32-го правительства Израиля.

В этих условиях в решениях саммитов ЛАГ в Дохе в 2009 г.⁸ и в Сирте в 2010 г.⁹ в части АМИ содержались ультимативные нотки, подразумевающие возможность ее отзыва: «арабская мирная инициатива, предложенная сегодня, не будет оставаться на столе долго».

Умеренные арабские страны были последовательны в содействии миротворческим усилиям США. Однако срыв в сентябре 2010 г. едва начавшихся прямых палестино-израильских переговоров означал и спад соответствующей активности «арабской тройки».

Роль неарабских государств в палестино-израильском урегулировании. Вторжение США в Ирак в 2003 г. привело не только к свержению С. Хусейна, но и к отстранению от власти в этой стране суннитов. Из суннитского противовеса Ирану страна превратилась в его шиитского союзника.

В турецкой научной литературе трансформация регионального политического ландшафта по итогам войны в Ираке называлась в качестве одного из стимулов активизации Анкары в урегулировании. Сохранявшаяся значимость палестинской проблемы для региональной повестки дня означала, что возможность влиять на конфликт становилась важным компонентом заявки на роль регионального лидера.

Декларировалась необходимость принятия Турцией на себя миссии по противостоянию возраставшему влиянию Ирана на фоне обо-

⁷ The Peace Index: March 2007 // The Israel Democracy Institute [Electronic resource]. – URL : <http://www.peaceindex.org/indexMonthEng.aspx?num=4&monthname=March> (дата обращения : 15.04.2016).

⁸ 01/03/2009 جامعة الدول العربية قمة قطر (Саммит в Катаре. 01/03/2009) // Лига арабских государств [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.lasportal.org/ar/summits/Documents/21%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA.pdf> (дата обращения : 10.08.2018).

⁹ 09/10/2010 قمة اج لودل ايبرعلا تمق تييري هامجل اى مظعلا تريس (Саммит в Великой Джамахирии. 09/10/2010) // Лига арабских государств [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.lasportal.org/ar/summits/Documents/22%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA%20%D8%A7%D9%84%D9%82%D9%85%D8%A9.pdf> (дата обращения : 10.08.2018).

стрения межарабских противоречий и упадка традиционных арабских суннитских лидеров, в частности Египта [16, с. 373–374].

На деле реализация этого постулата проявилась в попытках занять место умеренных арабских режимов в качестве основных региональных посредников и Ирана как основного претендента на роль кумира «арабской улицы».

Как стратегический партнер Израиля по состоянию на начало изучаемого периода мусульманская Турция располагала необходимыми предпосылками для того, чтобы попытаться стать посредником между израильтянами и палестинцами. Активизация ближневосточной политики страны с формированием в ноябре 2002 г. первого правительства ПСР поставила в повестку дня вопрос об использовании такой возможности [16]. Тогда же наметилась тенденция сочетания предложений о посредничестве с резкой критикой Израиля при обострении конфликта и проведении израильтянами силовых операций [30].

Отказ премьер-министра А. Шарона воспользоваться турецким посредничеством при размежевании с Газой вызвал попытки турок найти свою роль в содействии экономическому развитию Сектора [17].

Соответствующие проекты так и не были реализованы в условиях победы ХАМАС на палестинских парламентских выборах. Однако это событие было расценено в Анкаре как возможность появления нового направления для вовлеченности в палестино-израильское урегулирование. Турция сразу же проявила готовность стать посредником между Израилем и ХАМАС [22].

В этом контексте логичным стал прием в Анкаре в феврале 2006 г. делегации ХАМАС во главе с председателем политбюро этой организации Х. Машалем.

Таким образом, Турция одной из первых вступила в своего рода битву за ХАМАС: из Анкары Х. Машаль направился в Тегеран. Ключ к палестино-израильскому урегулированию находился в руках того, чье влияние было достаточным, чтобы побудить ХАМАС принимать или не принимать принципы «квартета».

В результате Турция приобрела статуса государства, находящегося по вопросам урегулирования в диалоге как с США и Израилем, так и с конфликтующими друг с другом палестинскими сторонами.

(Кроме Турции, таким преимуществом тогда могли похвастаться только Россия и Египет.) Однако ненадолго.

Подкрепленные резкой антиизраильской риторикой во время проведения в Газе в декабре 2008 г. – январе 2009 г. операции «Литой свинец», перепалкой Р. Эрдогана и Переса в Давосе и последовавшим в мае 2010 г. инцидентом с «Мави Мармара», отношения с ХАМАС к концу изучаемого периода остались единственным активом из числа приобретенных Анкарой как потенциальным миротворцем.

Н. Ю. Ульченко [24] и М. Ульгуль [25] доказали, что, помимо непосредственной реакции на события, связанные с ситуацией в Газе, радикализация политики Турции в отношении палестино-израильского конфликта согласовывалась с реализацией задачи обеспечения лидерства в регионе.

К 2009 г. для этого сложились максимально благоприятные внутри- и внешнеполитические условия.

Не случайно период с 2009 по 2013 г. был обозначен М. Ульгулем как «золотые годы турецкой внешней политики» с точки зрения минимальных сдержек как в национальном, так и международном плане.

На внутривластной арене ПСР удалось существенно ослабить влияние армии на правительство. Замораживание процесса вступления в ЕС снизило интерес общественности к европейскому вектору [25]. Динамичное развитие экономики диктовало необходимость региональной экспансии турецкого капитала [16].

Администрация Б. Обамы сделала ставку на Анкару в усилиях по улучшению имиджа США в регионе и нуждалась в Турции.

Плачевные результаты вмешательства в дела региона Дж. Буш-мл. не только нанесли ощутимый урон восприятию США на Ближнем и Среднем Востоке, но и рикошетом отразились на политических акциях «арабской тройки», на поддержку участников которой традиционно опирались американцы.

Завершилась «эпоха практической значимости дорожной карты как плана урегулирования» [27, с. 175]. Укрепилось влияние так называемой оси сопротивления: Иран, Сирия, Хизбалла, ХАМАС [23], к которой бывший министр иностранных дел Египта А. Аль-Гейт добавлял еще и Катар [10, с. 371]. На этом фоне, чтобы стать лидером, нужно было находиться в конфронтации с Израилем [25].

После декабря 2008 г. реальной сферой посреднических усилий стали вопросы регулирования конфликта между ХАМАС и Израилем. Израильская операция «Литой свинец» в Секторе вызвала практически одновременное появление в январе 2009 г. египетско-французской [10], турецкой [17] и иранской [20] инициатив.

В этом конкурсе инициатив очевидное преимущество было на стороне египтян, от которых зависела эффективность противодействия контрабанде оружия в Газу.

Проявляя осторожность [10] и убеждая Каир, что намерены лишь дополнять прилагаемые усилия [16, с. 383], турки не смогли потеснить египтян в качестве основного переговорщика с ХАМАС¹⁰.

Иранцам пришлось довольствоваться изложением своих «14 пунктов» в рамках Организации Исламская конференция (ныне – Организация исламского сотрудничества) и на обсуждении ситуации в Газе в Дохе 16 января 2009 г. [20].

Более успешно решались задачи по вытеснению Ирана из числа кумиров «арабской улицы».

В соответствии с опросами общественного мнения в 2010 г. премьер-министр Турции Р. Эрдоган с 20 % голосов (2008 г. – 0 %) возглавил список наиболее популярных в арабском мире лидеров, оставив на третьем месте с 12 % поддержки президента Ирана М. Ахмадинежада (2008 г. – 17 %) и оттеснив с 9 % на четвертое место лидера Хизбаллы Насраллу, который был победителем опросов 2008 г. (27 %)¹¹.

На популярность Анкары работала острая критика Израиля по итогам операции «Литой свинец» и инцидента с судном «Мави Мармара». Шаги, предпринятые Турцией после этого инцидента, были расценены и как вызов арабским правительствам [31].

Борьба Турции и Ирана за популярность среди арабской общественности показательна как косвенное признание возможности именно арабских игроков реально содействовать урегулированию и как понимание того, насколько опасаются «улицы» в столицах.

¹⁰ Turkey and the Middle East: Ambitions and Constraints // Crisis Group Europe Report N°203, 7 April 2010 [Electronic resource]. – URL : <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/203-turkey-and-the-middle-east-ambitions-and-constraints.pdf> (дата обращения : 01.08.2018).

¹¹ The 2010 Arab Public Opinion Polls by Telhami and Zogby International // The Brookings Institution [Electronic resource]. – URL : http://www.brookings.edu/~media/Files/rc/reports/2010/08_arab_opinion_poll_telhami/08_arab_opinion_poll_telhami.pdf (дата обращения : 25.07.2018).

В арабском мире публичное осуждение Израиля стало санкционированным выходом протестной энергии масс. Радикалы стали их кумирами. Власти были вынуждены соизмерять свои позиции с развитием конфликта так, чтобы эти протесты не приобрели внутривнутриполитическую составляющую.

В частности, К. Райс отмечала стремление арабских лидеров избежать публичной поддержки позиции и действий «квартета» в отношении ХАМАС [11, с. 420, 431]. Указывала, что особенно в свете ливанской войны главы МИД арабских монархий Аравийского полуострова, Египта и Иордании просили продвинуть прямые палестино-израильские переговоры [11, с. 510].

Поскольку в основе палестинской политики Ирана лежит тезис о непризнании права Государства Израиль на существование, возможность достижения сторонами конфликта любых договоренностей рассматривается Тегераном как ослабление его позиций в регионе [26]. Более того, позиция в отношении Израиля составляет одну из идеологических основ нынешнего Ирана, что обуславливает и неизменность его подходов в отношении конфликта.

В этой связи резкая антиизраильская риторика М. Ахмадинежада, избранного в 2005 г. президентом Ирана после периода экономических реформ, стала одной из характеристик курса на укрепление идеологии исламской революции. Внешним проявлением такого курса стала радикализация действий на международной арене, направленная на достижение регионального лидерства и лидерства в исламском мире¹².

У Ирана оказались возможности влиять посредством ХАМАС на внутривнутрипалестинское и палестино-израильское урегулирование, посредством Хизбаллы и стратегического союза с Сирией – на остальные направления арабо-израильского конфликта [19].

Широко трактовавшаяся в регионе в качестве победы Хизбаллы ливанская война 2006 г., приход ХАМАС к власти в Газе в июне 2007 г. представляют собой этапы усиления влияния Ирана на конфликт. После этих событий палестино-израильское урегулирование стало приобретать в некоторой степени подчиненную роль по отношению к задаче противостояния Ирану и его сателлитам. В том чис-

¹² Сажин В. И. Иран и проблемы безопасности Ближнего и Среднего Востока. 26 дек. 2005 // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.iimes.ru/?p=4061#more-4061> (дата обращения : 21.03.2018).

ле, для сплочения антииранской коалиции в конце 2006 г. при участии госсекретаря США К. Райс был запущен механизм встреч Э. Ольмерта и М. Аббаса, который привел к созыву конференции в Аннаполисе.

Концепция встреч Ольмерт – Аббас и поддержки Западного берега в пику Газе основывалась на стремлении достичь переговорных и экономических успехов, которые бы снизили привлекательность ХАМАС для жителей Сектора [11, с. 510, 582]. Обсуждение иракской и иранской тематики становилось важной не афишируемой темой проводимых с участием США саммитов по палестино-израильскому урегулированию.

Показательными стали сразу две попытки увязать продвижение на палестинском направлении с решением так называемой иранской ядерной проблемы. В августе 2009 г. идея ужесточения антииранских санкций в обмен на замораживание строительства в еврейских поселениях активно прорабатывалась в США [32]. Рассматривать иранский и палестинский вопросы в одном пакете в рамках попыток посредничества между Ираном и Западом пыталась Турция [25].

В условиях изначального отказа Дж. Буша-мл. рассматривать арабо-израильский конфликт в качестве ключевого для интересов США в регионе [28, с. 187–188] иранская тематика потеснила палестинский вопрос в шкале приоритетов не только Израиля [33]. По утверждению К. Райс, уже с января 2007 г. иранская угроза заслонила собой палестино-израильский конфликт и для умеренных арабских государств [11, с. 550].

Не удивительно, что по состоянию на март 2010 г. палестинский исследователь С. Валид не видел ни одной арабской страны среди региональных лидеров (Иран, Турция, Израиль) [21].

Обсуждение полученных результатов. Влияние регионального фактора на палестино-израильское урегулирование рассматривается в контексте представления о трех уровнях анализа международных отношений, разработанного создателем теории неореализма К. Уолтцем [34]. При анализе любого вопроса необходимы комплексный подход и изучение его на каждом из трех уровней: индивидуальный, уровень государства и уровень международной системы.

Исследования о воздействии внешних факторов посвящены в основном уровню международной системы и роли глобальных игро-

ков. В данной статье рассматривается уровень государства. Проводится сравнительный анализ влияния на урегулирование конфликта ключевых государств Ближнего Востока, которые заинтересованы в сохранении своих позиций в региональной системе (*defensive realism*) или стремятся к усилению своего влияния в регионе (*offensive realism*) [35].

Усиление влияния местных игроков на палестино-израильское урегулирование стало одним из проявлений повышения их самостоятельности и борьбы за региональное лидерство на фоне «снижения степени вовлеченности Соединенных Штатов в региональные дела» [2] и наметившегося «окончания американской эпохи» в регионе [1]:

заключенное под эгидой Саудовской Аравии Мекканское соглашение между ФАТХ и ХАМАС не только не было скоординировано с США, но и поставило под угрозу организованный К. Райс диалог Э. Ольмерта и М. Аббаса [28, с. 215–217];

американцы фактически отдали на откуп туркам посредничество между Сирией и Израилем [28, с. 210–213].

Выдвигая АМИ, оказывая помощь в реализации инициатив международных посредников, арабские страны **выступали участниками процесса урегулирования.**

При этом на фоне списанной в архив дорожной карты важным показателем перспективности регионального формата урегулирования служит тот факт, что АМИ и поныне сохраняет свою актуальность как официальное предложение ЛАГ¹³.

Статус палестино-израильского конфликта как составной части арабо-израильского противостояния предопределил роль арабов и как основных региональных участников усилий по регулированию, преимущественно в части ситуации вокруг Газы.

Турции в рамках коллективных действий по достижению перемирия между ХАМАС и Израилем удалось стать вспомогательным посредником по регулированию конфликта.

¹³ 15/04/2018. [عودية العربيه الامم لكة قمة العربيه الدول جامعة \(التيممات\) كسلو 15/04/2018 // ليا اربك دول اامم \[الربك ربك\]. – URL : <http://www.lasportal.org/ar/summits/Documents/%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA%20%D9%85%D8%AC%D9%84%D8%B3%20%D8%AC%D8%A7%D9%85%D8%B9%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%20%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9%20%D8%AF.%D8%B9%2029.pdf> \(اابا اربك : 11.08.2018\).](http://www.lasportal.org/ar/summits/Documents/%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA%20%D9%85%D8%AC%D9%84%D8%B3%20%D8%AC%D8%A7%D9%85%D8%B9%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%20%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9%20%D8%AF.%D8%B9%2029.pdf)

Инициативы Ирана по регулированию в Газе оставались за рамками практических усилий с учетом специфики его позиции в отношении Израиля.

Выводы. С учетом различной степени соприкосновения арабских и неарабских игроков с палестинской проблемой и их не совпадающих интересов невозможно выделить единое линейное воздействие регионального фактора на палестино-израильский конфликт.

Однако исследование показало, что конфликт не может быть урегулирован без учета разнонаправленного влияния на него со стороны ключевых стран региона.

Если АМИ укрепила предпосылки для его разрешения в рамках арабо-израильского урегулирования, то влияние Ирана создало мощные блокировки как для палестинского трека, так и для достижения арабо-израильского мира в целом.

Причем опосредованное влияние действий по укреплению мощи страны (ядерная программа) по своему эффекту было сопоставимо с целенаправленным воздействием на стороны конфликта. Значимость Турции как лидера общественных предпочтений подкреплялась возросшим удельным политическим и экономическим весом страны на Ближнем Востоке.

Однозначно важен позитивный вклад в мирный процесс, который внесли арабские страны. Усилия «арабской тройки» во многом стали импульсом для разработки дорожной карты. АМИ предложила Израилю перспективы мира и сотрудничества, которые стали недостающей региональной гарантией урегулирования. Действия по достижению межпалестинского примирения, сопровождаемые подталкиванием ХАМАС к шагам в направлении принятия условий «квартета», частично компенсировали неспособность глобальных игроков работать на формирование полноценного палестинского переговорщика.

О взаимодополняемости «квартета» и «арабской тройки» свидетельствует единый временной алгоритм разработки АМИ и дорожной карты (2002 г.), а также повторного выдвижения инициативы и попытки форсировать реализацию плана международных посредников (2007 г.).

Сравнительный анализ воздействия ключевых государств региона на конфликт выявил противоположные векторы развития как

их роли в палестино-израильском урегулировании, так и динамики такой активности:

- особая активизация Ирана (с 2005 г.) и Турции (с 2008 г.) на палестинском направлении совпала с отвлечением внимания умеренных арабов (по К. Райс, с начала 2007 г.) на иные проблемы, в том числе связанные с усилением в регионе того же Ирана;

- у арабов была востребована и повысилась роль умеренных государств, в то время как Иран изначально, а Турция в силу определенной трансформации нашли свою нишу преимущественно в радикальной части политического спектра;

- возрастание значимости неарабских игроков с характерной для них жесткой пропагандистской риторикой происходило на фоне снижения актуальности дорожной карты, ухода израильтян от четкого ответа на АМИ, негативного воздействия результатов политики Дж. Буша-мл. в регионе на авторитет «арабской тройки».

С учетом изложенного возрастание активности и влияния на конфликт не составлявших часть процесса урегулирования и не вовлеченных в соответствующие реальные усилия неарабских игроков стало региональным проявлением тупика в мирном процессе накануне «арабской весны».

Библиографические ссылки

1. Хаас Р. Новый Ближний Восток // Россия в глоб. политике. – 2006. – Т. 4. – № 6. – С. 8–19.
2. Высоцкий А. М. Ближний Восток: на пути к новому балансу сил? // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 7. – С. 10–14.
3. Косач Г. Г. Палестинское квазигосударство и ближневосточная политика // Вестн. МГИМО–Ун-та. – 2012. – № 1. – С. 136–143.
4. Podesh E. Israel and the Arab Peace Initiative, 2002–2014: a Plausible Missed Opportunity // Middle East Journal. – 2014. – Vol. 68, № 4. – P. 584–603.
5. Awad S. The Arab Quartet and the Arab Peace Initiative // Palestine-Israeli Journal. – 2007. – Vol. 14, № 4. – P. 31–33.
6. Walid S. The Arab Peace Initiative and the International Community : Concerted Efforts for Its Implementation // Palestine-Israeli Journal. – 2015. – Vol. 20, № 2–3. – P. 79–85.
7. Ben-Meir A. Reconciling the Arab Initiative with Israel's Core Requirements for Peace // International Journal on World Peace. – 2008. – Vol. XXV, № 4. – P. 75–113.
8. Bahgat G. The Arab Peace Initiative: an Assessment // Middle East Policy. – 2009. – Vol. XVI, № 1. – P. 33–39.
9. Muasher M. The Arab Center : the Promise of Moderation. – New Haven : Yale Univ. press, 2008. – 312 p.

10. 536 شهادتي . ال ناشر دار نهضة مصر قل قاهر 2013 عدد ال صد فحات -
 (Аль-Гейт. А. Мое свидетельство: египетская внешняя политика 2004–2011. – Каир : Дар Нахдагу Маср, 2013. – 536 с.)
11. *Rice C.* No Higher Honour. A Memoir of My Years in Washington. – New York : Broadway Paperbacks, 2011. – 765 p.
12. *Bahgat G.* Saudi Arabia and the Arab-Israeli Peace Process // Middle East Policy. – 2007. – Vol. XIV, № 3. – P. 49–59.
13. *Bahgat G.* Saudi Arabia and the Arab-Israeli Conflict in the Last Years of the Bush Presidency // Israel Affairs. – 2009. – Vol. 15, № 2. – P. 180–189.
14. *Kamrava M.* Mediation and Saudi Foreign Policy // The Foreign Policy Research Institute's quarterly journal of world affairs. – 2013. – Vol. 57, № 1. – P. 152–170.
15. *Косач Г. Г.* Саудовская Аравия в меняющемся мире // Свобод. мысль. – 2010. – № 2. – С. 41–54.
16. *Altunısık M., Cuhadar E.* Turkey's search for a third party role in Arab-Israeli conflicts : a neutral facilitator or a principal power mediator // Mediterranean Politics. – 2010. – Vol. 15, № 3. – P. 371–392.
17. *Aras B.* Turkey and the Palestinian Question // SETA Foundation for Political Economic and Social Research. – 2009. – № 27. – 11 p.
18. *Ertosun E.* Turkey and the Palestinian Question : the Shift of Roles in Foreign Policy // Digest of Middle East Studies. – 2016. – Vol. 26, № 1. – P. 203–219.
19. *Кулагина Л. М., Ахмедов В. М.* Иран на Ближнем Востоке: сотрудничество, соперничество, интересы // Соврем. Иран. – 2010. – № 1. – С. 69–80.
20. *Баранов А. В.* Палестинский фронт исламской революции // Известия Саратовского университета. Сер. «Междунар. отношения». – 2012. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 88–94.
21. *Walid S.* The Iranian Factor in the Arab-Israeli Conflict // Palestine-Israeli Journal. – 2010. – Vol. 16, № 3–4. – P. 46–51.
22. *Сулейманов А. В.* Турция, Иран и палестинский вопрос // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. – 2012. – № 1. – С. 121–125.
23. *Bank A., Karadag R.* The «Ankara Moment» : the politics of Turkey's regional power in the Middle East, 2007–11 // Third World Quarterly. – 2013. – Vol. 34, № 2. – P. 287–304.
24. *Ульченко Н. Ю.* Новый путь Турции? // Миров. экономика и междунар. отношения. – 2012. – № 6. – С. 90–101.
25. *Ülgül M.* Continuity or Change in Turkish Foreign Policy? Analyzing the Policy Fluctuations during the Justice and Development Party Era // Journal of Global Analysis. – 2017. – Vol. 7, № 1. – P. 59–81.
26. *Сажин В. И.* Иран, «Хезболла» и палестино-израильское урегулирование // Ближний Восток и современность : сб. ст. – М. : Ин-т Ближ. Востока, 2005. – Вып. 25. – С. 210–232.
27. *Леценя И. А.* Деятельность «ближневосточного квартета» по урегулированию палестино-израильского конфликта в рамках проекта «Дорожная карта» (2003–2008) // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2016. – № 2. – С. 168–181.
28. *Kurtzer D. [et al.].* The Peace Puzzle : America's Quest for Arab-Israeli Peace, 1989–2011. – New York : Cornell Univ. Press, 2013. – P. 336.
29. *Леценя И. А.* Национальный аспект реализации «дорожной карты» палестино-израильского урегулирования // Междунар. процессы. – 2018. – Т. 16, № 2 (в печ.).
30. *Arbell D.* The U.S. Turkey-Israel Triangle // Analysis Paper. The Center for Middle East Policy at Brookings. – 2014. – № 34. – 48 p.
31. *Falk R., Farer T.* Turkey's New Multilateralism : a Positive Diplomacy for the Twenty-First Century Global Governance // Review of Multilateralism and International Organizations. – 2013. – Vol. 19, № 3. – P. 353–376.

32. Крылов А. В., Федорченко А. В. Ближний Восток: перспективы развития региональной ситуации // *Мировая политика: старые проблемы и новые вызовы* / под ред. А. А. Орлова. – М. : ИМИ МГИМО, 2015. – Вып. 3 (13). – С. 56–83.
33. Королев А. В. Иранский фактор во внешней политике Израиля // *Азия и Африка сегодня*. – 2007. – № 3. – С. 30–34.
34. Waltz K. *Man, the State, and War: a Theoretical Analysis*. – New York : Columbia Univ. Press., 2001. – 263 p.
35. Mearsheimer J. *Structural Realism // International Relations Theories : Discipline and Diversity*. – 3rd ed. – Oxford : Oxford Univ. press, 2013. – P. 77–93.

Дата поступления статьи: 14.09.2018.

Образец цитирования: Лещеня И. А. Воздействие регионального фактора на палестино-израильское урегулирование (2002–2010 гг.) // *Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития* : сб. науч. ст. Минск, 2018. Вып. 6. С. 89–111.

Автор: Лещеня Игорь Александрович – соискатель кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: Ig-Leshchenya@yandex.ru.

**THE REGIONAL FACTOR IMPACT
ON THE PALESTINIAN-ISRAELI SETTLEMENT
(2002–2010)**

I. A. LESHCHENYA

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article is the first comprehensive study of the regional factor impact on the Palestinian-Israeli settlement in 2002–2010.

Taking into account the developments in the Middle East, the article specifies the influence of the key regional players in particular the Arab «troika» composed of Saudi Arabia, Egypt and Jordan, as well as Turkey and Iran on the conflict.

The period under review is marked by the attempts of the Middle East Quartet to implement its «Road map» for the settlement of the conflict. Such juncture of events allowed to make thorough analysis of the activities of the regional powers on the Palestinian issue. Their impact on the peacekeeping efforts of global players is assessed. The main features of implementation by the key states of the region of their

own initiatives and interests in the context of the struggle for leadership in the Middle East are explored.

The author singled out the complementary nature of the Quartet and the Arab «troika» acts. The internal and external incentives for the advancement and radicalization of the Palestinian policy of Turkey and Iran are outlined.

The article defines the role of the Arab states, Turkey and Iran in the settlement. The study reveals the opposite vectors of the impact of the Arab and non-Arab states on the conflict and substantiates the impossibility of reaching a settlement without taking into account their non-coinciding interests.

The author comes to the conclusion that the growing influence of non-Arab players on the conflict was a regional manifestation of the impasse in the peace process which was obvious the eve of the «Arab spring».

Key words: Palestinian-Israeli conflict; regional factor; Arab «troika»; Arab peace initiative; Saudi Arabia; Turkey; Iran.

References

1. Haass, R. (2006). Novyi Blizhnii Vostok [The new Middle East]. *Russia in Global Affairs*, 4(6), p. 8–19. (In Russ.).
2. Visotsky, A. M. (2011). Blizhnii Vostok: na puti k novomu balansu sil? [The Middle East On Its Way To The New Balance Of Power]. *Aziya i Afrika segodnya*, 7, p. 10–14. (In Russ.).
3. Kosach, G.G. (2012). Palestinskoe kvazigosudarstvo i blizhnevostochnaya politika [The Palestinian Quasi-State and Middle East Politics]. In: *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 1, 136–143. (In Russ.).
4. Podeh, E. (2014). Israel and the Arab Peace Initiative, 2002–2014: A Plausible Missed Opportunity. In: *Middle East Journal*, 68 (4), p. 584–603.
5. Awad, S. (2007). The Arab Quartet and the Arab Peace Initiative. In: *Palestine-Israeli Journal*, 14 (4), p. 31–33.
6. Walid, S. (2015). The Arab Peace Initiative and the International Community: Concerted Efforts for Its Implementation. In: *Palestine-Israeli Journal*, 20 (2–3), p.79–85.
7. Ben-Meir, A. (2008). Reconciling the Arab Initiative with Israel's Core Requirements for Peace. In: *International Journal on World Peace*, XXV (4), p. 75–113.
8. Bahgat, G. (2009). The Arab Peace Initiative: an Assessment. In: *Middle East Policy*, XVI (1), p. 33–39.
9. Muasher, M. (2008). *The Arab Center: the Promise of Moderation*. New Haven: Yale University press, 312 p.
10. Ahmed Aboul Gheit. (2013). *Shahadati: As-siyasa alharidjiya almasriya 2004 – 2011 [My Testimony: The Egyptian Foreign Policy 2004–2011]*. Cairo: *Dar Nahda Masr*, 536 p. (In Arab.).
11. Rice, C. (2011). *No Higher Honour. A Memoir of My Years in Washington*. New York: Broadway Paperbacks, 765 p.
12. Bahgat, G. (2007). Saudi Arabia and the Arab-Israeli Peace Process. In: *Middle East Policy*, XIV (3), p. 49–59.
13. Bahgat, G. (2009). Saudi Arabia and the Arab-Israeli Conflict in the Last Years of the Bush Presidency. In: *Israel Affairs*, 15 (2), p. 180–189.

14. Kamrava, M. (2013). Mediation and Saudi Foreign Policy. In: *The Foreign Policy Research Institute's quarterly journal of world affairs*, 57 (1), p. 152–170.
15. Kosach, G. G. (2010). Saudovskaya Araviya v menyayushchemsya mire. [Saudi Arabia in a changing world]. In: *Svobodnaya mysl'*, 2, p. 41–54. (In Russ.).
16. Altunısık, M., Cuhadar, E. (2010). Turkey's search for a third party role in Arab-Israeli conflicts: A neutral facilitator or a principal power mediator. In: *Mediterranean Politics*, 15 (3), p. 371–392.
17. Aras, B. (2009). Turkey and the Palestinian Question. SETA. In: *Foundation for Political Economic and Social Research*. Brief, 27. 11 p.
18. Ertosun, E. (2016). Turkey and the Palestinian Question: The Shift of Roles in Foreign Policy. In: *Digest of Middle East Studies (DOMES)*, 26 (1), p. 203–219.
19. Kulagina, L. M., Akhmedov, V. M. (2010). Iran na Blizhnem Vostoke: sotrudnichestvo, sopernichestvo, interesy [Iran in the Middle East: cooperation, rivalry, interests]. In: *Sovremennyyi Iran*, 1, p. 69–80. (In Russ.).
20. Baranov, A. V. (2012). Palestinskii front islamskoi revolyutsii. [The Palestinian Front of the Islamic Revolution]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. International Relations*, 12(1), p. 88–94. (In Russ.).
21. Walid, S. (2010). The Iranian Factor in the Arab-Israeli Conflict. In: *Palestine-Israeli Journal*, 1, 16 (3–4), p. 46–51.
22. Suleimanov, A. V. (2012). Turtsiya, Iran i palestinskii vopros. [Turkey, Iran and the Palestinian question]. In: *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 1, p. 121–125. (In Russ.).
23. Bank, A., Karadag, R. (2013). The 'Ankara Moment': the politics of Turkey's regional power in the Middle East, 2007–11. In: *Third World Quarterly*, 34 (2), p. 287–304.
24. Ul'chenko, N. Yu. (2012). Novyi put' Turtsii? [New Way of Turkey?] In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 6, p. 90–101. (In Russ.).
25. Ülgül, M. (2017). Continuity or Change in Turkish Foreign Policy? Analyzing the Policy Fluctuations during the Justice and Development Party Era. In: *Journal of Global Analysis*, 7(1), p. 59–81.
26. Sazhin, V. I. (2005). Iran, «Khezbollah» i palestino-izrail'skoe uregulirovanie. Blizhnii Vostok i sovremennost'. [Iran, Hezbollah and the Palestinian-Israeli settlement]. In: *The Middle East and the present. Collection of articles (issue twenty-fifth)* Moscow: Institute of the Middle East, p. 210–232. (In Russ.).
27. Leshchenya I. A. (2016). Deyatel'nost' «Blizhnevostochnogo kvarteta» po uregulirovaniyu palestino-izrail'skogo konflikta v ramkakh proekta «Dorozhnaya karta» (2003 – 2008). [Activities of the Middle East Quartet and its participants to achieve Israeli-Palestinian settlement within the Road Map project (2003 – 2008)]. In: *Vestnik MGIMO – Universiteta*, 2, p. 168–181. (In Russ.).
28. Kurtzer D. (et al.) (2013). *The Peace Puzzle: America's Quest for Arab-Israeli Peace, 1989–2011*. New York: Cornell University Press, 336 p.
29. Leshchenya I. A. (In press). Natsional'nyi aspekt realizatsii «Dorozhnoi karty» palestino-izrail'skogo uregulirovaniya [National aspect of implementation of the Road Map of the Palestinian – Israeli settlement]. In: *Mezhdunarodnye protsessy*, 16 (2). (In Russ.).
30. Arbell D. (2014). The U.S. – Turkey-Israel Triangle. The Center for Middle East Policy at Brookings. In: *Analysis Paper*, 3–4, 48 p.
31. Falk R., Farer T. (2013). Turkey's New Multilateralism: A Positive Diplomacy for the Twenty-First Century Global Governance. In: *Review of Multilateralism and International Organizations*, 19 (3), p. 353–376.
32. Krylov A. V., Fedorchenko A. V. (2015). Blizhnii Vostok: perspektivy razvitiya regional'noi situatsii. [The Regional Situation in the Middle East: Current State and Prospects for Development]. MGIMO University. Institute of International Studies. In: *World politics: old problems and new challenges. Yearbook*, 3 (13), p. 56–83. (In Russ.).

33. Korolev A.V. (2007). Iranskii faktor vo vneshnei politike Izrailya [The Iranian Factor in Israel's Foreign Policy]. In: *Aziya i Afrika segodnya*, 3, p. 30–34. (In Russ.).
34. Waltz, K. (2001). *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. New York, Columbia University Press, 263 p.
35. Mearsheimer, J. (2013). Structural Realism. In: *International Relations Theories: Discipline and Diversity*. 3rd Ed. Ed. by T. Dunne, M. Kurki, S. Smith. Oxford, Oxford University press, p. 77–93.

Received: 14.09.2018.

For citations: Leshchenya, I.A. (2018). The regional factor impact on the Palestinian-Israeli settlement (2002–2010). In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 89–111.

About author: Leshchenya Igor Aleksandrovich – applicant for Ph.D. degree at the Department of International Relations, Belarusian State University (Minsk); e-mail: Ig-Leshchenya@yandex.ru.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КНР В РЕГИОНЕ ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ

А. В. ПАХОМОВА

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье рассмотрена проблема экономической зависимости стран Юго-Восточной Азии от Китайской Народной Республики, а также влияние КНР на текущие события в Южно-Китайском море. Проанализированы характерные особенности мягкой силы Китайской Народной Республики, выражающиеся в использовании экономических рычагов в продвижении политической воли Пекина.

Приводятся факты и описываются случаи использования руководством КНР экономических рычагов с целью ослабления притязаний стран Юго-Восточной Азии на спорные районы Южно-Китайского моря. Выявлена и обоснована необходимость расширения экономических партнеров стран Юго-Восточной Азии и усиления регионального взаимодействия внутри Ассоциации государств Юго-Восточной Азии.

Экономическая дипломатия Пекина рассматривается в качестве одного из главных инструментов в борьбе за острова. Дается оценка потенциальной угрозе интенсивного роста военно-политической и экономической мощи Китая.

На основе проведенного исследования автором сделаны выводы и рекомендации относительно улучшения положения стран Юго-Восточной Азии и ослабления их экономической зависимости от КНР. Автор считает, что анализ экономической дипломатии КНР и ее влияния на безопасность Юго-Восточной Азии необходим для полного представления тенденций развития региона и подготовки дальнейшего курса Республики Беларусь в отношении стран ЮВА и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом.

Ключевые слова: КНР; Юго-Восточная Азия; экономическая безопасность; территориальный спор; Южно-Китайское море; АСЕАН; Транстихоокеанское партнерство.

Введение. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), и Юго-Восточная Азия (ЮВА) в частности, привлекает большое внимание экспертов в области международных отношений. Этому есть несколько причин. Во-первых, страны ЮВА претерпевают большие изменения. Во многих государствах ЮВА происходит смена политических элит, и меняется внутривнутриполитическая жизнь стран.

Во-вторых, по сравнению с другими регионами мира для Юго-Восточной Азии характерен более интенсивный экономический рост, способствующий динамичному развитию и изменениям во внутривнутриполитической жизни страны и отражающийся в новых внешнеполитических стратегиях.

Быстрый рост ВВП, активная перестройка экономики на инновационный путь развития, интенсивное освоение достижений научно-технического прогресса, увеличение численности высокообразованных и высококвалифицированных специалистов – все это выводит страны ЮВА на новый уровень в системе международных отношений. Усиливаются интеграционные процессы в экономике как на двусторонней основе в виде соглашений о свободной торговле, так и в форме создания обширных региональных торгово-экономических блоков.

В-третьих, рост уровня напряжения в Южно-Китайском море (ЮКМ) вынуждает экспертов в области международных отношений и внешней политики уделять большое внимание решению данного вопроса. Сложность принятия решения посредством международного права приводит к милитаризации региона.

Необходимо отметить, что стремление КНР играть ключевую роль в развитии региона ЮВА сопровождается интенсивным развитием торгово-экономических отношений и приводит к усилению экономической зависимости стран Юго-Восточной Азии от Китая.

Используя экономические рычаги, КНР укрепляет свое влияние в регионе и обеспечивает имплементацию своих политических инициатив, в частности покорность этих стран в территориальном конфликте ЮКМ.

Соединенные Штаты, в свою очередь, не дают гарантии поддержки странам ЮВА ни в области экономической безопасности, ни в области военной безопасности в случае противостояния с КНР. Это вынуждает государства Юго-Восточной Азии ослабить свои позиции и умерить притязания на спорные территории Южно-Китайского моря.

Проблема экономической зависимости стран ЮВА от КНР рассматривается многими зарубежными и отечественными учеными, однако в данном исследовании делается акцент на изучении влияния этой зависимости на события в спорных районах ЮКМ.

Цель исследования – определение роли экономической дипломатии Китая в территориальном споре в ЮКМ.

Объект исследования – территориальный спор в Южно-Китайском море.

Предмет исследования – экономическое сотрудничество КНР со странами ЮВА.

Анализ экономической дипломатии КНР и ее влияния на безопасность Юго-Восточной Азии необходим для полного представления тенденций развития региона и подготовки дальнейшего курса Республики Беларусь в отношении стран ЮВА и АТР в целом.

Методы исследования. В данной работе использованы анализ и синтез – мысленное расчленение целого на составные части и воссоединение целого из частей. Рассмотрение случаев применения экономических рычагов КНР и их подробное изучение в рамках территориального спора в Южно-Китайском море представляют собой пример использования метода анализа. Воссоздание комплексной политики, проводимой руководством Пекина, представляет результат применения метода синтеза.

Важную роль в процессе научного исследования играют абстрагирование, обобщение и идеализация. Абстрагирование как метод незаменим для определения понятия «регион Юго-Восточной Азии» и изучения отношений государств ЮВА как межправительственных отношений, а не межличностных контактов.

С абстрагированием тесно связано обобщение – установление общих свойств и признаков предмета. Например, обобщение свойств изучаемой экономической дипломатии КНР и ее влияния на притязания стран ЮВА в Южно-Китайском море позволяет определить ее сущность как усиление китайских позиций в ЮВА.

Также к числу общенаучных подходов, на основе которых проводилось данное исследование, можно отнести системный анализ, структурный анализ и междисциплинарный подход.

Системный анализ позволяет моделировать международные отношения на всех уровнях, а также проводить внешнеполитическую экспертизу, что дает перечень конкретных вариантов возможного политического решения.

В рамках структурного анализа оценивается состояние экономического и военного потенциала Китая и стран ЮВА, большое внима-

ние уделяется особенностям экономического развития исследуемых стран.

Междисциплинарный подход представляет синтез традиционной методологии истории международных отношений и международного права и подходов сравнительно новых научных дисциплин – политологии, конфликтологии и др.

Обзор литературы. В историографии по данной проблематике можно отметить различные подходы и методы исследования. Многие зарубежные ученые, в том числе американские, китайские и ученые из стран ЮВА, проводят многосторонний анализ интенсивного роста КНР и его влияния на внешнеполитическую стратегию китайского руководства.

Анализ исторических притязаний на острова и территориальные воды в Южно-Китайском море заинтересованных стран проводится в таких работах, как «Спорные проблемы в Южно-Китайском море» Е. Д. Степанова [1], «Соперничество США и Китая в Азии: чем это грозит АСЕАН» Е. С. Мартынова [2], «Южно-Китайское море: новый виток территориального спора» Ю. Денисович [3; 4], «Архипелаг Спратли и Парасельские острова – “пороховая бочка” в Южно-Китайском море» Ф. Жирова [5, с. 21–23].

Аналитик Центра стратегических и внешнеполитических исследований Г. Шутов исследует проект Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Интересна его точка зрения по поводу того, что данный проект не является проамериканским.

Исследователь аргументирует свое мнение утверждением, что одним из наибольших бенефициаров от ТТП будет Вьетнам, чья текстильная и швейная промышленность благодаря ТТП сможет обойти китайских конкурентов.

Подчеркивается, что многие бизнес-сообщества США опасаются конкуренции со стороны таких стран, как Канада и Япония, поэтому полностью проамериканским, по мнению автора, проект ТТП назвать нельзя.

Г. Шутов также считает, что для США не выгодно использовать ТТП для изоляции Китая, так как китайская и американская экономики сплетены, и ослабление Китая может ударить по экономике США. Наиболее выгодным было бы принуждение Китая играть по американским правилам, для чего будет удобна формула ТТП + 1 [6].

М. Маджид делает акцент на исследовании экономического аспекта соперничества КНР и США, принимая во внимание исторически сложившийся территориальный спор в Южно-Китайском море. Согласно мнению исследователя, даже используя территориальный спор в ЮКМ и поддерживая в нем страны ЮВА, противостоя КНР, США не смогут заменить Китай и стать вновь доминирующим игроком в экономических процессах, происходящих в Юго-Восточной Азии [7].

В. Лохман исследует проблему Южно-Китайского моря с точки зрения интересов США, акцентируя внимание на развитии сотрудничества стран Юго-Восточной Азии с Соединенными Штатами в контексте геополитики. Он рассматривает феномен быстрого экономического роста Китая и его влияния в Юго-Восточной Азии в качестве одного из процессов глобализации. Автор делает вывод о том, что взаимовыгодным сотрудничеством и для стран ЮВА, и для США станет проведение совместных учений, экспорт вооружений, развертывание американских военно-воздушных и военно-морских сил в регионе. Автор также представляет свои рекомендации по разработке внешней политики США в отношении стран ЮВА [8].

Лю Бо рассматривает влияние создания ТТП на обстановку в АТР в целом. Автор исследует различные точки зрения китайских экспертов в данной области. Также он анализирует слабые и сильные стороны обеих моделей экономической интеграции (ТТП и Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП)) и делает вывод о том, что ВРЭП представляет собой более привлекательный вариант для стран ЮВА, так как данная модель учитывает разный уровень экономического развития стран АТР. Акцентируется внимание на китайской тактике по регулированию нового порядка в АТР. Приводятся решения, которые позволили бы Китаю снизить негативное воздействие доминирования США в ТТП на китайскую экономику [9, с. 56–67].

Как правило, исследователи, занимающиеся проблемой ЮКМ, акцентируют внимание на комплексном изучении соперничества КНР и США.

В данной статье акцент делается на экономических рычагах воздействия китайского руководства. Экономическая дипломатия Пекина рассматривается в качестве одного из главных инструментов в

борьбе за острова. Дается оценка потенциальной угрозе интенсивного роста военно-политической и экономической мощи Китая.

Результаты исследования. Зонами международных территориальных споров являются три района Южно-Китайского моря: 1) Парасельские острова, на которые претендуют Китай и Вьетнам; 2) острова Спратли, представляющие собой огромный эллипсоидный район протяженностью с юга-запада на северо-восток свыше 1000 км, в котором разбросано более 100 мелких островков, рифов, скал и атоллов. На владение всеми или частью этих объектов претендуют КНР, Тайвань, Вьетнам, Филиппины и Малайзия; 3) Тонкинский залив, где речь идет о разграничении водных пространств между КНР и Вьетнамом [1].

В основе притязаний участников спора лежит право распоряжаться ресурсами дна и покрывающих вод мелководных районов ЮКМ.

На современном этапе наибольшее осложнение вызывают возведение КНР искусственных намывных островов и китайское восприятие морских границ Китая в Южно-Китайском море. КНР рассматривает весь район ЮКМ своими внутренними водами. Все политические и морские маневры КНР направлены на то, чтобы обеспечить себе приоритетные права на владение и разработку континентального шельфа, богатого значительными запасами углеводородного сырья.

Необходимо отметить, что для стран ЮВА Китай является важнейшим торговым партнером и серьезным конкурентом на рынке, включая производство и поток прямых иностранных инвестиций. Хотя степень и характер взаимодействия с Китаем у каждой из стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) различается, КНР занимает первое место в торговой статистике всех 10 стран АСЕАН (второе место – ЕС). В свою очередь, страны АСЕАН занимают третье место в торговой статистике КНР 2013 года. Китай представляет собой важнейший экспортный рынок для Малайзии и Сингапура, а для Лаоса, Камбоджи и Мьянмы он еще и крупнейший источник иностранных инвестиций [10].

Развитие такой структуры торгово-экономических отношений стран ЮВА и КНР (где КНР занимает 1-е место среди экономических партнеров государств ЮВА, в то время как страны ЮВА занимают лишь 3-е место в качестве экономического партнера КНР) ведет к

серьезной проблеме экономической безопасности стран Юго-Восточной Азии, выражающейся в экономической зависимости этих стран от КНР. Такое положение дает Пекину возможность использовать экономическую дипломатию для продвижения своих политических инициатив, в частности касательно притязаний в ЮКМ.

В июне 2017 г. компания *Talisman Vietnam* получила разрешение от вьетнамских властей начать добычу газа в исключительной экономической зоне Вьетнама в районе ЮКМ. В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву Вьетнам имеет все права на данную инициативу.

Однако Китай с этим не согласен, несмотря на то, что никогда даже не выражал свои притязания на данный участок ЮКМ. 25 июля 2017 г. представитель МИД КНР призвал Вьетнам прекратить незаконные действия, предпринятые в одностороннем порядке. Китайские правозащитники и исследовательские центры придерживаются двух интерпретаций таких действий Пекина. По их мнению, Китай может претендовать на данный участок согласно своим историческим правам (что противоречит мнению других участников спора и непредвзятых исследователей), а также они придерживаются того, что данный участок с его рифами, скалами и другими территориальными образованиями является неотъемлемой частью исключительной экономической зоны КНР (ИЭЗ КНР).

Отрицательное решение по данному заявлению принял Международный трибунал ООН по морскому праву. КНР не согласна с его правоммерностью по данному вопросу и отказывается принять это решение.

Сначала вмешательство КНР в добычу газа носило дипломатический характер, китайская сторона отменила совместное мероприятие по безопасности границ и предупредила посла Вьетнама в КНР о применении военных действий в отношении вьетнамских военных баз в ЮКМ в случае продолжения добычи газа.

Вьетнам имеет несколько администрируемых пунктов на островах Спратли. Некоторые из них находятся на настоящих островах, но многие представляют собой блочные сооружения на искусственных рифах не военного характера. Поэтому защитить их от военной атаки крайне затруднительно. Вьетнам продемонстрировал эту неготовность защитить территорию в 1974 г. во время атаки вьетнамских по-

зиций в районе Парасельских островов и в сражении за Южный риф Джонсона островов Спратли в 1988 г. Оба случая показали неспособность Вьетнама защищать самостоятельно свои позиции в ЮКМ и привели к территориальным приобретениям для КНР.

Несмотря на угрозы Пекина, компания продолжила добычу газа и к тому же обнаружила запасы нефти, что усилило намерение продолжать бурение в данном районе.

Уже к концу июля 2017 г. планировалось достичь необходимой глубины для добычи и газа, и нефти. Перед руководством Ханоя стояла непростая задача. С одной стороны, продолжение работ по добыче дешевого топлива могло бы стимулировать экономический рост и поддержать легитимность Коммунистической партии Вьетнама, но, с другой стороны, это негативно сказалось бы на торговых отношениях с ключевым экономическим партнером – КНР. 17 из 19 членов Политбюро назвали китайские угрозы блефом, однако двое – генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг и министр обороны Нго Суан Лич – не согласились с этим утверждением [10]. В итоге было принято решение остановить работы по добыче газа и нефти в ЮКМ. Весомым аргументом стали опасения Ханоя в том, что администрация Д. Трампа не оказала бы помощь Вьетнаму в военном столкновении с Китаем.

КНР осознает, что если позволить хоть какому-нибудь участнику спора в ЮКМ проводить работы по добыче природных ископаемых, то это подвигнет других участников начать такие же работы. В частности, свою добычу сразу начали бы Филиппины, которые уже подавали иск в международный трибунал с целью санкционировать добычу газа в области Рид Банк (*Reed Bank*), покрывающей около 9000 км² в ЮКМ. Однако президент Филиппин Р. Дутерте считает, что территориальные притязания в ЮКМ не стоят той финансовой помощи и экономической выгоды, которую Манила может получить от КНР [10]. На данный момент между Вьетнамом и КНР идет обсуждение проектов взаимовыгодной добычи полезных ископаемых в спорных районах.

В итоге и вьетнамское и филиппинское руководство уступили свои позиции в ЮКМ за благосклонность Пекина. За ключевыми игроками в регионе последовали и другие страны ЮВА. В данном случае характерна неспособность рассматриваемых стран обеспечить

экономическую и военную безопасность от КНР. Немаловажную роль сыграла победа на президентских выборах США Д. Трампа, неоднозначно сформировавшего свою позицию в отношении стран ЮВА. Соответственно, поддержка Соединенными Штатами этих стран в их противостоянии с Китаем не гарантирована [11].

На очередной встрече АСЕАН на Филиппинах в конце июля 2017 г. руководство КНР добилось того, чтобы упоминание о милитаризации Китая в спорных областях не фигурировало в итоговом документе встречи. Были освещены лишь последние улучшения и изменения в ЮКМ, но ни слова не было сказано о построении Китаем длинных взлетно-посадочных полос для военных самолетов, ракетных установок и другого военного оборудования на занимаемых объектах. Министры АСЕАН лишь приветствовали майское рамочное соглашение между АСЕАН и КНР о Кодексе поведения в ЮКМ, подтверждая свою склонность поддержать мир и стабильность в отношениях с Пекином [11].

По сравнению с итоговым документом АСЕАН, принятом в сентябре 2016 г., в котором говорилось о серьезном намерении рассмотреть все незаконные действия Китая, тон лидеров ЮВА изменился в пользу КНР [11].

Также наглядными примерами эффективной экономической дипломатии Пекина могут служить случаи с Филиппинами и Вьетнамом в 2012 г., когда Китай использовал экономические уловки для ослабления притязаний этих стран на острова в ЮКМ. КНР не пустила на свой рынок сотни контейнеров с бананами, произведенными Филиппинами и Вьетнамом, а также поставила под вопрос экспорт других фруктов из этих стран. Более того, китайские туристы были призваны воздержаться от поездок в эти страны из соображений безопасности. В 2012 г., во время председательства Камбоджи в АСЕАН, руководство этой страны впервые за десять лет было вынуждено покинуть обсуждение совместного коммюнике из-за сильного давления со стороны Пекина, стремившегося не допустить ни малейшего упоминания о споре в ЮКМ [11].

Более того, как было уже отмечено, Китай является важнейшим торговым партнером всех стран ЮВА, включая и Вьетнам, текстильные фабрики которого зависят от китайских поставок (более 50 % текстильного материала идет из КНР). Учитывая тот факт, что тек-

стильная промышленность является одной из ключевых направлений вьетнамской экономики, Китай имеет мощное экономическое оружие для продвижения своих политических инициатив, включая экономическое давление на участников территориального спора в Южно-Китайском море. Это ставит под сомнение и легитимность текущего правительства, и его способность решить данную проблему, что выходит за рамки экономической безопасности [12].

Страны ЮВА стремятся усилить роль АСЕАН в региональной политике, следуя принципу «центральности АСЕАН». Одно из основных направлений деятельности АСЕАН – экономическая интеграция. Значительные усилия стран АСЕАН сконцентрированы на создании эффективного экономического сообщества с целью построения к 2025 г. экономического образования со свободным движением товаров, услуг, инвестиций, квалифицированных рабочих и другого капитала, способного поддержать конкурентоспособность данных стран на рынке с такими экономически сильными игроками, как Китай и Индия [12].

Данное сообщество позволит снизить тарифные ставки и обойти сложные административные процедуры. На данный момент реализация этого проекта замедляется из-за возникающих вопросов в сфере сельского хозяйства, финансового регулирования и нетарифных барьеров, в частности, интеграции менее экономически развитых Камбоджи, Лаоса, Мьянмы и Вьетнама. Например, проблемы возникают в области законодательств стран АСЕАН, которые существенно различаются. В одних странах (Сингапур, Таиланд, Малайзия) существует один алгоритм совершения торговых операций, в других же, таких как Лаос и Камбоджа, – другой. Также разнится уровень развития логистических услуг. В то время как Сингапур имеет транспортно-логистическую систему мирового класса, Лаос, Камбоджа и Мьянма лишь движутся к достижению такого уровня [12].

Другим инструментом поддержания системы экономической безопасности является развитие зон свободной торговли, включающих не только страны АСЕАН, но и других торговых партнеров стран ЮВА. Первой и, возможно, наиболее значимой зоной свободной торговли стала зона, включающая страны АСЕАН и Китай и полноценно действующая с 2010 г. (занимает третье место в мире по ВВП после ЕС и Североамериканской зоны свободной торговли

(НАФТА)). Средняя тарифная ставка на китайские товары, экспортируемые в АСЕАН, снизилась с 12,8 % до 0,6 % [12].

В свою очередь, тарифная ставка на товары, произведенные в АСЕАН и экспортируемые в Китай, снизилась с 9,8 % до 0,1 % [12]. В результате двусторонняя торговля существенно выросла и привела к торговому дефициту для большинства стран АСЕАН.

Стоит отметить, что страны АСЕАН стали больше привлекать китайские и транснациональные корпорации, которые стремятся перевести свое производство в ЮВА. Наглядным примером служит Вьетнам, ставший основным направлением перемещения производств китайских компаний из-за разницы в уровне заработной платы, которая в три раза ниже, чем на юге Китая. Этот фактор существенно снижает уровень безработицы во Вьетнаме и тем самым помогает снизить торговый дефицит.

Кроме того, страны ЮВА стараются диверсифицировать своих экономических партнеров и экспортные рынки, в частности за счет привлечения США в регион. Транстихоокеанское партнерство было наиболее значимым для региона до выхода из него Соединенных Штатов. В настоящее время развитие экономических отношений между странами ЮВА и США строятся посредством двусторонних соглашений [12].

Решение Д. Трампа выйти из ТТП предоставило возможность Китаю усилить свои позиции в ЮВА. Однако это не останавливает рассматриваемые страны в их решительности найти точки соприкосновения с новой администрацией Белого дома с целью ослабить свою зависимость от КНР [13].

ТТП претендовало на статус геоэкономического соглашения, направленного на создание более крепких и эффективных экономических сетей, а также на создание новых международных норм, регулирующих будущее международной торговли.

Для США ТТП способствовало бы укреплению устоявшихся продуктивных отношений с Австралией, Японией, Новой Зеландией и Сингапуром, и в то же время оно бы способствовало развитию эффективных партнерских отношений с такими странами ЮВА, как Малайзия и Вьетнам, при этом защищая ключевые американские направления производства, включая электронную экономику и сельское хозяйство.

ТТП предполагало создание правил и механизмов урегулирования споров, направленных на недопущение серьезных конфликтов в регионе, вытекающих из экономических разногласий между странами-участницами.

Кроме того, данные правила и механизмы должны были соблюдаться и другими государствами, желающими взаимодействовать со странами – участницами ТТП, включая КНР.

Однако недостатки ТТП, приведшие к его ослаблению и выходу из него США, включают, во-первых, тот факт, что в данном соглашении участвовали лишь 3 государства АСЕАН (Филиппины, Вьетнам и Сингапур). Неучастие в нем таких ключевых региональных игроков, как Индонезия и Таиланд, ставит под сомнение эффективность соглашения для всех стран ЮВА.

Во-вторых, ТТП не включало ничего касательно экономических войн – ни правил, ни механизмов их урегулирования. Чтобы такое геоэкономическое соглашение, как ТТП, было эффективным, оно должно предусматривать меры экономической безопасности, включая механизм санкций и коллективной безопасности, например в отношении валютных манипуляций. В-третьих, приоритет администрации Д. Трампа – обеспечение интересов американских производителей и, в частности, сохранение рабочих мест за гражданами США [13].

Выход из соглашения Соединенных Штатов поставил под сомнение дальнейшее существование Транстихоокеанского партнерства, однако оно могло бы стать отправной точкой в разработке нового механизма взаимодействия администрации Д. Трампа и стран Юго-Восточной Азии. Например, соглашения по механизмам взаимодействия в области электронной экономики могут быть применены в отношении НАФТА и новых двусторонних договоренностей со странами ЮВА.

Выводы. Таким образом, с одной стороны, Китай расширяет торгово-экономические связи, инвестирует и оказывает помощь странам региона, что, в свою очередь, стимулирует рост экономик стран ЮВА. С другой стороны, расширяя торгово-экономические связи и инвестируя в ЮВА, Китай становится ключевым торговым партнером стран региона, вытесняя других игроков, что усиливает зависимость азиатских стран от КНР.

Преобладание Китая в структуре торгово-экономических отношений со странами Юго-Восточной Азии дает возможность Пекину использовать экономические рычаги для продвижения своей позиции относительно территориального конфликта в Южно-Китайском море. Примеры, описанные выше, показывают, что такая экономическая дипломатия эффективно справляется с поставленными задачами. На данный момент ключевые участники спора в ЮКМ, такие как Вьетнам и Филиппины, уже поставили на первое место важность развития дружественных отношений с Китаем и расширение торгово-экономических связей. Это отражается в совместных итоговых документах АСЕАН и других встреч руководителей стран ЮВА, где опускаются все подробности добычи полезных ископаемых, строительства искусственных островов, наращивания вооруженных сил КНР и других незаконных действий в спорных районах.

Странам ЮВА необходимо расширять круг своих партнеров и найти противовес КНР. В основе политики экономической безопасности всех стран ЮВА должно лежать расширение региональной экономической интеграции, укрепление экономических связей с КНР и Индией и усиление экономических отношений с США, ЕС и Японией с целью поддержания баланса в торгово-экономических отношениях. Страны ЮВА стремятся усилить роль АСЕАН в региональной политике, тем самым следуя принципу «центральности АСЕАН».

Библиографические ссылки

1. *Степанов Е. Д.* Спорные проблемы в Южно-Китайском море // Китай в мировой политике. – М. : РОССПЭН, 2001. – С. 429–447.
2. *Мартынов Е. С.* Соперничество США и Китая в Азии: чем это грозит АСЕАН? // Азия и Африка. – 2014. – № 2. – С. 4–6.
3. *Денисович Ю.* Форумы АСЕАН в Ханое: в центре внимания вопросы региональной стабильности и безопасности // Компас. – 2010. – № 33. – С. 65–70.
4. *Денисович Ю.* Южно-Китайское море: новый виток территориального спора // Компас. – 2014. – № 24. – С. 21–23.
5. *Жиров Ф.* Архипелаг Спратли и Парасельские острова – «пороховая бочка» в Южно-Китайском море // Компас. – 2014. – № 17. – С. 21–23.
6. *Шутов Г.* Восемь вопросов о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) // Кансэрватыўны цэнтар [Электронный ресурс]. – 2014. – URL : <http://nomos.by/глеб-шутув-восемь-вопросов-о-транс-тих/> (дата обращения : 17.04.2018).

7. *Majid M.* Southeast Asia Between China and the United States // London School of Economics and Political Science [Electronic resource]. – URL : <http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR015/SR015Majid-China-vs-US.pdf> (accessed : 17.04.2018).
8. *Lohman W.* The Value of America's Southeast Asian Alliances // The Heritage Foundation [Electronic resource]. – 2015. – URL : <http://www.heritage.org/research/testimony/2015/the-value-of-americas-southeast-asian-alliances> (accessed : 17.04.2018).
9. *Бо Л.* Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве и контрмеры Китая // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 6. – С. 56–67.
10. *Williams B. R.* Trans-Pacific Partnership (TPP) Countries: Comparative Trade and Economic Analysis // Congressional Research Service [Electronic resource]. – 2013. – URL : <http://fas.org/sgp/crs/row/R42344.pdf> (accessed : 17.04.2018).
11. *Hayton B.* The Week Donald Trump Lost the South China Sea // Foreign policy [Electronic resource]. – 2017. – URL : <https://foreignpolicy.com/2017/07/31/the-week-donald-trump-lost-the-south-china-sea/> (accessed : 09.08.2018).
12. Chinese Land Reclamation in the South China Sea: Implications Policy Options // Congressional Research Service [Electronic resource]. – 2015. – URL : <http://fas.org/sgp/crs/row/R44072.pdf> (accessed : 15.07.2018).
13. *Cronin P. M., Cho A.* A Geoeconomic Strategy for the Trump Administration in Southeast Asia // Center for a new American security [Electronic resource]. – 2017. – URL : <https://www.cnas.org/publications/reports/averting-disengagement> (accessed : 09.08.2018).
14. *Jaishankar Dr. S.* India, the United States and China // The International institute for strategic studies [Electronic resource]. – 2015. – URL : <http://www.iiss.org/en/events/events/archive/2015-f463/july-636f/fullerton-lecture-jaishankar-f64e> (accessed : 10.09.2018).
15. *Brandon J. J.* A Strategic Pivot in U.S.-Southeast Asia Relations in 2012 // Asia Foundation [Electronic resource]. – 2012. – URL : <http://asiafoundation.org/in-asia/2012/01/04/a-strategic-pivot-in-u-s-southeast-asia-relations-in-2012/> (accessed : 18.10.2018).
16. *Локишин Г. М.* Южно-Китайское море: острова раздора // Азия и Африка. – 2015. – № 9. – С. 2–9.
17. *Терентьева Т. Г.* КНР. Дальнейшее развитие стратегии «Выход за рубеж» // Азия и Африка. – 2015. – № 4. – С. 11–18.
18. *Лексютина Я. В.* АТР как авансцена соперничества Китая и США в XXI веке // Азия и Африка. – 2014. – № 7. – С. 2–11.
19. *Palmer R. D.* U.S. Policy Toward Southeast Asia // American Diplomacy [Electronic resource]. – 2001. – URL : http://www.unc.edu/depts/diplomat/archives_roll/2001_10-12/palmer_seasia/palmer_seasia.html (accessed : 19.06.2018).
20. *Koh T.* The United States and Southeast Asia // Lee Kuan Yew School of Public Policy [Electronic resource]. – 2008. – URL : http://lkyspp.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2013/04/pa_tk_United-States-and-Southeast-Asia_2008.pdf (accessed : 07.08.2018).
21. *Emmerson D. K.* Challenging ASEAN: the American pivot in Southeast Asia // East Asia Forum [Electronic resource]. – 2013. – URL : <http://www.eastasiaforum.org/2013/01/13/challenging-asean-the-american-pivot-in-southeast-asia/> (accessed : 16.05.2018).
22. *Kang L.* Foreign Ministry Spokesperson Lu Kang's Regular Press Conference // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Electronic resource]. – 2017. – URL : http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1479993.shtml (accessed : 09.08.2018).

Дата поступления статьи: 28.11.2018.

Образец цитирования: Пахомова А. В. Экономическая дипломатия КНР в регионе Южно-Китайского моря // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2018. Вып. 6. С. 112–128.

Сведения об авторе: Пахомова Анастасия Валерьевна – аспирант факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: nikaanast@gmail.com.

ECONOMIC DIPLOMACY OF PRC IN THE SOUTH CHINA SEA REGION

A. V. PAKHOMOVA

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. This article examines the problem of the Southeast Asian countries' economic dependence on the People's Republic of China (PRC) and its impact on current events in the South China Sea. The author tried to identify Chinese soft power characteristic features, which illustrate the use of economic levers in promoting Beijing political will. The author shows the facts and cases of economic levers usage by the management of the PRC with the aim of weakening the claims of the South-East Asian countries to the disputed areas of the South China Sea. The need to expand the economic portfolio of South-East Asian countries and enhance regional cooperation within ASEAN has been identified and justified.

Economic diplomacy of Beijing is considered as one of the main tools in the struggle for the islands. An assessment of the potential threat of Chinese intensive growth in military-political and economic power is given.

According to the research, the author made conclusions and recommendations concerning the improvement of situation countries in South-East Asia and the weakening of their economic dependence on the PRC. The author believes that the analysis of China's economic diplomacy and its impact on the South-East Asian regional security is necessary in order to understand a wide picture and trends in the development of the region. It is also important for the preparation of a further course of the Republic of Belarus towards the Southeast Asian countries and the Asia-Pacific region as a whole.

Key words: PRC; Southeast Asia; economic security; territorial dispute; South-Chinese Sea; ASEAN; Trans-Pacific Partnership.

References

1. Stepanov, E. D. (2001). Spornye problemy v Juzhno-Kitajskom more. Kitaj v mirovoj politike [Controversial problems in the South China Sea. China in the world politics]. Moscow, ROSSPEN, p. 429–447. (In Russ.).
2. Martynov, E. S. (2014). Sopernichestvo SShA i Kitaja v Azii: chem jeto grozit ASEAN? [Rivalry between the US and China in Asia: what is the threat for ASEAN?]. In: *Asia and Africa*, 2, p. 4–6. (In Russ.).
3. Denisovich, Ju. (2010). Forumy ASEAN v Hanoe: v centre vnimanija voprosy regional'noj stabil'nosti i bezopasnosti [ASEAN Forums in Hanoi: focus on issues of regional stability and security]. In: *Compass*, 33, p. 65–70. (In Russ.).
4. Denisovich, Ju. (2014). Juzhno-Kitajskoe more: novyj vitok territorial'nogo spora. [The South China Sea: A New Spiral of the Territorial Dispute]. In: *Compass*, 24, p. 21–23. (In Russ.).
5. Zhironov, F. (2014). Arhipelag Spratli i Parasel'skie ostrova – «porohovaja bochka» v Juzhno-Kitajskom more [Spratly Archipelago and Paracel Islands – «powder keg» in the South China Sea]. In: *Compass*, 17, p. 21–23. (In Russ.).
6. Shutov, G. (2014). Vosem' voprosov o Transtihookeanskom partnerstve (TTP) [Eight questions about the Trans-Pacific partnership (TTP)]. In: Kanservatyny tsentar. URL: <http://nomos.by/глеб-шутков-восемь-вопросов-о-транс-тих/> (accessed 17.04.2018). (In Russ.).
7. Majid, M. Southeast Asia Between China and the United States. In: London School of Economics and Political Science. URL: <http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR015/SR015Majid-China-vs-US.pdf> (accessed 17.04.2018).
8. Lohman, W. (2015). The Value of America's Southeast Asian Alliances. In: The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/research/testimony/2015/the-value-of-americas-southeast-asian-alliances> (accessed 17.04.2018).
9. Bo, L. (2014). Soglashenie o Transtihookeanskom partnerstve i kontrmery Kitaja [Agreement on the Trans-Pacific Partnership and China's Countermeasures]. In: *Problemy Dal'nego Vostoka*, 6, p. 56–67. (In Russ.).
10. Williams, B. R. (2013). Trans-Pacific Partnership (TPP) Countries: Comparative Trade and Economic Analysis. In: Congressional Research Service. URL: <http://fas.org/sgp/crs/row/R42344.pdf>. (accessed 17.04.2018).
11. Hayton, B. (2017). The Week Donald Trump Lost the South China Sea. In: Foreign policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/07/31/the-week-donald-trump-lost-the-south-china-sea/> (accessed 09.08.2018).
12. Chinese Land Reclamation in the South China Sea: Implications Policy Options. In: Congressional Research Service. URL: <http://fas.org/sgp/crs/row/R44072.pdf> (accessed 15.07.2018).
13. Cronin, P. M., Cho, A. (2017). A Geoeconomic Strategy for the Trump Administration in Southeast Asia. In: Center for a new American security. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/averting-disengagement> (accessed 09.08.2018).
14. Jaishankar, Dr. S. (2015). India, the United States and China. In: The International institute for strategic studies. URL: <http://www.iiss.org/en/events/events/archive/2015-f463/july-636f/fullerton-lecture-jaishankar-f64e> (accessed 10.09.2018).
15. Brandon, J. J. (2012). A Strategic Pivot in U.S.-Southeast Asia Relations in 2012. In: Asia Foundation. URL: <http://asiafoundation.org/in-asia/2012/01/04/a-strategic-pivot-in-u-s-southeast-asia-relations-in-2012/> (accessed 18.10.2018).
16. Lokshin, G. M. (2015). Juzhno-Kitajskoe more: ostrova razdora [South China Sea: islands of discord]. In: *Asia and Africa*, 9, p. 2–9. (In Russ.).
17. Terent'eva, T. G. (2015). KNR. Dal'nejshee razvitie strategii «Vyhod za rubezh» [PRC. Further development of the strategy «Going Abroad»]. In: *Asia and Africa*, 4, p. 11–18. (In Russ.).

18. Leksjutina, Ja. V. (2014). ATR kak avanscena sopernichestva Kitaja i SShA v XXI veke [APR as an advance in the rivalry between China and the United States in the 21st century]. In: *Asia and Africa*, 7, p. 2–11. (In Russ.).
19. Palmer, R. D. (2001). U.S. Policy Toward Southeast Asia. In: *American Diplomacy*. URL: http://www.unc.edu/depts/diplomat/archives_roll/2001_10-12/palmer_seasia/palmer_seasia.html (accessed 19.06.2018).
20. Koh, T. (2008). The United States and Southeast Asia. In: Lee Kuan Yew School of Public Policy. URL: http://lkyspp.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2013/04/pa_tk_United-States-and-Southeast-Asia_2008.pdf (accessed 07.08.2018).
21. Emmerson, D. K. (2013). Challenging ASEAN: the American pivot in Southeast Asia. In: *East Asia Forum*. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/01/13/challenging-asean-the-american-pivot-in-southeast-asia/> (accessed 16.05.2018).
22. Kang, L. (2017). Foreign Ministry Spokesperson Lu Kang's Regular Press Conference. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1479993.shtml (accessed 09.08.2018).

Received: 28.11.2018.

For citations: Pakhomava, A. V. (2018). Economic diplomacy of PRC in the South China Sea region. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 112–128.

About author: Nastassia Pakhomava – Ph.D. student, Department of International Relations, Belarusian State University (Minsk); e-mail: nikaanast@gmail.com.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА НА ОТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ЕС

Е. О. ПАШКОВСКАЯ

*Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь*

В статье рассмотрено влияние миграционного кризиса 2015 г. на отношения Великобритании и ЕС. Проанализированы вклад Великобритании в урегулирование кризиса, роль вопросов иммиграции в политике консервативной партии Соединенного Королевства, особенности восприятия иммигрантов в британском обществе. Особенностью политики консерваторов в исследуемый период было стремление реформировать ЕС в собственных интересах в условиях миграционного кризиса, тем самым выполнить предвыборное обещание и привлечь на свою сторону сторонников европейской интеграции.

Особое внимание уделяется рассмотрению британских предложений по реформированию ЕС, а также переговорному процессу правительства Великобритании с ЕС по вопросу внесения изменений в его основополагающий договор. Автор также отмечает, что негативное общественное мнение в отношении иммигрантов во многом определило результат референдума 2016 г. о членстве Великобритании в ЕС. На основе проведенного исследования автор делает вывод, что проблемы иммиграции занимали центральное место в переговорах Д. Кэмерона с ЕС и активно использовались противниками европейской интеграции в качестве аргумента в пользу выхода из союза. Негативное отношение и нетерпимость в отношении иммигрантов существовали в британском обществе и ранее, однако миграционный кризис 2015 г. обострил эти противоречия.

Ключевые слова: Великобритания; ЕС; миграционный кризис; консервативная партия; беженцы; иммигранты; Брексит.

Введение. Миграционный кризис в Европе стал серьезным испытанием единства ЕС и в очередной раз подверг сомнению его способность реагировать на чрезвычайные ситуации.

Великобритания, стремящаяся к проведению собственной миграционной политики, поддерживала многие инициативы ЕС и в то же время по-своему участвовала в решении проблемы миграционного кризиса в Европе.

При оценке наиболее важных проблем, стоящих перед страной, иммиграция занимала более высокое место, чем проблемы здравоохранения и экономики. Эти проблемы касаются не просто рабочих мест или жилья, они переплетены с общественными заботами об уг-

розе национальной идентичности, ценностях, образе жизни и безопасности и являются основным мотивом для сторонников Брексита.

Миграционный кризис актуализировал дискуссии по ограничению иммиграции в Великобритании и усилил негативное восприятие иммигрантов в обществе. В статье делается попытка оценить его влияние на отношения Великобритании к европейской интеграции, проследить, каким образом вопрос об иммигрантах стал одним из главных при обсуждении выхода страны из ЕС.

Данная проблема рассматривалась частично. Анализировался сам кризис и его факторы, изучалось отношение политических партий Великобритании к иммиграции, отношение к мигрантам британцев.

В статье автором предпринята попытка системного рассмотрения влияния миграционного кризиса в Европе на отношения между Великобританией и ЕС. Вклад статьи в науку обусловлен комплексным подходом к рассмотрению иммиграции и ее роли для Великобритании.

Методы исследования. Объект исследования – отношения Великобритании и ЕС. Предмет исследования – влияние миграционного кризиса в ЕС на отношения Великобритании с ЕС.

Для раскрытия темы использовалось сочетание общенаучных и специально-исторических методов.

Среди общенаучных методов были применены исторический и системный подходы.

Из общенаучных логических методов применялись анализ, синтез, индукция, дедукция, научное изучение и обобщение.

В рамках исследования из специально-исторических методов задействованы историко-генетический и историко-описательный методы.

При анализе влияния миграционного кризиса на отношение Великобритании к ЕС большая роль уделялась описательному исследованию.

При этом в ходе описательного исследования проводилось установление связи между различными элементами. Оно дополнялось частично аналитическим исследованием, направленным на установление причинно-следственных связей. Оценка изученных статей по проблеме проводилась на основе критического анализа.

Обзор литературы по теме. Для написания статьи были изучены и сопоставлены исследования отечественных и зарубежных специалистов по международным отношениям, посвященные миграционному кризису в ЕС, вкладу Великобритании в борьбу с ним, а также его влиянию на отношения между Великобританией и ЕС.

В исследованиях В. А. Суворовой [1] дается общий обзор миграционного кризиса 2015 г. и выявляются слабые места существовавшей в ЕС системы предоставления убежища.

В статьях В. А. Андреевой [9] и Н. В. Ереминой [6] рассматривается миграционная политика Великобритании. Отмечается, что Великобритания в составе ЕС стремилась к самостоятельной миграционной политике, а британское законодательство регулировало иммиграцию гораздо жестче, чем аналогичное законодательство в ЕС. С приходом к власти Д. Кэмерона миграционная политика начала ужесточаться.

Работы Т. С. Кондратьевой [10], С. Гудмана [11], С. Дингры [12], А. В. Зубарева, Е. В. Хахалкиной [14], А. Райли [16] и Т. Н. Андреевой [17] нацелены на определение роли увеличения количества иммигрантов в отношениях между Великобританией и ЕС. Отмечается, что иммиграция играла ключевую роль в формировании негативного отношения к членству страны в ЕС. Тем не менее Е. В. Хахалкина считает, что негативное воздействие иммигрантов на экономику Великобритании преувеличено и не подкрепляется фактами. А. В. Зубарев подчеркивает, что аргументы против иммиграции носили иррациональный характер, и миграционный кризис в Европе был использован в качестве аргумента против членства Великобритании в ЕС.

Работа С. Верди [18], отчет Оксфордского университета [19] и исследование Агентства ООН по делам беженцев [20] обращают внимание на роль СМИ в освещении миграционного кризиса и формировании общественного мнения по отношению к беженцам и иммигрантам. С. Верди полагает, что Брексит был предопределен проблемами в британском обществе, такими как расизм и кризис британской идентичности. Исследователи Оксфордского университета считают, что иммиграция стала ключевым фактором для голосования британцев за выход из ЕС. В прессе, с одной стороны, выдвигались политические программы разных партий, формирующие политиче-

ский ландшафт Великобритании. С другой стороны, средства массовой информации отражали мнения людей. Согласно анализу Агентства ООН по делам беженцев все правые издания Великобритании освещали вопросы иммиграции и беженцев в негативном ключе.

Результаты исследования. Цель исследования – выявить влияние миграционного кризиса на отношения Великобритании и ЕС. Для ее достижения автор ставит задачу проанализировать подходы Великобритании и ЕС к решению проблемы массовой миграции, дать характеристику деятельности консерваторов в условиях кризиса и охарактеризовать британское общественное мнение по отношению к иммигрантам.

В отечественной науке проблемами миграции в Великобритании занимается лишь исследователь А. В. Зубарев [13]. Поэтому зарубежный опыт исследований в области миграции особенно важен. Так, стоит отметить Т. Н. Андрееву [9; 17] и Е. В. Хахалкину [14], а также А. Райли [16], С. Верди [18] и Т. Тубакович [2].

Результаты исследования могут применяться при изучении причин выхода Великобритании из ЕС и роли иммиграционного кризиса при принятии британцами этого решения.

Миграционный кризис, характеризующийся многократным увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов в Европейский союз из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии, достиг своего апогея в 2015 г., когда в Европу прибыло более 1 млн чел. [1].

По мере увеличения количества мигрантов принимающие государства все хуже справлялись с их размещением – лагеря беженцев оказались переполненными. Италия и Греция обратились за помощью к другим странам ЕС за поддержкой.

Стало очевидно, что Дублинский регламент – документ, определяющий, какое государство несет ответственность за рассмотрение ходатайств об убежище, нужно реформировать. Согласно ему вся нагрузка по размещению и содержанию мигрантов ложится на то государство ЕС, в которое впервые въехал иммигрант. Для снятия чрезмерной нагрузки на Италию и Грецию в качестве чрезвычайной меры был разработан план по переселению ищущих убежища людей. Он включал в себя систему квот, согласно которой каждое государство ЕС должно было принять определенное количество мигрантов. Это

число определялось уровнем благосостояния страны (ВВП), численностью населения, уровнем безработицы и средним количеством заявлений на предоставление убежища в предыдущие годы¹.

Предложенная система подверглась критике со стороны ряда исследователей [2; 3]. Они полагают, что нововведения – временная мера, которая будет работать только в период интенсивной миграции в Европу. Дублин IV не решает проблему иммиграции и не включает в себя долгосрочные структурные изменения миграционных потоков, где региональные конфликты служат их постоянным источником. Подчеркивается неспособность стран – членов ЕС к совместным действиям. Критикуется возможность страны откупиться от принятия мигрантов согласно квотам.

Не все страны ЕС согласились участвовать в системе квот. Особо остро отреагировали Австрия и страны Вышеградской группы.

В связи с увеличивающимся потоком мигрантов Австрия, Венгрия, Германия, Дания, Норвегия, Словакия, Словения, Франция и Чехия начали восстановление пограничного контроля, что шло вразрез с основными принципами Шенгенской зоны.

В процессе принятия более эффективных мер реагирования на кризис государства-члены сталкиваются с рядом реальных политических и практических проблем.

Во-первых, нельзя недооценивать практическую задачу, обусловленную исключительно масштабным кризисом. Объем перемещения людей, разнообразие их биографий, стран происхождения и уровней уязвимости, а также динамичный характер маршрутов въезда и используемых подпольных средств представляют невероятно сложную ситуацию. Такой объем и скорость наплыва иммигрантов перегрузили системы убежища Италии, Греции, Хорватии и Венгрии – государств ЕС, находящихся на внешних границах, в то время когда экономики этих стран были слабы.

Во-вторых, сложно разделять лиц, нуждающихся в международной защите, и тех, кто не испытывает такой необходимости, но все равно стремится попасть в страны ЕС. Для многих прибывающих в Европу людей линия между вынужденной и добровольной междуна-

¹ European Solidarity: A Refugee Relocation System // European Union [Electronic resource]. – 2015. – URL : https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/background-information/docs/2_eu_solidarity_a_refugee_relocation_system_en.pdf (accessed : 05.09.2018).

родной миграцией становится все более размытой. Миграция обусловлена множеством факторов, связанных с хронической нищетой, неравенством, деградацией окружающей среды и последствиями изменения климата, а также экономическими и образовательными возможностями в Европе. Сложный характер современных глобальных моделей миграции представляет огромные проблемы для международных, региональных и национальных правовых и политических рамок.

Несмотря на определенную правовую защиту беженцев, нынешнее использование упрощенных категорий принудительных и добровольных миграционных рисков создает двухуровневую систему защиты и помощи, в которой права и потребности тех, кто не квалифицируется как «беженцы» в рамках юридического определения, игнорируются [4].

Великобритания – привлекательная страна с точки зрения иммиграции и одна из пяти государств убежища, наряду с Германией, Францией, Италией и Грецией [1].

Соединенное Королевство отказалось участвовать в системе квот на мигрантов. Тем не менее в сентябре 2015 г. было объявлено, что Соединенное Королевство разместит у себя 20 тыс. сирийских беженцев в следующие 5 лет [5, с. 19].

Помимо предоставления убежища, иммиграция осуществляется в рамках политики воссоединения семей. После объявления Д. Кэмероном провала политики мультикультурализма активизировалась работа с находящимися в стране иммигрантами. Государство поддерживает иммигрантские организации, в частности мусульманские, такие как Молодые мусульмане Соединенного Королевства, Мусульманский образовательный фонд, и другие [6].

Несмотря на неучастие в системе квот, Великобритания финансирует лагеря беженцев в Сирии, оказывает помощь странам Африки, участвует в операциях по выявлению банд контрабандистов и предоставляет разведывательную поддержку операции ЕС в Средиземном море.

По данным 2015 г., Великобритания была вторым государством по величине оказываемой помощи жертвам сирийского конфликта. 4 сентября 2015 г. премьер-министр объявил о выделении дополнительной помощи сирийским беженцам в размере 4 млн ф. ст. 23 сен-

тября к этой сумме добавилось еще 115 млн ф. ст. Таким образом, общий вклад Великобритании с 2012 г. составил 1,12 млрд ф. ст.

Кроме того, министерство Великобритании по международному развитию выделило 9,5 млн ф. ст. из фонда предотвращения конфликтов, содействия стабильности и безопасности для укрепления стабильности.

Правительство Великобритании также участвовало в трех программах переселения в партнерстве с Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ): Программе защиты доступа (*Gateway Protection Programme*), Мандате (*Mandate*) и Схеме переселения сирийских уязвимых лиц (*Syrian Vulnerable Persons scheme*) [7].

В то же время в Великобритании находится меньше 1 % беженцев мира – а это гораздо меньше, чем в менее развитых странах, например Турции – 16,4 % или Пакистане – 10,1 % [8].

В 2015 г. было подано 1,25 млн заявок на получение убежища в государствах – членах ЕС, что на 44 % больше, чем в 2014 г. В 2015 г. в Великобритании было зарегистрировано 38,4 тыс. заявок на предоставление убежища, что составляет 3,1 % от их общего числа.

В конце июля 2015 г. разразился так называемый миграционный кризис в Кале, когда сотни мигрантов в попытке попасть в Великобританию собрались вдоль ограждений грузового терминала под Ла-Маншем и пытались проникнуть за него. Для защиты своих границ Великобритания выделила Франции 1,4 млн ф. ст. для создания безопасной стоянки грузовых машин, а также 7 млн ф. ст. на усиление безопасности евротоннеля [5].

Д. Кэмерон также поддержал достигнутое между ЕС и Турцией соглашение по размещению сирийских беженцев. Турция получила от Соединенного Королевства 275 млн ф. ст. для реализации условий договора.

Усиление контроля над иммиграцией в Великобритании прослеживается с конца 90-х гг. XX в. С тех пор было принято более 15 документов и инициатив по регулированию миграции. Следует отметить, что государство обладает одним из старейших иммиграционных законодательств в Европе [9].

До кризиса 2015 г. иммиграция в основном связывалась с единым рынком ЕС и свободой перемещения рабочей силы внутри сою-

за. Так, после очередного расширения ЕС в 2004 г. в страну начали прибывать работники из новых государств-членов, таких как страны Балтии, Польша, Словакия и Словения. Великобритания оказалась наиболее привлекательной страной трудовой иммиграции благодаря развитой социальной системе, а также системе образования и здравоохранения [10]. Кризис 2015 г. нес в себе угрозу прибытия в Соединенное Королевство множества работников с низкой квалификацией, носителей другого языка и культуры. Обсуждалось стремление приезжих пользоваться преимуществами социальной системы Великобритании, в частности жить лишь на пособия без попыток найти работу.

Несомненно, возрастающее количество приезжих дает дополнительную нагрузку на социальную систему, что также служило аргументом в пользу ужесточения иммиграционной политики. Тем не менее на фоне громких заявлений и лозунгов мало кто апеллировал к реальным цифрам по вкладу иммигрантов в британскую экономику. Более того, ЕС не оказывал влияния на меры Великобритании по борьбе с миграционным кризисом [11].

Так, до референдума 2016 г. жители Великобритании считали иммиграцию наиболее значимой проблемой страны – так высказались 38 % респондентов. На втором месте была национальная система здравоохранения – 33 %, далее – Европейский союз – 28 %. Наибольшие опасения были связаны с негативным влиянием иммигрантов на экономику страны, их количеством и нежеланием интегрироваться в общество, а также нагрузкой на систему социальных выплат и систему социальных услуг.

Действительно, количество прибывающих в страну трудовых мигрантов растет с каждым годом. Однако на деле сложно оценить их вклад в британскую экономику. Так, по исследованиям Университетского колледжа Лондона и Лондонской школы экономики и политических наук [12], трудовые мигранты положительно влияют на экономику и платят больше налогов, чем получают из бюджета в качестве пособий. Напротив, исследователи аналитического центра *Migration Watch* считают невозможным оценить вклад иммигрантов в экономику согласно существующим формулам расчета.

Количество иностранцев в Великобритании составляет 13,3 % от общего населения страны. С одной стороны, страна заинтересована в

рабочей силе. С другой – такой процент иммигрантов грозит размыванием национальной идентичности.

Нежелание иммигрантов интегрироваться в британское общество является следствием проведения политики мультикультурализма (ныне провозглашенной провальной), не предполагавшей большой вовлеченности иммигрантов в принимающее общество с целью сохранения своей культуры.

Следует отметить, что большинство опасений британцев в отношении иммигрантов во многом иррациональны и субъективны – они опираются на сообщения в СМИ, где иммиграция освещается преимущественно в негативном ключе, а не на факты [13; 14].

Для правых партий Великобритании (консерваторов и Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК)) европейский миграционный кризис стал одной из причин для продвижения идеи пересмотра отношений страны с ЕС, а для избирателей – одной из причин проголосовать против членства Великобритании в ЕС [15; 16].

ПНСК выступала за выход Великобритании из ЕС, что автоматически привело бы к закрытию границ для мигрантов из европейских стран, ранее пользовавшихся свободой передвижения рабочей силы в рамках союза. Рост популярности партии стал вторым главным политическим фактором в движении в сторону Брексита. Основанная в 1993 г. ПНСК совершила прорыв на местных выборах 2013 г., а в 2014 г. получила большинство мест от Великобритании на выборах в Европарламент. Важно отметить, что рост поддержки ПНСК был вызван не растущими опасениями перед Европейским союзом, а скорее озабоченностью иммиграцией.

Консерваторы на фоне кризиса, в котором им виделись подходящие условия для пересмотра миграционной политики ЕС, стремились ограничить трудовую иммиграцию.

Сделать это предлагалось путем усиления пограничного контроля для лиц, прибывающих из стран ЕС, ограничения доступа трудовых мигрантов к социальному жилью и пособиям по безработице, высылки иммигрантов, которые в течение полугода не смогли найти работу, а также прекращения практики выплаты детских пособий лицам, чьи дети находятся в других государствах. Более того, задачей Д. Кэмерона было внести поправки в основополагающий договор ЕС в соответствии с интересами Великобритании.

Работа в данном направлении началась после победы консервативной партии на всеобщих выборах 2015 г. Так, в мае план был представлен на Рижском саммите ЕС и решительно отвергнут всеми членами Евросоюза. Германия и Франция охарактеризовали план как подрывающий основы единого европейского рынка.

Одновременно с этим накалялась ситуация внутри страны. Осенью 2015 г. было сформировано межпартийное движение «Голосуй за выход» и кампания «Выход. ЕС», которые начали агитацию за выход страны из союза. В ответ сформировалось движение «Британия сильнее в Европе», т. е. произошла поляризация политических сил по вопросу европейской интеграции.

По мере углубления иммиграционного кризиса в других европейских странах, в частности в самой Германии, и осознания последствий выхода Великобритании из союза страны пошли на уступки и достигли договоренностей.

На саммите ЕС в декабре 2015 г. Д. Кэмерон убедил участников в необходимости создания альтернативного плана, который бы получил одобрение всех сторон. Он также отметил серьезность сложившейся в Великобритании политической обстановки.

Проект соглашения по иммиграции появился 2 февраля 2016 г. и вызвал разную реакцию в британском обществе. Одни полагали, что достигнутых соглашений недостаточно, другие называли проект хорошим соглашением.

Согласно документу Великобритании и другим странам, входящим в ЕС, предоставлялось право отсрочки подключения вновь прибывших мигрантов к социальной системе на 4 года в случае, если они смогут доказать, что мигранты из ЕС оказывают чрезмерное давление на надлежащее функционирование общественных услуг.

Никаких подробностей о том, что означает «чрезмерное давление», не приводится, но в примечании к механизму говорится, что оно будет представлено на основе понимания того, что «оно может и будет использоваться». Однако контроль над отсрочкой выплат, по видимому, остается в руках Европейской комиссии, которая должна быть уведомлена любым государством-членом о том, что, по их мнению, они имеют право использовать данный механизм.

В тексте также добавляется важное предостережение о том, что ограничения должны иметь несколько уровней, начиная с первого —

отсутствия любых льгот, до постепенного расширения к ним доступа до тех пор, пока работник остается на рынке труда принимающего государства.

Такая система будет доступна Великобритании в течение семи-летнего периода. С другой стороны, данная договоренность не отменяет сужающийся механизм, предполагающий, что мигранты из ЕС начнут получать пособия, как только они начнут вносить свой вклад в социальную систему, вероятно, после первого года работы.

Таким образом, в британских политических кругах изменение иммиграционной политики было тесно связано с экономикой страны, независимостью в этом вопросе от Брюсселя, а также борьбой за голоса избирателей. В условиях миграционного кризиса в Европе консерваторы сделали ставку на изменение миграционной политики ЕС в интересах Великобритании. Ожидалось, что достигнутые соглашения удовлетворят евроскептиков и убедят избирателей голосовать за членство Соединенного Королевства в ЕС [17].

В то же время для простых граждан Соединенного Королевства вопрос иммиграции был тесно переплетен с проблемой национальной идентичности, ксенофобией и расизмом [18]. Инцидент 27 августа 2016 г., когда выходец из Польши был избит британскими подростками и позже скончался в больнице², и другие нападения хулиганов указывают на снижение толерантности в обществе и отсутствие зависимости между расой иммигранта и отношением к нему.

Средства массовой информации не давали объективной картины по иммиграции в Великобританию и ее вкладу в общество.

Проведенное в Оксфордском университете исследование рассматривает закономерности в языке газетных материалов в период с 2006 по 2016 г. и их связь с политическим контекстом Великобритании. Результаты выявили следующее: тенденцию обвинять политиков в масштабах миграции в ЕС; резкое увеличение объема газетного освещения миграции с момента избрания возглавляемого консерваторами коалиционного правительства в 2010 г.; увеличение частоты обсуждения мигрантов из ЕС / Европы после 2013 г. с особым всплеском в 2014 г., когда мигранты из Румынии и Болгарии получили

² Six teenage boys arrested over death of Polish man in Essex // The Guardian [Electronic resource]. – 2016. – URL : <https://www.theguardian.com/uk-news/2016/aug/30/five-teenage-boys-arrested-after-man-dies-following-attack-in-essex> (accessed : 05.09.2018).

полный доступ к рынку труда в Великобритании. В исследовании сделан вывод о том, что роль средств массовой информации в формировании общественного мнения не ясна. Пресса умеет настраивать читателей, рассказывая о повестке дня. Продолжается дискуссия о том, формируют ли СМИ взгляды аудитории по обсуждаемым темам или просто их отражают [19]. Иммиграция, особенно иммиграция в ЕС, стала ключевым фактором в решении многих людей проголосовать за выход Великобритании из Европейского союза. Значительное расширение освещения миграции в средствах массовой информации Великобритании показывает, что СМИ играли важную роль в обсуждении отношений с ЕС.

В другом исследовании материалы британской прессы были сопоставлены с сообщениями из других стран. Следует отметить, что в большинстве государств ЕС газеты, будь то левой или правой ориентации, как правило, сообщали об использовании одних и тех же источников. Они также описывали одни и те же темы и предоставляли аналогичные объяснения кризису и пути его решения.

Британская пресса отличалась от других СМИ в государствах – членах ЕС. В то время как «Гардиан» и в меньшей степени «Дейли миррор» освещали целый ряд гуманитарных тем, в которых выражалось сочувствие бедственному положению беженцев, правая пресса последовательно поддерживала жесткий подход к беженцам и мигрантам.

Это объясняется низкой долей статей, в которых представлены гуманитарные темы («Дейли мейл» – 20,9 %, «Сан» – 7,1 %, в то время как по ЕС в среднем – 38,3 %), а также высоким процентом статей, в которых подчеркивается угроза того, что беженцы и мигранты нагружают социальную систему Великобритании («Дейли телеграф» – 15,8 %, «Дейли мейл» – 41,9 %, «Сан» – 26,2 %; по ЕС – 8,9 %).

В прессе ЕС негативные комментарии в отношении беженцев и мигрантов обычно исходят от отдельных граждан или от крайне правых политиков, и эти комментарии часто оспариваются журналистом или другим источником. В британской же правой прессе тема борьбы с беженцами и мигрантами постоянно подкрепляется аргументами, отраженными в редакционных статьях и комментариях [20].

Другое исследование отражает изменения в освещении вопросов иммиграции в британских СМИ. Оно включает более 500 статей из

шести газет – как таблоидов, так и общественно-политических, представляющих политический спектр. Согласно полученным результатам со временем дискурс изменялся, становясь все более обезчеловечивающим, где доминирует узкий диапазон негативных аргументов с меньшим охватом любых положительных аспектов иммиграции.

По сравнению с 2006 г. к 2013 г. тон публикаций стал отрицательным, поскольку основное внимание стало уделяться причинам сокращения иммиграции. К ним, в частности, относились определенные аргументы, например об угрозе, которую иммигранты ставят перед общественным порядком, о злоупотреблении системой социального обеспечения или о давлении на общественные услуги (92 %).

В 2013 г. было гораздо меньше статей, которые включали аргументы, основанные на космополитических идеях (до 8 % от общего числа)³.

Выводы. Исследователь приходит к выводу, что миграционный кризис в Европе стал поводом для ужесточения отношения британцев к иммигрантам и обострил проблемы в отношениях с ними.

Тем не менее Великобритания не зависела от ЕС в вопросах миграционной политики. Так, страна приняла только то количество беженцев, которое была готова принять, отказавшись при этом от участия в европейской системе распределения беженцев. Учитывая многовековой опыт Великобритании в регулировании миграционных потоков, автор считает, что проблема в отношениях с ЕС главным образом касается общего рынка труда и притока в Великобританию трудовых мигрантов из стран – членов ЕС. Миграционный кризис, в свою очередь, был использован политиками как главный аргумент в пользу сокращения количества иммигрантов и выхода Великобритании из ЕС.

Проблема иммиграции стала одной из главных причин, по которым граждане Великобритании проголосовали против членства страны в ЕС. Полученные результаты можно объяснить с позиции неоллиберализма.

В условиях миграционного кризиса Великобритания финансировала лагеря беженцев в Сирии, оказывала помощь странам Африки,

³ How has press coverage of immigration changed? // New Statesman [Electronic resource]. – 2015. – URL : <https://www.newstatesman.com/politics/2015/01/how-has-press-coverage-immigration-changed> (accessed : 29.08.2018).

участвовала в программах переселения под эгидой УВКБ. В то же время государство отказалось участвовать в плане ЕС по распределению квот на иммигрантов.

Антииммиграционные настроения были присущи Великобритании еще до событий 2015 г. Европейский миграционный кризис лишь обострил существующие в британском обществе проблемы, перенеся вопросы иммиграции в сферу внешней политики.

Если по вопросу членства в ЕС общественное мнение Великобритании было расколото, то по вопросу иммиграции британцы были солидарны и выступали за ее ограничение. Отрицательное отношение к иммигрантам отражается в росте количества публикаций, негативно освещающих миграцию. Тем не менее это отношение было во многом субъективно и основывалось больше на личном восприятии, чем на фактах.

В то время как в отношениях с ЕС основной задачей правительства в исследуемый период было сокращение количества трудовых мигрантов из стран ЕС и его реформирование в сфере миграционной политики, то другие политические силы (в частности, ПНСК) использовали антииммиграционные лозунги в качестве аргумента в пользу выхода Великобритании из ЕС. Иммиграция, в частности из ЕС, стала важным фактором в решениях многих избирателей проголосовать за то, чтобы Великобритания покинула Европейский союз.

Библиографические ссылки

1. Суворова В. А. Миграционный кризис в Европе: проблемы вынужденной миграции // Власть. – 2018. – № 1. – С. 176–179.
2. Tubakovic T. A. Dublin IV recast : A new and improved system? // Egmont European Policy Brief [Electronic resource]. – 2017. – URL : <http://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2017/03/EPB-A-Dublin-IV-recast-A-new-and-improved-system-new.pdf?type=pdf> (accessed : 05.09.2018).
3. Progin-Theuerkauf S. The «Dublin IV» – Proposal: Towards more solidarity and protection of individual rights? // University of Fribourg [Electronic resource]. – 2017. – URL : http://mhi.hi.is/sites/mhi.hi.is/files/nalsfiles/9/nals_paper_p._-theuerkauf.pdf (accessed : 05.09.2018).
4. The migration crisis? Facts, challenges and possible solutions // Overseas Development Institute Briefing [Electronic resource]. – 2015. – URL : <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/9913.pdf> (accessed : 29.08.2018).
5. Migration Crisis. Seventh Report of Session 2016-2017 // House of Commons publications [Electronic resource]. – 2016. – URL : <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmhaff/24/24.pdf> (accessed : 29.08.2018).

6. *Ермина Н. В.* От политики «Открытых дверей» до миграционного кризиса : реформирование миграцион. политики в коммунитар. и нац. измерениях на примере Великобритании и Франции // Сравн. политика и геополитика. – 2016. – Т. 7. – № 4. – С. 36–61.
7. Syria refugees: UK government response // UK government official website [Electronic resource]. – 2015. – URL : <https://www.gov.uk/government/news/syria-refugees-uk-government-response> (accessed : 29.08.2018).
8. Brexit and the refugee crisis // Oxfam media briefing [Electronic resource]. – 2015. – URL : <https://oxfamilibrary.openrepository.com/bitstream/10546/620278/1/mb-brexit-refugee-crisis-150617-en.pdf> (accessed : 29.08.2018).
9. *Андреева Т. Н.* Основные направления иммиграционной политики Великобритании и ЕС // Миров. экономика и междунар. отношения. – 2011. – № 9. – С. 100–113.
10. *Кондратьева Т. С.* Великобритания: референдум о выходе из ЕС и проблема иммиграции // Актуальные проблемы Европы. – 2016. – № 4. – С. 216–243.
11. *Goodman S.* «Take Back Control of Our Borders»: The Role of Arguments about Controlling Immigration in the Brexit Debate // Yearbook of the Institute of East-Central Europe [Electronic resource]. – 2017. – URL : https://www.researchgate.net/profile/Simon_Goodman3/publication/321586299_Take_Back_Control_of_Our_Borders_The_Role_of_Arguments_about_Controlling_Immigration_in_the_Brexit_Debate/links/5a27ddd0aca2727dd883ddaa/Take-Back-Control-of-Our-Borders-The-Role-of-Arguments-about-Controlling-Immigration-in-the-Brexit-Debate.pdf?origin=publication_detail (accessed : 29.08.2018).
12. *Dhingra S., Ottaviano G.* Brexit and the impact of immigration on the UK // BREXIT 2016. Policy analysis from the Centre for Economic Performance [Electronic resource]. – 2016. – URL : <http://www.kenwitsconsultancy.co.uk/wp-content/uploads/2016/09/BREXIT-2016-Policy-Analysis-from-the-Centre-for-Economic-Performance.pdf#page=50> (accessed : 05.09.2018).
13. *Зубарев А. В.* Проблема иммиграции в Великобритании в XXI в. и «Брексит» // Беларусь в современном мире : материалы XV междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. – Минск, 2016. – С. 360–361.
14. *Хахалкина Е. В.* Иммиграционная проблема в Великобритании после референдума о брексите : что изменилось? // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 421. – С. 163–170.
15. Brexit: The Role of Migration in the Upcoming EU Referendum // Migration Policy Institute [Electronic resource]. – 2016. – URL : <https://www.migrationpolicy.org/article/brexit-role-migration-upcoming-eu-referendum> (accessed : 29.08.2018).
16. *Riley A.* Brexit: causes and consequences // Notes internacionales CIDOB [Electronic resource]. – 2016. – URL : https://www.cidob.org/publicaciones/serie_de_publicacion/notes_internacionales/n1_159/brexit_causes_and_consequences (accessed : 05.09.2018).
17. *Андреева Т. Н.* Проблема ограничения трудовой миграции как основная причина Брексита // Миров. экономика и междунар. отношения. – 2017. – Т. 61. – № 8. – С. 57–66.
18. *Virdee S.* Racism, Crisis, Brexit // Ethnic and Racial Studies [Electronic resource]. – 2018. – URL : <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01419870.2017.13615> (accessed : 29.08.2018).
19. A Decade of Immigration in the British Press (Report) // The migration observatory at the University of Oxford [Electronic resource]. – 2016. – URL : <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/reports/decade-immigration-british-press/> (accessed : 29.08.2018).
20. Press Coverage of the Refugee and Migrant Crisis in the EU: A Content Analysis of Five European Countries // The UN Refugee Agency [Electronic resource]. – 2015. – URL : <http://www.unhcr.org/56bb369c9.html> (accessed : 29.08.2018).

Дата поступления статьи: 19.09.2018.

Образец цитирования: Пашковская Е. О. Влияние миграционного кризиса на отношения Великобритании и ЕС // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2018. Вып. 6. С. 129–146.

Автор: Пашковская Елена Олеговна – аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: yelena.pashkovs@gmail.com.

THE IMPACT OF THE MIGRATION CRISIS ON THE RELATIONS BETWEEN THE UK AND THE EU

E. O. PASHKOUSKAYA

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. This article examines the impact of the migration crisis of 2015 on the relations between the UK and the EU. The contribution of Great Britain to the settlement of the crisis, the role of immigration issues in the policy of the Conservative Party of the United Kingdom, the peculiarities of the perception of immigrants in the British society are analyzed. A feature of the policy of the Conservatives during the period under investigation was the desire to reform the EU in their own interests in the conditions of the migration crisis, and thus fulfill the pre-election promise and attract supporters of European integration to their side.

Particular attention is paid to the consideration of British proposals for reforming the union, as well as the negotiation process of the British government with the EU on the issue of amending its fundamental treaty. The author also notes that negative public opinion regarding immigrants largely determined the result of the 2016 referendum on the UK's membership in the EU. Based on the study, the author concludes that immigration issues were central to Cameron's negotiations with the EU and were actively used by opponents of European integration as an argument in favor of seceding from the union. Negative attitudes and intolerance towards immigrants existed in British society before, but the migration crisis of 2015 escalated these contradictions.

Key words: Great Britain; EU; migration crisis; conservative party; refugees; immigrants; Brexit.

References

1. Suvorova, V. A. (2018). Migratsionnyy krizis v Evrope: problemy vyzhdennoy migratsii [The Migration Crisis in Europe: Issues of Forced Migration]. In: *Vlast*, 1, p. 176–179. (In Russ.).
2. Tubakovic, T. A. (2017). *Dublin IV recast: A new and improved system?* In: Egmont European Policy Brief. URL: <http://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2017/03EPB-A-Dublin-IV-recast-A-new-and-improved-system-new.pdf?type=pdf> (accessed 05.09.2018).
3. Progin-Theuerkauf, S. (2017). *The «Dublin IV» – Proposal: Towards more solidarity and protection of individual rights?* In: University of Fribourg. URL: http://mhi.hi.is/sites/mhi.hi.is/files/nalsfiles/9/nals_paper_p._-theuerkauf.pdf (accessed 05.09.2018).
4. The migration crisis? Facts, challenges and possible solutions. (2015). In: Overseas Development Institute Briefing. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/9913.pdf> (accessed 29.08.2018).
5. Migration Crisis. Seventh Report of Session 2016–2017. (2016). In: House of Commons publications. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmhaff/24/24.pdf> (accessed 29.08.2018).
6. Eremina, N. V. (2016). Ot politiki «Otkrytykh dverey» do migratsionnogo krizisa: reformirovaniye migratsionnoy politiki v kommunitarnom i natsionalnom izmereniyakh na primere Velikobritanii i Frantsii [From «Open Door Policy» to Migrant Crisis: the Reforming of Migration Policy in European and National Dimensions (the Examples of Great Britain and France)]. In: *Comparative Politics Russia*, 7, 4, p. 36–61. (In Russ.).
7. *Syria refugees: UK government response*. (2015). In: UK government official website. URL: <https://www.gov.uk/government/news/syria-refugees-uk-government-response> (accessed 29.08.2018).
8. Brexit and the refugee crisis. (2015). In: Oxfam media briefing. URL: <https://oxfamlibrary.openrepository.com/bitstream/10546/620278/1/mb-brexit-refugee-crisis-150617-en.pdf> (accessed 29.08.2018).
9. Andreyeva, T. N. (2011). Osnovnyye napravleniya immigratsionnoy politiki Velikobritanii i ES [The main directions of immigration policy of Great Britain and the EU]. In: *World economy and international relations*, 9, p. 100–113. (In Russ.).
10. Kondratyeva, T. S. (2016). Velikobritaniya: referendum o vykhode iz ES i problema immigratsii [UK: Referendum on withdrawal from the EU and the problem of immigration]. In: *Urgent Problems of Europe*, 4, p. 216–243. (In Russ.).
11. Goodman, S. (2017). «Take Back Control of Our Borders»: The Role of Arguments about Controlling Immigration in the Brexit Debate. In: Yearbook of the Institute of East-Central Europe. URL: https://www.researchgate.net/profile/Simon_Goodman3/publication/321586299_Take_Back_Control_of_Our_Borders_The_Role_of_Arguments_about_Controlling_Immigration_in_the_Brexit_Debate/links/5a27ddd0aca2727dd883ddaa/Take-Back-Control-of-Our-Borders-The-Role-of-Arguments-about-Controlling-Immigration-in-the-Brexit-Debate.pdf?origin=publication_detail (accessed 29.08.2018).
12. Dhingra, S., Ottaviano, G. (2016). Brexit and the impact of immigration on the UK. In: BREXIT 2016. Policy analysis from the Centre for Economic Performance. URL : <http://www.kenwitsconsultancy.co.uk/wp-content/uploads/2016/09/BREXIT-2016-Policy-Analysis-from-the-Centre-for-Economic-Performance.pdf#page=50> (accessed 05.09.2018).
13. Zubarev, A. V. (2016). Problema immigratsii v Velikobritanii v XXI v. i «Breksit» [The problem of immigration in the UK in the XXI century and «Brexit»]. In: *Belarus in the Modern World: Materials of the XV International Conference on the 95th anniversary of the Belarusian State University, October 27, 2016*. Minsk, BGU Publ. centre, p. 360–361. (In Russ.).

14. Khakhalkina, E. V. (2017). Immigratsionnaya problema v Velikobritanii posle referendumo brekzite: chto izmenilos? [T. May and British Immigration Policy After the Referendum on Brexit: What Has Changed?]. In: *Tomsk State University Journal*, 421, p. 163–170. (In Russ.).
15. *Brexit: The Role of Migration in the Upcoming EU Referendum*. (2016). In: Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/brexit-role-migration-upcoming-eu-referendum> (accessed 29.08.2018).
16. Riley, A. (2016). Brexit: causes and consequences. In: Notes internacionales CIDOB. URL: https://www.cidob.org/publicaciones/serie_de_publicacion/notes_internacionales/n1_159/brexit_causas_and_consequences (accessed 05.09.2018).
17. Andreyeva, T. N. (2017). Problema ogranicheniya trudovoy migratsii kak osnovnaya prichina Breksita [The problem of limiting labor migration as the main cause of Brexit]. In: *World economy and international relations*, 61, 8, p. 57–66. (In Russ.).
18. Virdee, S. (2018). Racism, Crisis, Brexit. In: *Ethnic and Racial Studies*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01419870.2017.13615> (accessed 29.08.2018).
19. A Decade of Immigration in the British Press (Report) (2016). In: *The migration observatory at the University of Oxford*. URL : <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/reports/decade-immigration-british-press/> (accessed 29.08.2018).
20. Press Coverage of the Refugee and Migrant Crisis in the EU: A Content Analysis of Five European Countries. (2015). In: The UN Refugee Agency. URL: <http://www.unhcr.org/56bb369c9.html>. (accessed 29.08.2018).

Received: 19.09.2018.

For citations: Pashkouskaya, E. O. (2018). The impact of the migration crisis on the relations between the UK and the EU. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 129–146.

About author: Pashkouskaya Elena Olegovna – a doctorate student of the Department of international relations of Belarusian State University (Minsk); e-mail: yelena.pashkovs@gmail.com.

КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ (1992–2018 гг.)

Сунь Инцзе

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются становление и развитие связей между КНР и Республикой Беларусь в области образования в 1992–2018 гг. Изучены основные направления сотрудничества высших учебных заведений обеих стран. Выделены основные тенденции и ключевые этапы данного процесса, выявлены перспективные направления развития китайско-белорусского сотрудничества в области образования.

Утверждается, что стимулом развития такого сотрудничества стали интенсивные политические отношения между двумя странами, в том числе стратегическое партнерство и инициатива «Один пояс – один путь». В статье описываются как межправительственные, так и межвузовские контакты; подчеркивается особая роль последних в двустороннем сотрудничестве.

Приводятся данные о количестве китайских студентов, обучавшихся в Беларуси в исследуемый период, а также белорусских студентов, проходивших обучение в КНР; отмечается рост числа китайских студентов в белорусских вузах. Статья обращает внимание на причины интереса молодежи Беларуси к китайскому языку. Подчеркивается, что на этот интерес значительно влияет пропаганда китайской культуры и языка, которую ведет китайская сторона. В статье определены основные достижения и просчеты в развитии двусторонних отношений.

Ключевые слова: КНР; Республика Беларусь; сотрудничество; образование.

Введение. Национальное богатство любой страны составляет человеческий капитал, а образование при этом служит важным фактором развития общества. Обмен знаниями и опытом международного сотрудничества позволяет не только повышать качество образования, но и укреплять социально-экономическое развитие стран. Китайско-белорусские отношения включают различные сферы взаимодействия, в том числе образование.

Президент Беларуси А. Лукашенко во время переговоров с председателем КНР Си Цзиньпином в рамках саммита Шанхайской организации сотрудничества 2018 г. заявил, что с сильным Китаем будет сильной и Беларусь. Сотрудничество в гуманитарной сфере яв-

ляется одним из приоритетов китайской инициативы «Один пояс – один путь»¹. Активизация отношений с Беларусью способствует дальнейшему развитию сотрудничества в области образования.

Методы исследования. Автором проведен анализ нормативно-правовой базы двусторонних отношений; использованы исторический и сравнительный методы анализа. Объект исследования – процесс формирования и развития двустороннего сотрудничества в сфере образования; предмет исследования – этапы данного сотрудничества. Рассмотрены три периода развития двусторонних связей в сфере образования.

Обзор литературы по теме. Сотрудничество КНР с Республикой Беларусь в культурно-гуманитарной сфере получило определенное освещение в историографии.

Китайский исследователь Чжао Хуйжун, рассматривая современное состояние данного взаимодействия, отмечает, что сотрудничество КНР и Республики Беларусь в сфере образования носит взаимовыгодный характер и обладает серьезным потенциалом [1, с. 54–60]. Схожие мнения, концентрируясь на современном состоянии отношений, высказывают другие китайские авторы – Ли Баогуй, Ли Хуэй [2], Ван Цихэн [3], Ян Синцзюань [4].

В 2017 г. в Беларуси издана работа, в которой содержится комплексная оценка белорусско-китайского сотрудничества в сфере образования и университетской науки. Ее автор Д. А. Смоляков рассматривает развитие китайско-белорусских контактов в сфере образования с 1950-х гг. до настоящего времени, анализируя причины и тенденции увеличения количества китайских студентов в Беларуси [5]. Другие исследователи, такие как В. С. Дубовик [6], В. А. Зенченко [7], В. М. Мацель [8], А. А. Тозик [9], также затрагивали данный вопрос в контексте развития отношений Беларуси и КНР. Однако по-прежнему необходима систематизация накопленной информации.

Результаты исследования. Цель данной статьи – определить ключевые характеристики взаимодействия в области образования между КНР и Беларусью.

¹ Туйдон гунчзянь сычоу чжилу цзинцидай хэ 21 шицзи хайшан сычоу чжилудэ юаньцин юй синдун (Видение и действия по совместному строительству пояса и пути) // Чжонхуа жэнмин гонхэгуо шанубу (М-во коммерции КНР) [Электронный ресурс]. – 2016. – URL : <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/dxfw/jlyd/201601/20160101243342.shtml> (дата обращения : 19.08.2017).

Начальный этап (1992–2005 гг.). Сотрудничество между КНР и Республикой Беларусь в сфере образования было обусловлено становлением соответствующей договорно-правовой базы. основополагающим документом стало межправительственное соглашение о культурном сотрудничестве, подписанное в Пекине 25 ноября 1992 г. Им предусматривались «содействие развитию и повышению эффективности прямого взаимодействия между вузами обеих стран, взаимное предоставление стипендий, обмен учеными»². Его реализация привела к постепенному развитию и активизации двусторонних связей.

Со временем договорно-правовая база пополнялась. Так, в декабре 1996 г. в ходе официального визита в Пекин премьер-министра Беларуси С. С. Линга было подписано соглашение о сотрудничестве между Министерством образования и науки Республики Беларусь и Государственным комитетом КНР по делам образования на 1997–2000 гг.³.

С 1996 г. количество китайских граждан, желающих получить образование в белорусских вузах, стало расти. Если в 1994–1995 гг. консульский отдел посольства Беларуси в Пекине ежегодно оформлял не более 100 учебных виз гражданам КНР, выезжавшим на учебу в Беларусь, то в 1996–1998 гг. число представителей китайской молодежи, получивших такую визу, составляло порядка 150–250 человек (только в 1998 г. 241 человек). В 1998 г. в вузах Беларуси занималось более 500 китайских студентов, а в КНР обучались 150 белорусских граждан [9, с. 133]. Характерно, что студенты из КНР в основном обучались в Минске. Увеличение количества китайских граждан в университетах Беларуси стало результатом совместной работы министерств образования обеих стран и руководителей китайских и белорусских вузов.

Важную роль в развитии образовательных связей сыграл визит в КНР министра образования Беларуси В. И. Стражева в 1998 г. Во

² Чжонхуа жэнмин гунхэгуо чжэнфу хэ Байлосы гонхэгуо чжэнфу вэньхуа седин (Соглашение между Правительством КНР и Правительством Республики Беларусь о культурном сотрудничестве) / Чжонхуа жэнмин гонхэгуо вай цзяобубянь (МИД КНР). – Пекин : Мир знаний. – 1996. – С. 99.

³ Шкутько О. Н. Перспективы научно-технического сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2008. – № 3. – С. 131–139.

время визита было подписано межправительственное соглашение о взаимном признании документов об образовании (28 октября 1998 г.)⁴. 26 июля 2000 г. было подписано второе межправительственное соглашение, которое предусматривало взаимное признание документов о среднем и высшем образовании, а также дипломов кандидата и доктора наук⁵. Это способствовало увеличению количества китайских студентов в Беларуси. Расширилась также география учебы китайских студентов в Беларуси. В 2000 г. около 1000 китайских студентов обучались в Витебском государственном университете имени П. М. Машерова, Белорусском государственном университете транспорта, Гродненском государственном университете имени Я. Купалы и некоторых других вузах⁶. В это же время 23 белорусских студента обучались в Китае⁷. Развитие сотрудничества способствовало открытию специального отдела по делам образования в посольстве КНР в Беларуси в октябре 2000 г.⁸.

В мае 2000 г. в ходе визита в Минск министра образования КНР Чэнь Чжили было достигнуто соглашение между министерствами образования о сотрудничестве на 2001–2005 гг. На его основании стороны начали совместно готовить кадры в языковой сфере, развивать обмены между вузами, совместно проводить научные исследования. Согласно договоренности ежегодно общее количество стипендиатов с каждой стороны не превышало 15 человек⁹.

⁴ Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании // М-во образования Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2004. – URL : <http://edu.gov.by/sistemaobrazovaniya/mezhdunar/mezhdunarodnyesoglasheniya/.doc> (дата обращения : 05.11.2017).

⁵ Чжонхуа жэнмин гонхэгуо чжэнфу хэ Байлосы гонхэгуо чжэнфу гуаньюй сяньху чэнжэнь сюевэй чжэншу дэ сеи (Межправительственное соглашение КНР и РБ о взаимном признании документов обученных степенях) // Чжонго сюевэй юй яньцзюшэн чзююй синьсиван (Кит. образоват. портал) [Электронный ресурс]. – 2000. – URL : <http://www.cdgdc.edu.cn/xwyyjsjyxx/dwjl/xwhr/xwhrgxy/264191.shtml> (дата обращения : 19.08.2017).

⁶ Сяоцю У., Мацель В. М. Беларусь и Китай : горизонты сотрудничества // Проблемы управления. – 2002. – № 2. – С. 94.

⁷ Чжонго вайцзяо (Китайская дипломатия) // Чжонхуа жэнмин гонхэгуо вайцзяобу (М-во иностр. дел КНР). – Пекин : Мир знаний. – 2001. – С. 318.

⁸ Ли Чжэнхэ. Чжонбай юхао цзююй сяньсин (Дружба Китая и Беларуси в системе образования) // Блог Wangxianju [Электронный ресурс]. – 2014. – URL : http://blog.sina.com.cn/s/blog_5381b5c50102v5hn.html (дата обращения : 19.08.2017).

⁹ Соглашение между Министерством образования КНР и Министерством образования Республики Беларусь о сотрудничестве в области образования на 2001–2005 гг. // М-во образования Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2000. – URL : <http://edu.gov.by/sistema->

С 2001 г. на филологическом факультете БГУ началось обучение студентов по специальности «Восточная (китайская) филология». В мае 2002 г. в Минском государственном лингвистическом университете впервые был проведен лингвистический конкурс «Китайский язык – мост». 16 декабря 2003 г. на базе кафедры восточных языков факультета международных отношений БГУ при содействии Посольства КНР открыт республиканский центр китаеведения «Иероглиф»¹⁰. Активизация отношений между Беларусью и Китаем пробуждала взаимный интерес к истории и культуре двух народов.

В 2003 г. в целях поощрения китайских студентов, обучающихся за свой счет за границей, Китайский государственный совет по стипендиям для иностранных студентов учредил «Национальную стипендию» для лучших китайских студентов. До 2006 г. в общей сложности более 800 китайских студентов, обучающихся за рубежом, получили награды, в том числе два китайских студента в Беларуси: Ми Цзяньфэн (Белорусский национальный технический университет, 2005 г.) и Ван Ли (Витебский государственный университет, 2006 г.)¹¹.

Этап развития (2005–2013 гг.). 5 декабря 2005 г. в совместной китайско-белорусской декларации было заявлено, что двусторонние отношения вышли на новый этап всестороннего развития и стратегического сотрудничества. Отмечалось, что связи в сфере образования отражали широкие перспективы сотрудничества (статья 7)¹². По соглашению между министерствами образования двух стран о сотрудничестве в области образования на 2006–2010 гг. (Пекин, 5 декабря 2005 г.) стороны продолжили развивать межвузовское сотрудниче-

obrazovaniya/mezhdunar/mezhdunarodnyesoglasheniya/index.php/ (дата обращения : 05.11.2017).

¹⁰Хронология факультета: 2003 // БГУ [Электронный ресурс]. – 2003. – URL : <http://fir.bsu.by/index.php/ru/history/chronology-in-menu/01-10-in-menu/2003-in-menu.html> (дата обращения : 13.08.2017).

¹¹ 2003 нянь гоцзя цзыфэй люсюешэн цзянсюецзин сяну (Национальная стипендия для лучших студентов, обучающихся за свой счет за границей, в 2003 г.) // Чжонхуа жэнмин гонхэгуо цзяюйбу (М-во образования КНР) [Электронный ресурс]. – 2003. – URL : http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zllsj/moe_183/tnull_2301.html (дата обращения : 13.08.2017).

¹² Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Беларусь // М-во иностр. дел КНР [Электронный ресурс]. – 2005. – URL : <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t225267.shtml> (дата обращения : 13.09.2017).

во. Общее количество стипендиатов с каждой стороны было увеличено с 15 до 20 человек в год¹³.

12 октября 2006 г. между Министерством образования Республики Беларусь и Государственной канцелярией КНР по международному распространению китайского языка был подписан еще один важный документ – соглашение о сотрудничестве в области преподавания китайского языка¹⁴.

Документ предусматривал оказание содействия в изучении и преподавании китайского языка и литературы в учебных заведениях Беларуси, включая средние и начальные школы. В итоге уже в 2006 г. был открыт первый Институт Конфуция при БГУ (с Пекинским университетом языкознания и культуры в качестве партнерской организации; с 2009 г. партнерской организацией института стал Даляньский политехнический университет). В отличие от институтов Конфуция, работающих в других странах и занимающихся только вопросами культуры и языка, институт Конфуция в Минске создан для более широкого изучения КНР. В соответствии с соглашениями, подписанными БГУ с другими учебными заведениями Беларуси, центры китайского языка и культуры были открыты при Гомельском государственном университете имени Ф. Скорины (июнь, 2006 г.), Белорусском государственном экономическом университете (август, 2013 г.) и Гродненском государственном университете имени Я. Купалы (октябрь, 2013 г.).

В 2007 г. в целях укрепления связей между молодежью Беларуси и КНР и популяризации белорусской культуры в КНР при Белорусском национальном техническом университете был создан культурно-образовательный центр «Шанхай – 2007». В Минске, помимо Республиканского института китаеведения в БГУ, в сентябре 2011 г. Институт Конфуция был открыт в Минском государственном лингвистическом университете. Поощряя изучение китайского языка в белорусских вузах, посольство КНР ежегодно проводит отборочный тур

¹³ Чжонхуа жэнмин гонхэгуо цзяюйбу хэ Байлосы гонхэгуо цзяюйбу 2006–2010 нянь цзяюй хэцзо седин (Соглашение между Министерством образования КНР и Министерством образования Республики Беларусь о сотрудничестве в области образования на 2006–2010 гг.) // Чжонхуа жэнмин гонхэгуо тяюецзи ди ушиэ цзи 2005 (Собрание договоров Китайской Народной Республики, 2005, № 39). – Пекин : Мир знаний. – 2006. – С. 85.

¹⁴ Цзяюй хэцзо (Сотрудничество в области образования) // Чжонгуо чжу Байлосы дашигуань (Посольство Китая в Беларуси) [Электронный ресурс]. – 2006. – URL : <http://by.china-embassy.org/chn/wh/> (дата обращения : 25.06.2017).

международного конкурса студентов по китайскому языку «Китайский язык – мост»¹⁵.

Для продвижения разработок белорусских вузов на китайский рынок делегации белорусских вузов с 2005 г. ежегодно принимали участие в международных образовательных выставках в Китае (*China Education Expo*)¹⁶.

В 2005 г. между Белорусским государственным университетом и Харбинским университетом науки и техники было впервые подписано соглашение о совместной аспирантуре. В 2007 г. в нее было принято 8 граждан КНР, в 2008 г. – 7 граждан КНР. В 2006 г. было оформлено рекордное количество белорусских учебных виз китайским студентам – 470. Общее число студентов из Китая, обучающихся в белорусских вузах, в 2006 г. достигло 1100 человек¹⁷.

Наиболее популярными для обучения китайских граждан в этот период стали Белорусский государственный университет, Минский государственный лингвистический университет, Белорусский национальный технический университет и Белорусская государственная академия музыки.

Привлекали китайских учащихся высокие стандарты образования, доступная стоимость обучения, хорошие условия пребывания в стране. Эти факторы увеличили количество китайских студентов, приезжавших в Беларусь: в 2007–2008 учебном году здесь обучалось 1394 студента из КНР, в 2008–2009 учебном году – 1725.

В 2010 г. свои первые диссертации в Беларуси защитили китайские аспиранты¹⁸. С 2010 г. 49 китайских студентов после трех лет обучения в Китае впервые приступили к обучению в Витебском госу-

¹⁵ *Ванина Ю.* Создание в БГУ Института китаеведения будет способствовать укреплению взаимопонимания между народами Китая и Беларуси // БелТА [Электронный ресурс]. – 2007. – URL : <http://news.21.by/society/2007/01/26/496792.html> (дата обращения : 17.05.2018).

¹⁶ Чаньчжань юаньсяо миндань = Список участвующих вузов // Чжонго гоци цзянюйчжан = Кит. междунар. образоват. выставка [Электронный ресурс]. – 2005. – URL : http://www.chinaeducationexpo.com/chinese/exhibition/event_report.html (дата обращения : 05.01.2018).

¹⁷ Состояние сотрудничества Белорусского государственного университета и организаций Китайской Народной Республики // БГУ [Электронный ресурс]. – 2006. – URL : <https://mmf.bsu.by/wp-content/uploads/ablameiko/283683.pdf> (дата обращения : 26.05.2018).

¹⁸ *Ванина Ю.* Китайские специалисты защитили первые диссертации в белорусско-китайской аспирантуре в БГУ // belta [Электронный ресурс]. – 2010. – URL : <http://www.belta.by/society/view/kitajskie-spetsialisty-zaschitili-pervye-dissertatsii-v-belorussko-kitajskoj-aspiranture-v-bg-143471-2010> (дата обращения : 26.05.2018).

дарственном университете по уникальной программе «3 + 3» для изучения в Беларуси музыки и изобразительных искусств¹⁹.

В 2012–2013 учебном году в Беларуси обучалось уже 2025 китайских студентов, в том числе 33 стипендиата государственных программ Китая «Высшее образование в области государственного строительства», «Программа международных обменов для студентов бакалавриата», «Специальная программа по развитию талантов в области искусства»²⁰.

В 2000-х гг. изучение китайского языка стало популярным среди белорусов. Ежегодно в КНР проходили обучение более 40 белорусских студентов (по стипендиальным программам и за свой счет).

Преподавание китайского языка началось и в средней школе. С 2007 г. первоклассники трех гимназий Минска (№ 10, 12 и 23) изучают китайский как первый иностранный.

В 2011 г. в Республиканском институте китаеведения при БГУ впервые прошло тестирование на уровень владения китайским языком (*HSK*), в котором приняли участие более 250 белорусов²¹. В 2012 г. в Даляньском политехническом университете был организован двухнедельный летний лингвистический лагерь для белорусских студентов²². Одновременно Минский государственный лингвистический университет направил на обучение в китайские университеты по стипендиям Института Конфуция более 130 студентов²³.

В октябре 2013 г. в Минске прошла первая выставка «Образование в Китае – 2013», организованная Всекитайским комитетом по управлению правительственными грантами совместно с Министерст-

¹⁹ Китайские студенты учатся в Беларуси по программе «3 + 3», аналогов которой нет в мире // СТВ [Электронный ресурс]. – 2010. – URL : <http://www.ctv.by/kitayskie-studenty-uchatsya-v-belarusi-po-programme-33-analogov-kotoroy-net-v-mire> (дата обращения : 26.05.2018).

²⁰ Сотрудничество в области образования // Посольство Респ. Беларусь в КНР [Электронный ресурс]. – 2013. – URL : http://china.mfa.gov.by/zh/bilateral_relations/education/ (дата обращения : 11.06.2017).

²¹ Экзамен по китайскому языку HSK // Респ. ин-т китаеведения им. Конфуция Белорус. гос. ун-та [Электронный ресурс]. – 2010. – URL : http://rci.bsu.by/Exam_HSK.aspx (дата обращения : 21.08.2017).

²² В июле 2012 года в Даляньском политехническом университете проходил двухнедельный летний лингвистический лагерь // Респ. ин-т китаеведения им. Конфуция Белорус. гос. ун-та [Электронный ресурс]. – 2012. – URL : <http://rci.bsu.by/?id=115:news-ru-1> (дата обращения : 19.09.2018).

²³ Об институте // Институт Конфуция в МГЛУ [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : <http://ci.mslu.by/ob-institute> (дата обращения : 19.09.2018).

вом образования Республики Беларусь, Белорусским национальным техническим университетом и Белорусским центром научно-технического сотрудничества с провинциями КНР. Мероприятие ознакомило с системой высшего образования в Китае и китайским рынком образовательных услуг.

Были расширены контакты между китайскими и белорусскими вузами (в частности, Белорусский национальный технический университет подписал соглашение о сотрудничестве с Ланьчжоуским университетом технологий, предусматривающее совместную реализацию научно-исследовательских и инновационных проектов, обмен студентами, аспирантами, преподавателями)²⁴.

В том же году китайский язык стали изучать в гимназиях № 23, 12, 33, 35 и в средних школах № 10, 20 г. Минска, а также в средней школе № 44 г. Витебска²⁵.

Успешное проведение КНР Олимпийских игр в 2008 г. и популяризация китайского языка в Беларуси способствовали увеличению количества белорусских студентов в Китае. В 2012–2013 учебном году в КНР обучалось 672 белорусских студента, включая 150 государственных стипендиатов.

Этап совершенствования (2013–2018 гг.). В конце 2013 г. во время празднования 100-летия Ассоциации выпускников европейских и американских вузов президент КНР Си Цзиньпин сформулировал задачу обучения за рубежом: «поддержать учебу в зарубежных учебных заведениях, поощряя возвращение в страну...»²⁶.

Одновременно продвижение инициативы КНР «Один пояс – один путь» дало новый стимул взаимодействию, в том числе в сфере образования. К этому времени обе стороны накопили достаточный опыт.

В 2014–2015 гг. заработал специализированный механизм координации двустороннего сотрудничества – китайско-белорусский

²⁴ Выставка «Образование в Китае – 2013» // БНТУ [Электронный ресурс]. – 2013. – URL : <http://www.bntu.by/news/42-vistavki/968-25-10-2013.html> (дата обращения : 25.09.2018).

²⁵ Дубовик В. С. Беларусь и Китай : на пути всестороннего сотрудничества. – Минск : Изд. дом «Звезда», 2015. – С. 44–48.

²⁶ Цзюйцзяо гуоцзя чжанлюе тигун жэньцай чжичэн люсюе гунцзо цзюде сяньчжу чэнци (Сосредоточить на национальной стратегии, оказать поддержку талантов и получить замечательные результаты в обучении за рубежом) // Цзяоюйбу (М-во образования) [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2069/xwfbh_2017n/xwfb_170301/170301_sfcl/201703/t20170301_297675.html (дата обращения : 21.08.2017).

межправительственный комитет по сотрудничеству. В его составе было создано пять комиссий, в том числе комиссия по сотрудничеству в области образования²⁷. Большое значение для дальнейшей активизации отношений продолжали играть визиты на высшем и высоком уровнях.

Новым импульсом в развитии сотрудничества в области образования стало подписание Декларации об установлении всестороннего стратегического партнерства (Пекин, 16 июля 2013 г.). В статье 7 высказывалось намерение усиливать обмены и взаимодействие в области образования, увеличивать количество обучающихся в Китае белорусских студентов, поддерживать расширение преподавания китайского языка в Беларуси и совершенствовать деятельность институтов Конфуция²⁸. Уже в 2014–2015 гг. более 600 граждан Республики Беларусь прошли обучение в КНР по различным образовательным программам.

Китай стал одним из приоритетных партнеров Беларуси в образовательной сфере. До 2015 г. учреждения образования Беларуси заключили более 100 двусторонних соглашений с вузами и научно-исследовательскими организациями КНР²⁹. Помимо межведомственных соглашений в сфере образования, договоры о сотрудничестве между вузами обеих стран предусматривали обмен студентами, стимулирование изучения китайского языка, совместные исследования. В 2015 г. было увеличено общее количество государственных стипендий с каждой стороны с 20 до 40.

В апреле 2015 г. на базе Белорусского государственного университета состоялось первое совместное заседание комиссии по сотрудничеству в области образования Китайско-белорусского межправи-

²⁷ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о создании Белорусско-китайского межправительственного комитета по сотрудничеству // Naviny [Электронный ресурс]. – 2014. – URL : <http://naviny.org/2014/09/04/by1460.htm> (дата обращения : 05.02. 2018).

²⁸ Чжонхуа жэнмин гонхэгуо хэ Байлосы гонхэгуо гуаньюй цзяньли цюаньянь чжаньлюе хобань гуанси дэ лянхэ шэнмин (Совместная декларация об установлении всестороннего стратегического партнерства) // Чжонхуа жэнмин гонхэгуо вайцзяобу = М-во иностр. дел КНР [Электронный ресурс]. – 2013. – URL : <http://www.mfa.gov.cn/chn//gxh/zlb/smgg/t1059443.htm> (дата обращения : 09.08.2017).

²⁹ Китай проявляет большой интерес к системе образования Беларуси – Карпенко // Belta [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : <http://www.belta.by/society/view/kitaj-projavljaet-bolshoj-interes-k-sisteme-obrazovaniya-belarusi-karpenko-254489-2017/> (дата обращения : 20.01. 2018).

тельствeнного комитета. Делегация КНР во главе с заместителем министра образования КНР Хао Пинем участвовала в подписании межправительственного соглашения о сотрудничестве в 2015–2016 гг.³⁰.

В мае 2016 г. в Гуанчжоу состоялось второе совместное заседание комиссии. Делегация во главе с первым заместителем министра образования Беларуси В. Богушем участвовала в подписании нового межправительственного соглашения о сотрудничестве в 2016–2017 гг. В июне 2017 г. делегация министерства образования КНР во главе с министром Чэнь Баошэном приняла участие в третьем совместном заседании комиссии и в двустороннем форуме ректоров университетов в Минске³¹.

В сентябре 2017 г. состоялся визит в Беларусь делегации Китайской ассоциации по международному обмену в сфере образования. Ассоциация подписала договор о сотрудничестве с Центром международных связей Министерства образования Беларуси³².

Межвузовское сотрудничество оставалось одним из основных видов контактов в области образования. Китайские вузы установили отношения с 45 вузами Беларуси³³.

Например, к 2018 г. БГУ заключил более 40 межвузовских соглашений о сотрудничестве с высшими учебными заведениями КНР. Так, в 2014 г. в Даляньском политехническом университете был создан совместный Научно-исследовательский центр плазменных технологий, учредителем которого стал БГУ. В том же году был открыт Центр китайского языка и культуры в Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова.

³⁰ Хао Пин чуси чжонбай цзяюй хэцзо фэньхуй дици хуйи (Хао Пин участвовал в первом совместном заседании Китайско-белорусской комиссии по сотрудничеству образования) // Чжонхуа жэнмин гонхэгуо цзяюйбу (М-во образования КНР) [Электронный ресурс]. – 2015. – URL : http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/moe_1485/201504/t20150417_187320.html (дата обращения : 09.08.2017).

³¹ Василий Жарко встретился с министром образования КНР Чэнь Баошэном // Совет Министров Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : <http://pda.government.by/ru/content/7334> (дата обращения : 27.01. 2018).

³² С 11 по 12 сентября 2017 года состоялся визит делегации Китайской ассоциации по международному обмену в сфере образования во главе с Президентом г-ном Лю Лиминем в Республику Беларусь // М-во образования Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : <http://edu.gov.by/news/s-11-po-12-sentyabrya-2017-godasostoyalsya-vizit-delegatsii-kitayskoy-assotsiatsii-po-mezhdunarodno/> (дата обращения : 11.06. 2017).

³³ Байэлосы жэмэнь дасюе паймин (Популярный университетский рейтинг в Беларуси) // Байэлосы чжунвэньван (Беларусь – Китай) [Электронный ресурс]. – 2018.– URL : <http://www.hibelarus.com/belarus-universities-ranks.html> (дата обращения : 20.09.2018).

В октябре 2014 г. при Белорусском национальном техническом университете (с Северо-восточным университетом Китая в качестве партнерской организации) был открыт Институт Конфуция по науке и технике – первый подобный институт Конфуция в мире.

В 2014–2015 учебном году в Беларуси впервые прошла республиканская олимпиада по китайскому языку³⁴.

В 2015 г. было подписано соглашение о создании совместной аспирантуры БГУ с Даляньским политехническим университетом, в ноябре этого года открылся класс Конфуция в Белорусском государственном университете физической культуры (с Линнаньским педагогическим университетом в качестве партнерской организации).

А в 2016 г. начал работу Центр китайского языка и культуры в Брестском государственном техническом университете³⁵.

Соглашения между вузами Китая и Беларуси позволили упорядочить взаимоотношения для реализации совместных программ, дали основание для расширения форм и направлений сотрудничества. Для этих целей 27 декабря 2016 г. белорусские и китайские партнеры создали Международный образовательный фонд³⁶.

В 2017 г. университеты КНР и Беларуси продолжили поиск новых форм сотрудничества. Так, в Белорусском государственном университете, Даляньском политехническом университете и Тихоокеанском государственном университете была создана международная лаборатория исследований региональной экономики и интеграционных процессов.

В сентябре при Линнаньском педагогическом университете открылся Китайско-белорусский центр философии и культуры³⁷. В октябре при Национальной академии наук Беларуси был создан совме-

³⁴ Байэлосы жэмэнь дасюе паймин (Популярный университетский рейтинг в Беларуси) // Байэлосы чжунвэньван (Беларусь – Китай) [Электронный ресурс]. – 2018. – URL : <http://www.hibelarus.com/belarus-universities-ranks.html> (дата обращения : 20.09.2018).

³⁵ Центр изучения китайского языка и культуры [Электронный ресурс] // БрГГУ. – URL : <http://www.bstu.by/ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/tsentr-izucheniya-kitajskogo-yazyka-i-kultury> (дата обращения : 02.02.2018).

³⁶ О Фонде // МОФ БГУ [Электронный ресурс]. – 2016. – URL : http://www.ief.bsu.by/about_us/index.php?lang=ru (дата обращения : 02.07.2018).

³⁷ Чжонбай чжесюе вэнхуа яньцзю чжунсинь цзай гуандун чжанцзян чэнли = Китайско-белорусский центр философии и культуры открылся в Чжаньцзян, Гуандун // Новости Китая [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : <http://news.china.com/socialgd/10000169/20170927/31523241.html> (дата обращения : 02.02.2018).

стный исследовательский центр философии и культуры (партнерская организация – Линнаньский педагогический университет)³⁸.

В ноябре 2017 г. центр китайского языка и культуры был учрежден в Полоцком государственном университете³⁹. Четвертый в Беларуси Институт Конфуция открылся в декабре 2017 г. в Гомельском государственном университете имени Ф. Скорины (партнер – Нанкинский университет науки и технологии). Это первый институт Конфуция, созданный за пределами Минска⁴⁰.

В марте 2018 г. в Минском государственном лингвистическом университете открылся факультет китайского языка и культуры, который установил тесные контакты с Восточно-китайским педагогическим университетом, Пекинским университетом иностранных языков, Тяньцзиньским университетом иностранных языков и Шанхайским университетом иностранных языков⁴¹.

В 2017–2018 учебном году в вузах Беларуси обучались 2157 китайских граждан (третье место в общей численности иностранных студентов), среди обучавшихся – 140 аспирантов (первое место среди всех зарубежных аспирантов в Беларуси). В это же время в вузах Китая проходили обучение около 600 белорусских граждан⁴².

В последнее время популярность китайского языка в белорусских вузах растет. До 2017 г. китайский язык изучали более 1600 студентов [2, с. 54–60].

Китайский язык завоевал популярность также и в школах. До 2018 г. китайский язык изучается в 17 учебных заведениях Беларуси (в 12 школах и в 5 университетах). Проводились факультативные за-

³⁸ Белорусско-китайский научно-исследовательский центр философии и культуры открылся в Минске // Белтелерадиокомпания [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : https://www.tvr.by/news/obshchestvo/belorusko_kitayskiy_nauchno_issledovatel'skiy_tsentr_filosofii_i_kultury_otkrylya_v_minske/ (дата обращения : 02.02.2018).

³⁹ Открытие Центра китайского языка и культуры // Полоц. гос. ун-т [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : <https://www.psu.by/novosti-mezhdunarodnoj-deyatelnosti/10769-otkrytie-tsentra-kitajskogo-yazyka-i-kultury> (дата обращения : 13.12.2017).

⁴⁰ Открытие первого регионального Института Конфуция при ГГУ им. Ф. Скорины // Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : <http://new.gsu.by/?p=7757> (дата обращения : 13.01.2018).

⁴¹ Факультет китайского языка и культуры // МГЛУ [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : <https://www.mslu.by/news/fakul-tet-kitajskogo-yazyka-i-kul-tury> (дата обращения : 26.09.2018).

⁴² Сотрудничество в области образования // Посольство Респ. Беларусь в КНР [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : http://china.mfa.gov.by/zh/bilateral_relations/education/ (дата обращения : 26.05.2018).

нятия, кружки по интересам в гимназиях № 33 (с 2013 г.) и № 11 (с 2015 г.) в Минске. В апреле 2015 г. центр изучения китайского языка открылся в гимназии № 18 г. Минска⁴³.

В 2016 г. изучение китайского языка ввели в нескольких школах Орши⁴⁴. До 2017 г. китайский язык изучали более 400 школьников, свыше 240 посещали факультативы и более 290 – языковые кружки в Минске.

В 2016–2017 гг. китайский язык включили в учебное расписание гимназий в Гомеле, Могилеве и Бресте. Были налажены тесные связи между гимназией № 11 г. Минска и школой № 1 в районе Чаоян г. Пекина. Для поощрения изучения китайского языка белорусскими студентами посольство Беларуси в Китае в 2016 г. учредило «Стипендию посла КНР», которую в 2018 г. для обучения в Китае получили 30 белорусских студентов⁴⁵.

В Китае также были созданы исследовательские институты и центры (как вне университетов, так и в структуре вузов), ориентированные на Беларусь. В октябре 2014 г. во Втором Пекинском институте иностранных языков был основан Центр изучения Беларуси⁴⁶. Там же в апреле 2016 г. впервые в Китае начал работу факультет белорусского языка⁴⁷. Через год аналогичные факультеты были открыты в Пекинском университете иностранных языков, Шанхайском университете иностранных языков, Пекинском университете

⁴³ В гимназии № 18 города Минска Институт Конфуция по науке и технике БНТУ провел культурное мероприятие, посвященное Празднику весны // Ин-т Конфуция по науке и технике БНТУ [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : <http://cist.bntu.by/ru/node/367> (дата обращения : 13.02.2017).

⁴⁴ Институт Конфуция в Орше и белорусские педагоги, преподающие китайский : таковы перспективы сотрудничества региона и Посольства КНР // Витеб. вести [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : <http://vitvesti.by/obrazovanie/institut-konfutciia-v-orshe.html>. (дата обращения : 26.05.2017).

⁴⁵ 2018 нянь чжунго даши цзянсюецзин (2018 стипендия посла КНР) // Шэньчжоу сюежэнь (Шэньчжоуский ученый) [Электронный ресурс]. – 2018. – URL : http://www.chisa.edu.cn/news1/haiwai/201807/t20180712_1149453.html (дата обращения : 16.09.2018).

⁴⁶ Пекин диэ вайгоуй сюеюань Байлосы яньцзюши чэнли цзяньцай иши цзюйсин (Во Втором Пекинском институте иностранных языков основан Центр изучения Беларуси) // Второй Пекин. ин-т иностр. языков [Электронный ресурс]. – 2014. – URL : http://www.bisu.edu.cn/art/2014/10/28/art_1424_49723.html (дата обращения : 02.10.2017).

⁴⁷ Байлосы юй чжуане цзай Пекин диэ вайгоуй сюеюань чжэнши кайкэ (Во Втором Пекинском институте иностранных языков был основан Центр изучения Беларуси) // Второй Пекин. ин-т иностр. языков) [Электронный ресурс]. – 2016. – URL : http://eyu.bisu.edu.cn/art/2016/4/22/art_353_101181.html (дата обращения : 25.04.2017).

языка и культуры и Тяньцзиньском университете иностранных языков⁴⁸. В марте 2017 г. объединенный институт Даляньского политехнического университета и Белорусского государственного университета открылся в Даляньском политехническом университете. Он стал первым межвузовским учреждением международного сотрудничества с одобрения министерств образования Китая и Беларуси⁴⁹. 22 декабря 2017 г. Белорусский образовательный центр был создан в провинции Хайнань при Саньяском институте авиации и туризма⁵⁰.

Обсуждение полученных результатов. Таким образом, автор выделила три этапа в развитии связей в области образования. В 1992–2005 гг. контактам способствовало становление договорно-правовой базы. Успешной формой сотрудничества в этот период стал обмен студентами.

В 2005–2013 гг. контакты КНР и Республики Беларусь в сфере образования постепенно институализировались: был создан первый Институт Конфуция в Беларуси, китайский язык стал изучаться в гимназиях Минска и в некоторых других городах. Китайская сторона стала уделять большой интерес к сотрудничеству с Беларусью в области образования, приглашая белорусские делегации в КНР для расширения контактов. Беларусь придавала большое значение продвижению разработок белорусских вузов на китайский рынок образования и привлечению китайских студентов.

В 2013–2018 гг. образовательное сотрудничество Китая и Беларуси развивалось еще теснее. Интенсивные контакты были установлены между вузами двух стран, ощутимо расширилось сотрудничество по линии начальных и средних школ. Изучение китайского языка

⁴⁸ Бэйвай синчжэн шиигэ сяюйчжун чжуане фуу идай илу цзяньшэ (Пекинский университет иностранных языков добавил 11 специальностей для языков, которые используют только в некоторых странах) // Народ [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : <http://edu.people.com.cn/n1/2017/0324/c367001-29167935.html> (дата обращения : 16.05.2017).

⁴⁹ Далянь лигун дасюе Байлосы гуоли дасюе лянхэ сюеюань (Объединенный институт Даляньского политехнического университета и Белорусского государственного университета) // Далянь лигун дасюе Байлосы гуоли дасюе лянхэ сюеюань (Объединенный институт Даляньского политехнического университета и Белорусского государственного университета) [Электронный ресурс]. – 2017.– URL : <http://dbji.dlut.edu.cn/xygk/xyjj.htm> (дата обращения : 16.05.2017).

⁵⁰ Байлосы голи дасюе хайнань цзяюй чжунсинь чэнли иши (Белорусский образовательный центр создан в провинции Хайнань при Саньяском институте авиации и туризма) // Саньяский институт авиации и туризма [Электронный ресурс]. – 2017. – URL : <http://www.hnasatc.edu.cn/info/1021/2158.htm> (дата обращения : 16.01.2018).

стало популярным в Беларуси. Можно заключить, что активизация сотрудничества стала результатом политической воли обеих сторон.

Выводы. В рассматриваемый период сотрудничество в области образования между Китаем и Беларусью развивалось динамично и результативно. Оно охватывало три этапа развития: первый этап (1992–2005 гг.) – время поиска контактов и первоначального наполнения нормативно-правовой базы сотрудничества; второй этап (2005–2013 гг.) – институционализация связей, начало продвижения китайского языка в Беларуси, реализация идеи межвузовских связей; третий этап (2013–2018 гг.) характеризуется существенной активизацией сотрудничества на всех ступенях и уровнях.

Достигнутое доверительное всестороннее стратегическое партнерство и взаимовыгодное сотрудничество между Китаем и Беларусью служат основой для дальнейшего развития двусторонних отношений. В условиях динамично развивающихся политических отношений между КНР и Беларусью остро ощущается потребность изучения китайского языка. Вместе с тем КНР по мере продвижения инициативы «Один пояс – один путь» стимулирует двустороннее сотрудничество в области образования. Как свидетельствует последний из рассмотренных этапов, с момента начала реализации инициативы «Один пояс – один путь» активизировались связи с Беларусью на межправительственном и межвузовском уровнях. Благодаря этому КНР продолжила продвижение своего положительного имиджа в Беларуси, а Беларусь стала более узнаваема в Китае.

Библиографические ссылки

1. Чжао Хуйжун. Чжунбфй цзяоюй хэцзо сяньчжуан юй чяньчзин (Состояние и перспективы в области образования между Китаем и Беларусью) // Элосы сюекань (Рус. журн.). – 2017. – № 5. – С. 54–60.
2. Ли Баогуй, Ли Хуэй. Идай илу яньсянь гоцзя кунцзы сюеюань фачжань сяньчжуан вэньти цзи дуйчэ яньцзюй (Исследование состояния развития, проблем и контрмер институтов Конфуция страны вдоль «Пояса и пути») // Ляонин шифань дасюе сюебао (Журн. Ляонин. пед. ун-та). – 2016. – № 6. – С. 110–120.
3. Ван Цихэн. Развитие сотрудничества Беларуси и Китая в сфере образования // Сборник материалов Белорусско-китайского молодежного инновационного форума. – Минск : БНТУ, 2017. – Т. 2. – С. 40–41.
4. Ян Синцзюань. Супрацоўніцтва ВУ Беларусі і Кітая = Сотрудничество вузов Беларуси и Китая (1992–2017 гг.) // Вышэйш. школа : навук.-метад. і публіцыст. часоп. – 2017. – № 5. – С. 60–63.

5. *Смоляков Д. А.* Белорусско-Китайское взаимодействие в сфере образования и университетской науки. – Минск : Ин-т философии НАН Беларуси, 2017. – 148 с.
6. *Дубовик В. С.* Беларусь – Китай: на пути всестороннего сотрудничества. – Минск : Звезда, 2015. – С. 44–49.
7. *Зенченко В. А.* Сотрудничество Республики Беларусь и Китайской Народной Республики в сфере образования. – Минск : Репозиторий БГПУ им. М. Танка, 2015.
8. *Мацель В. М.* Становление и развитие дружественных белорусско-китайских отношений. – Барановичи : Баранович. укрупн. тип., 2004. – С. 133.
9. *Тозик А. А.* Белорусско-китайские отношения в контексте национальных интересов Беларуси // Беларусь в современном мире : материалы XV междунар. науч. конф, 27 окт. 2016 г. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 14–19.

Дата поступления статьи: 27.09.2018.

Образец цитирования: *Сунь И.* Китайско-белорусское сотрудничество в области образования (1992–2018 гг.) // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2018. Вып. 6. С. 147–164.

Автор: Сунь Инцзе – аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: 2325763320@qq.com.

COOPERATION BETWEEN CHINA AND BELARUS IN THE SPHERE OF EDUCATION (1992–2018)

Sun Yingjie

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article discusses the formation and development of relations between the PRC and the Republic of Belarus in the field of education in 1992–2018. The author studied the main areas of cooperation of higher educational institutions of both countries. The main trends and key stages of this process are highlighted, and promising directions for the development of Chinese-Belarusian cooperation in the field of education are identified. It is stated that the intensive political relations between the two countries, including «Strategic partnership» and the emergence of the «One Belt, One Way Initiative» became the driver of the development of such cooperation. The article describes both intergovernmental and inter-university contacts; emphasizes the special role of the latter in bilateral cooperation. The data on the number of Chinese students who studied in Belarus during the study period, as well as Belarusian students who studied in China, is given; an increase in the number of Chinese students in Belarusian universities is noted. The article draws attention to the reasons for interest in the Chinese language by the youth of Belarus. It is emphasized

that, to a large extent, this interest is influenced by the propaganda of Chinese culture and language, which is led by the Chinese side. The article identifies the main achievements and miscalculations in the development of bilateral relations.

Key words: China; the Republic of Belarus; cooperation; education.

References

1. Zhao Huirong. (2017). Zhong bai jiao yu he zuo de xian zhuang yu qian jing [The status and prospects of educational cooperation between China and Belarus]. In: *E luo si xue kan*, 5, 54–60 p. (In Chin.).
2. Li Baogui. (2016). Yi dai yi lu yan xian guo jia kong zi xue yuan fa zhan xian zhuang wen ti ji dui ce yan jiu – yibai e luo si kong zi xue yuan wei ge an [Development Status, problems and countermeasures of the Confucius Institutes for countries along the Belt and Road – the study of Confucius Institute in Belarus]. In: *Liaoning shifan da xue xiao bao*, 6, 110–120 p. (In Chin.).
3. Wang Qiheng. (2017). Razvitie sotrudnichestva Belarusi i Kitaya v sfere obrazovaniya [Development of cooperation between Belarus and China in the field of education]. In: *Collection of materials of the Belarusian-Chinese youth innovation forum*. Minsk, BNTU, 2, 40–41 p. (In Russ.).
4. Yang Xingjuan. (2017). *Suprasounistva VNU Belarusi i Kitaya = Sotrudnichestvo vuzov Belarusi i Kitaya* [Cooperation between universities of Belarus and China (1992–2017)]. In: *Higher school*, 5, 60–63 p. (In Belarus.).
5. Smolyakov, D. A. (2017). Belorussko-Kitayskoe vzaimodeystvie v sfere obrazovaniya i universitetskoy nauki. [Belarus and China cooperation in education and university science]. Minsk, Institut filosofii Natsionalnoy akademii nauk Belarusi Publ., 148 p. (In Russ.).
6. Dubovik, V. S. (2015). Belarus – Kitay: na puti vsestoronnego sotrudnichestva [Belarus and China: on the way of comprehensive cooperation]. Minsk, Zvyazda Publ., 44–49 p. (In Russ.).
7. Zenchenko, V. A. (2015). Sotrudnichestvo Respubliki Belarus i Kitayskoy Narodnoy Respubliki v sfere obrazovaniya. [Cooperation of the Republic of Belarus and the People’s Republic of China in the field of education]. Minsk, Repozitoriy BGPU im. M. Tanka/Repository of Belarusian state pedagogical University M. Tank. (In Russ.).
8. Matsel, V. M. (2004). Stanovlenie i razvitie druzhestvennyih belorussko-kitayskih otnosheniy. [Formation and development of Belarus-Chinafriendly relations]. RUP Baranovichskaya ukрупnennaya tipografiya / Republican unitary enterprise Baranovich integrated printing, 133 p. (In Russ.).
9. Tozik, A. A. (2016). Belorussko-kitayskie otnosheniya v kontekste natsionalnyih interesov Belarusi [Belarus – China relations in the context of the national interests of Belarus]. In: *Belarus in the modern world: proceedings of the XV International scientific conference, October 27, 2016*. Minsk, BGU Publ. centre, p. 14–19. (In Russ.).

Received: 27.09.2018.

For citations: Sun Yingjie. (2018). Cooperation between China and Belarus in the sphere of education (1992–2018). In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 147–164.

About author: Sun Yingjie – post-graduate student of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: 2325763320@qq.com.

ОРГАНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Д. А. ТАРАС

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье проанализированы процессы консолидации и оформления организационной структуры национально-культурных общественных организаций, происходившие в России в среде белорусского диаспорального сообщества на рубеже XX и XXI вв. Особое внимание уделено изучению роли, которую сыграли представители белорусской интеллектуальной элиты в возрождении и развитии самосознания среди граждан Российской Федерации с белорусскими этническими корнями.

Автор выявил основные проблемы, с которыми сталкиваются общественные национально-культурные объединения белорусской диаспоры в России. Тем самым создана основа для выработки и обсуждения методов их решения.

Взаимодействие с диаспорой в современных условиях может при надлежащем внимании со стороны государства способствовать эффективной реализации целей и задач внешней и внутренней политики Республики Беларусь. При этом особую роль играет совершенство механизма сотрудничества официальных органов власти с лидерами диаспоральных общественных объединений и землячеств.

Национально-культурные организации диаспоры выступают в качестве медиаторов в системе современных межэтнических отношений и являются важным институтом гражданского общества. Кроме того, общественные объединения белорусской диаспоры могут способствовать укреплению экономических связей Беларуси с российскими регионами, что является одной из важнейших составляющих внешнеэкономической политики Республики Беларусь.

Ключевые слова: белорусская диаспора; диаспора; национально-культурная автономия; белорусская культура; Республика Беларусь; Российская Федерация.

Введение. В процессах формирования современного гражданского общества одним из основных инструментов выступает этносоциальный фактор. Российское многонациональное общество переживает новый этап своего развития, для которого характерны рост этнического самосознания и ярко выраженное внимание со стороны этни-

ческих групп к сохранению своей национальной культуры, языка и традиций.

Глобализация ставит новые вызовы перед этническими компонентами многонациональных сообществ, перед которыми стоят задачи по сохранению и развитию своей национальной самобытности, и служит катализатором роста интереса к защите традиционных духовных ценностей, норм, обычаев и других маркеров, определяющих основные координаты существования этноса как социокультурной общности.

Методы исследования. В качестве теоретико-методологической базы исследования использовались ключевые принципы современной исторической науки – объективность, историзм и системный подход. Автор опирался на комбинацию историко-системного и историко-сравнительного методов традиционного анализа источников и статистических данных.

Обзор литературы по теме. Различные аспекты данной проблематики затрагиваются в работах таких отечественных исследователей, как Н. Голубева [1], О. Гордиенко [2], В. Е. Снапковский [3], Г. Сергеева [13; 14], О. Вертинский [8; 9], Н. Матусевич [11], К. С. Разуванова [15].

В работе задействованы исследования российских авторов, посвященные региональным особенностям национально-культурных объединений белорусов России.

Особенно активно представлены исследования ученых Сибири и Дальнего Востока [12]. Белорусской диаспоре Москвы и столичного региона Российской Федерации посвящены работы известного российского ученого О. В. Солоповой [4; 5; 6]. Вместе с тем выявлена общая тенденция, выраженная в отсутствии комплексных исследований, посвященных национально-культурному возрождению и консолидации общественных организаций белорусского диаспорального сообщества в Российской Федерации.

По мнению автора, вопросы, связанные с изучением процессов формирования и эволюции национально-культурных организаций белорусской диаспоры в России, недостаточно отражены в современных исторических исследованиях.

Результаты исследования. Целью статьи является изучение процессов национально-культурного возрождения в среде белорус-

ского диаспорального сообщества в России и формирования организационной структуры общественных объединений белорусов.

Современная белорусская диаспора накопила богатый опыт сохранения традиций и обычаев, родного языка, культуры. Важная роль в этом принадлежит общественным объединениям и организациям. Начало процесса объединения белорусов было непростым, поскольку с 1930-х до середины 1980-х гг. они не имели возможности реализовать свои национально-культурные потребности.

В местах компактного проживания этнических белорусов отсутствовали учебные заведения, СМИ на родном языке, культурно-просветительские организации и другие проявления национальной жизни. Политика русификации, активно проводившаяся в БССР, привела к тому, что процесс национального возрождения белорусов в России начался позже в сравнении с другими этническими группами. Более того, значительная часть осевших здесь белорусов осталась фактически индифферентной к национально-культурному возрождению.

Тем не менее первые белорусские общественные организации начали создаваться еще в конце 1980-х гг. в Республике Коми, Карелии, в Красноярском крае, Новосибирске, Иркутске, Тюмени, Москве и других городах.

В 1990-е гг. произошел резкий рост национальных организаций и их филиалов, появились областные и региональные объединения. В 2000-е гг. были созданы общественные организации белорусов в Сургуте, Благовещенске, Перми, Томске, Южно-Сахалинске, Ростове-на-Дону, Мурманске¹.

Формы самоорганизации белорусских сообществ в России были самые разнообразные: землячества, национально-культурные центры, общества российско-белорусской дружбы, общественные организации белорусской культуры, научно-культурные общества и национально-культурные автономии.

При всем многообразии форм основными целями деятельности общественных организаций белорусов были и остаются возрождение

¹ Белорусы России – жизнь без границ : ист. опыт обществ. инициатив // Науч.-исслед. центр проблем нац. безопасности [Электронный ресурс]. – URL : <http://nic-pnb.ru/patriotizm-2/belorusy-rossii-zhizn-bez-granits-istoricheskij-opyt-obshhestvennyh-initsiativ/> (дата обращения : 11.09.2018).

и сохранение родного языка, развитие белорусской национальной культуры, традиций и обычаев белорусского народа, укрепление межнациональных связей и дружбы, утверждение атмосферы братства и взаимного уважения между народами России.

Основными видами деятельности данных общественных организаций являются:

- проведение мероприятий для ознакомления белорусов России с историей и культурным наследием, традициями и ремеслами белорусского народа, что включает организацию белорусских национальных обрядов, фестивалей, конкурсов, смотров, выставок, творческих встреч, концертов и других массовых культурных мероприятий;

- выпуск периодических изданий и произведений исторической, художественной, музыкальной, фольклорной и этнографической литературы;

- содействие организации национального краеведения, охране памятников национальной истории и культуры; создание краеведческих, этнографических, литературных музеев (музей М. Богдановича в Ярославле, белорусский музей в Сыктывкаре, мемориальная квартира Н. Улащика в Москве);

- проведение исторических исследований;

- организация научных этнографических экспедиций в местах компактного проживания белорусских переселенцев;

- создание учреждений национальной белорусской культуры: театров, культурных центров, музеев, библиотек, студий, архивов и др.;

- создание образовательных учреждений с обучением на белорусском языке (подобные белорусские школы действуют в Мурманске, Тюмени, Иркутске);

- организация творческих союзов, коллективов профессионального и самодеятельного искусства, кружков по изучению национально-культурного наследия, а также создание обществ, занимающихся художественными народными промыслами и ремеслами.

К 2015 г. в России сложилась многоуровневая структура белорусской диаспоры, в которую вошли 17 региональных национально-культурных автономий, около 70 общественных белорусских организаций, землячеств, культурно-просветительских обществ и центров,

объединенных в федеральную национально-культурную автономию (ФНКА) «Белорусы России» с центром в г. Москве².

Москва – один из наиболее активных центров национально-культурной жизни белорусов в России.

Среди национальных обществ можно упомянуть Московское товарищество белорусской культуры имени Франциска Скорины (МТБК), региональную национально-культурную автономию «Белорусы Москвы», объединение белорусов «Бацькаўшчына», Белорусское молодежное землячество Москвы, Белорусское землячество Москвы, Клуб московских белорусов, Белорусское землячество МГИМО и др. [6].

Первым официально созданным обществом белорусской диаспоры стало Московское товарищество белорусской культуры имени Франциска Скорины. Благодаря стараниям его руководства в 1989 г. начал деятельность Университет истории и культуры Беларуси. С лекциями выступали ученые и писатели из Беларуси, России и других стран. Подготовлены и выпущены литературно-научные сборники «Скарыніч».

С 1990 г. при участии МТБК начали работу воскресная белорусская школа, молодежная секция, объединение белорусских военных, при участии которого в Беларусь возвращались военнослужащие – этнические белорусы. Начал регулярно выходить информационный бюллетень «Шляхам Скарыны». В рамках культурно-просветительной программы проводятся фестивали и гастрольные выступления белорусских артистов, кино вечера, симпозиумы и научные конференции. При объединении созданы фольклорный ансамбль белорусской песни и международный артистический клуб [6; 16, с. 17].

Другой важный национально-культурный центр белорусской диаспоры в России – Санкт-Петербург. В 1988 г. было создано Белорусское общественно-культурное товарищество в Санкт-Петербурге. В его рамках работает творческая группа белорусских художников «Маем гонар» («Честь имеем»), филиал международной ассоциации белорусистов, проводятся ежегодные научные конференции «Петербург и белорусская культура» (впервые проведена в 1992 г.).

² Гуманитарное сотрудничество // Посольство Респ. Беларусь в РФ [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.embassybel.ru/belarus-russia-relations/associations/> (дата обращения : 02.09.2018).

В конференциях, организуемых товариществом, принимают участие ученые из Беларуси, России, Польши, Швеции, Венгрии. Материалы конференций публикуются в «Белорусских сборниках». Благодаря усилиям общества регулярно организуются лекции, посвященные историческим событиям и выдающимся деятелям Беларуси, устраиваются концерты и художественные выставки, встречи с представителями культуры и общественности Беларуси и белорусской диаспоры [7, с. 143].

В 1996 г. товарищество совместно с музеем истории г. Невеля (Псковская область), Российским институтом истории искусств и Национальной академией наук Республики Беларусь подготовило и издало историко-литературный альманах «Пашлю серу зязюльку па радзінушку», посвященный проблемам истории и культуры приграничных территорий Беларуси и России – Невеля и Себежа.

Члены товарищества в 1992 г. возвели мемориальный крест на Левашовской пустоши в окрестностях Санкт-Петербурга – на месте массовых расстрелов и захоронений 1930-х гг. Ведется работа в области удовлетворения религиозных потребностей белорусов Санкт-Петербурга.

В кафедральном католическом соборе дважды в месяц проводятся богослужения на белорусском языке; ведутся передачи на католическом радио «Мария» [7, с. 144].

Значительную активность белорусских обществ можно наблюдать в Сибири. Заслуживает внимания Иркутское товарищество белорусской культуры имени Я. Черского (ИТБК), созданное 31 мая 1996 г. на I съезде белорусов Иркутской области. Идейный вдохновитель и создатель организации – О. В. Рудаков, возглавлявший товарищество с 1996 по 2013 г. За период с 1996 по 2007 г. оформились отделения ИТБК в Ангарске, Усть-Илимске и Черемхово³.

ИТБК проводит планомерную работу по развитию экономического взаимодействия с Республикой Беларусь, активно содействует продвижению белорусских товаров в Прибайкалье. Так, при активном участии товарищества в 2007 г. открылся Иркутский торговый дом «Белшина». В Черемхово появился сервисный центр завода МТЗ

³ Общие сведения // Иркут. товарищество белорус. культуры [Электронный ресурс]. — URL : <http://pribaikal.ru/belorus.html> (дата обращения : 12.09.2018).

по ремонту и продаже тракторов «Беларусь». ИТБК открыло несколько магазинов «Белорусский сувенир»⁴.

При товариществе созданы библиотека белорусской литературы, исторический клуб «Спадчына», музей-мастерская «Беларуская хатка», молодежный клуб «Крывічы», консультационный центр «Аист», предоставляющий информацию по вопросам миграции и гражданских прав в России, Научный центр исторических исследований, консультационный центр для молодежи. ИТБК организуют этнографические экспедиции по территории Иркутской области, результатом которых стало издание научных сборников «Беларусы ва Усходняй Сібіры»⁵.

Важное внимание уделяется изучению белорусских обрядовых и бытовых песен и танцев. Этим направлением занимаются фольклорные коллективы ИТБК «Ленушка», «Варэнічкі», «Марусенечкі», детский танцевальный ансамбль «Прамені».

ИТБК является организатором городского детского фольклорного фестиваля «Пявучая Ангара». При ИТБК действуют десять секций прикладного творчества: соломоплетение, поясоплетение, бисероплетение, изготовление народных костюмов, старинных фибул и обрядовых кукол, ткачество на кроснах, на бердах, вытинанка и валяние из шерсти [11, с. 57].

За информационное обеспечение товарищества отвечает ежемесячная газета-бюллетень «Маланка». На Иркутской радиостанции выходит в эфир передача «30 хвілін беларускага радыё».

Следующим уровнем организационной структуры белорусской диаспоры являются национально-культурные автономии. Региональные автономии действуют в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Тюмени, Красноярске, Ханты-Мансийске, Саратове и ряде других городов России.

С целью создания единого представительского органа белорусов в России 24 апреля 1999 г. на учредительном съезде была образована федеральная национально-культурная автономия «Белорусы России» (6 августа 1999 г. была зарегистрирована министерством юстиции России).

⁴ Там же.

⁵ Иркутское товарищество белорусской культуры имени Яна Черского // Энцикл. и новости Приангарья [Электронный ресурс]. – URL : http://irkipedia.ru/content/irkutskoe_tovarishchestvo_belorusskoy_kultury_imeni_yana_chersko-go (дата обращения : 13.09.2018).

На I съезде ФНКА «Белорусы России» председателем совета автономии был избран Ф. П. Ковриго⁶.

Приоритетные задачи, которые призвана решать автономия, заключаются в создании и поддержке белорусских общественных организаций в российских регионах, содействии сохранению и развитию белорусского языка, традиций и культуры, защите конституционных прав и свобод членов белорусской диаспоры, в представлении их законных интересов в органах государственной власти и управления Российской Федерации.

Представители автономии оказывают содействие российско-белорусскому экономическому сотрудничеству. Реальный пример такого сотрудничества – совместное производство троллейбусов и автомобилей, налаженное усилиями Минского автомобильного и Тушинского машиностроительного заводов. Представители ФНКА «Белорусы России» способствуют продвижению белорусской продукции на российский рынок, налаживанию взаимовыгодных деловых контактов, участвуют в организации совместных культурных акций.

Раз в несколько лет ФНКА «Белорусы России» проводит съезд с участием представителей региональных белорусских организаций. Так, на II съезде в Москве 2 октября 2002 г. при участии около 500 делегатов и гостей из различных регионов России были подведены итоги деятельности автономии, даны оценки общего состояния белорусской диаспоры в России.

Самой опасной тенденцией было названо резкое сокращение количества людей, проживающих в России и идентифицирующих себя белорусами. В работе съезда приняли участие заместитель премьер-министра Беларуси В. Н. Дражин, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в Российской Федерации В. В. Григорьев, министр информации Беларуси М. В. Подгайный, министр культуры Беларуси Л. П. Гуляко, министр по вопросам национальной политики Российской Федерации В. Ю. Зорин, первый заместитель министра иностранных дел России В. В. Лощинин и др.⁷

13 октября 2007 г. на III съезде были утверждены главные направления деятельности автономии – содействие сохранению само-

⁶ История // Федер. нац.-культур. автономия белорусов России [Электронный ресурс]. – URL : <https://belros.org/about/history.php> (дата обращения : 10.09.2018).

⁷ Там же.

бытности белорусской культуры, образование новых региональных и местных национально-культурных автономий, а также поддержка процесса строительства Союзного государства.

В работе съезда приняла участие официальная белорусская делегация, представленная уполномоченным по делам религий и национальностей Л. П. Гуляко, заместителем министра культуры В. К. Гедройцем, заместителем министра информации А. И. Слободчуком⁸.

На IV съезде 23 апреля 2010 г. делегаты определили программу деятельности организации на ближайшую перспективу, а также выбрали нового руководителя автономии, которым стал В. Н. Казаков.

Внеочередной съезд ФНКА «Белорусы России», состоявшийся в 2013 г., был посвящен изменениям в уставе автономии. С этого момента автономия стала официально именоваться «Общественная организация “Федеральная национально-культурная автономия белорусов России”»⁹.

22 мая 2015 г. в Москве в доме национальностей состоялся VI съезд ФНКА «Белорусы России». Новым председателем автономии был избран С. Л. Кандыбович. Во время встречи делегатов съезда с белорусским послом в России И. Петришенко состоялось награждение наиболее активных организаций белорусской диаспоры. Гости ознакомились с Деловым и культурным комплексом, созданным при Посольстве Республики Беларусь в Российской Федерации. Как заявил И. Петришенко: «мне не хочется говорить “посольский комплекс”. По-моему, правильно сказать “наш, общий” ДКК. Деловой и культурный комплекс по своим технологическим параметрам и оснащению соответствует всем современным требованиям для проведения самого широкого спектра мероприятий – от государственных торжеств, деловых консультаций и переговоров до организаций премьерных постановок, концертных выступлений, международных выставок, симпозиумов и пресс-конференций»¹⁰.

Несмотря на определенные достижения, ФНКА «Белорусы России» по-прежнему сталкиваются с рядом проблем: прежде всего, это

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ VI съезд общественной организации «Федеральная национально-культурная автономия белорусов России» // Федер. нац.-культур. автономия белорусов России [Электронный ресурс]. — URL : <https://belros.org/news/novost/2537/> (дата обращения : 10.09.2018).

недостаточное финансирование, в результате отсутствуют масштабные культурные и информационные проекты. Остается не реализованным план по организации систематического преподавания на белорусском языке в Москве и крупных региональных центрах России.

В марте 2000 г. была зарегистрирована и начала деятельность региональная национально-культурная автономия (РНКА) «Белорусы Москвы», объединившая этнических белорусов столицы и столичного региона России. В качестве основных задач автономии рассматривались сохранение национальных традиций и самобытности белорусского народа, развитие белорусской культуры и языка, представительство и защита интересов членов белорусской диаспоры в органах государственной власти и управления, укрепление международной дружбы этносов, населяющих Москву. Инициатором и первым председателем Совета автономии стал генерал-полковник Н. И. Шляга, ранее возглавлявший Управление Вооруженных сил СССР и занимавший пост первого заместителя министра обороны СССР. Весомый вклад в развитие РНКА «Белорусы Москвы» и белорусской культуры внес С. Л. Кандыбович, возглавивший организацию в 2007 г. В 2015 г. главой Совета автономии была избрана О. В. Солопова¹¹.

Среди наиболее значимых мероприятий, проводившихся под эгидой РНКА «Белорусы Москвы», можно отметить научно-практическую конференцию «Опыт хозяйствования и пути интеграции экономических систем России и Белоруссии», в ходе которой стороны обсудили ключевые моменты экономического сотрудничества двух государств и строительства Союзного государства. Рекомендации по итогам конференции были направлены руководству Российской Федерации и Республики Беларусь. Благодаря усилиям и инициативе автономии на Кутузовском проспекте в Москве в 2007 г. был установлен памятник классику белорусской поэзии Янке Купале в честь 125-летия со дня рождения¹².

1 февраля 2001 г. была зарегистрирована регионально-культурная автономия «Калининградское землячество белорусов». С ее

¹¹ Региональная национально-культурная автономия «Белорусы Москвы» // Белорусы Москвы [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.belmos.ru/rnka/2.html> (дата обращения : 11.09.2018).

¹² Москва «белорусская» // Союзное вече [Электронный ресурс]. – URL : <https://souzveche.ru/articles/community/33246/> (дата обращения : 11.09.2018).

помощью культурная жизнь белорусов Калининградской области получила новое дыхание: более активно стали работать кружки и коллективы художественной самодеятельности, были созданы новые белорусские танцевальные коллективы, вокально-инструментальные ансамбли, мастерские народных ремесел – фольклорный ансамбль «Весялуха», коллективы «Чаборы» и «Крыніца»¹³.

Сегодня Калининградское землячество совместно с управлением культуры Калининградской области проводит дни белорусской культуры, в которых принимают участие местные художественные и ведущие творческие коллективы Беларуси.

Руководство автономии наладило контакты и подписало соглашения с Министерством культуры Беларуси, Государственным комитетом по печати, телевидению и радиовещанию, Госкомитетом по делам религий и национальностей Беларуси, с руководителями белорусских книжных издательств.

В результате были переданы книги в отделы белорусской литературы калининградских библиотек. Управление образования и науки областной администрации и белорусское министерство образования направляют выпускников калининградских школ на учебу в высшие учебные заведения Беларуси.

Раз в неделю в эфир выходит программа «Крыніца» о Беларуси и землячестве, а на телеканале «Дюны» – программа «Сябры». С государственным комитетом по печати Беларуси достигнута договоренность об открытии в Калининграде корпунктов «Народной газеты» и газеты «Белорусская нива». Кроме проектов в сфере образования, сохранения и развития национальной культуры, автономия участвует в реализации программы «Деловое сотрудничество», которая предусматривает оказание поддержки бизнесменам, работающим с белорусскими предпринимателями. По инициативе автономии совместно с Балтийско-белорусским торговым домом, объединениями «Белросрыба» и «Белорусская мебель» основан белорусский информационно-аналитический центр.

Целый ряд региональных организаций белорусской диаспоры не входят в состав ФНКА «Белорусы России», ограничиваясь контак-

¹³ Состоялась встреча Посла с руководителем региональной национально-культурной автономии «Калининградское землячество белорусов» // Посольство Респ. Беларусь в РФ [Электронный ресурс]. – URL : <http://embassybel.ru/news/f58e00c1a9bf.html/> (дата обращения : 02.09.2018).

тами с официальными структурами лишь при проведении знаковых мероприятий.

Как правило, такие организации были созданы в конце 1980-х гг. и относятся к так называемой возрожденческой волне. В их числе можно назвать «Погоню», Московское товарищество белорусской культуры имени Франциска Скорины. Это направление сформировали люди, не имевшие связей с официальным Минском, не пользовавшиеся финансовой и информационной поддержкой Республики Беларусь. В Беларуси они, как правило, налаживали контакты с неправительственными организациями, а за ее пределами – со старыми эмигрантскими центрами [10, с. 11].

В марте 1999 г. эти организации создали Межрегиональное объединение белорусов России (МОБР, руководитель – Г. Лех). Основные направления его деятельности – изучение белорусского языка, истории Беларуси, проведение национальных и религиозных праздников.

Организации, которые группируются вокруг МОБР, считают представителей новой диаспоры и такие официальные структуры, как ФНКА «Белорусы России», несамостоятельными и полностью зависимыми от политики руководства России и Беларуси, а их задачей – подчинение действий белорусских национально-культурных организаций интересам государственной идеологии, способствующей ассимиляции белорусского меньшинства [10, с. 11–12].

При активном участии белорусской диаспоры проводятся мероприятия, посвященные Дню Победы, Дню Независимости Республики Беларусь (Дню Республики), Дню защитника Отечества, Дню славянской письменности и культуры, Дню Беларуси. В программе мероприятий – выступления самодеятельных коллективов, фольклорные представления, выставки, этнографические экспозиции, круглые столы.

Уроженцы Беларуси активно участвуют во всех сферах жизнедеятельности российских регионов. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации поддерживают инициативы общественных организаций белорусов, направленные на укрепление дружбы и сотрудничества между народами Беларуси и России, оказывают поддержку их деятельности по сохранению и развитию родного языка, культуры и традиций белорусского народа.

Это в первую очередь касается правительств Республики Коми, Республики Башкортостан, администраций Калининградской, Новосибирской и Кемеровской областей, городов Москвы, Санкт-Петербурга, Сургута, Самары, Ярославля и других. При их поддержке создаются национально-культурные центры, где все желающие могут изучать язык, историю и культуру Беларуси; выделяются средства на закупку учебников и художественной литературы для белорусских библиотек.

Значительную помощь белорусским общественным организациям оказывают белорусы предприниматели, которые предоставляют финансовую помощь многим проектам. Так, на средства М. Гриба в 2005 г. был создан памятник Франциску Скорине в Калининграде. И. Панасюк и его коллеги из Новосибирска построили храм Ефросинии Полоцкой.

В ряде регионов России стали выходить газеты на белорусском языке: новосибирская городская общественная организация «Белорусский культурно-просветительский центр имени Ефросинии Полоцкой» издает ежемесячную газету «Мая Радзіма», Иркутское товарищество белорусской культуры имени Яна Черского – издание «Маланка», а белорусы Донского края – литературно-этнографический альманах «Мы – славяне» [2].

После десятилетнего перерыва возобновился выход независимой газеты петербургских белорусов «Родзічы», которая сейчас стала специальным выпуском органа Союза писателей «Петербург многонациональный». Белорусское общественно-культурное товарищество в Санкт-Петербурге выпускает газету «Крыніца» и «Нашу новую газету». В Москве выпускается литературно-художественный ежегодник «Скарыніч». Московский клуб белорусов издает газету «Сябры».

При поддержке представителей бизнес-сообщества – выходцев из среды белорусской диаспоры издается российско-белорусское рекламно-информационное издание «Торговые и деловые известия белорусских предпринимателей» [9, с. 228].

Часть региональных периодических изданий выходит неофициально и нерегулярно. Подобные проблемы характерны для красноярской газеты «Калі ласка», в Томске на таких условиях существует издание «Белыя росы» [9, с. 228].

В целом необходимо отметить общие трудности, с которыми сталкиваются все печатные СМИ белорусских организаций, – небольшие тиражи, постоянные финансовые проблемы и кадровая нехватка профессионалов для работы в редакциях, основу которых составляют энтузиасты.

На новосибирском телеканале «МКС-21 канал» два раза в неделю транслировался «Белорусский канал», в Калининграде выходила радиопрограмма «Крыніца», а государственная телерадиокомпания «Мурман» предоставляла в Мурманске эфирное время для двух белорусских передач – «Крыніца» и «Раніца». В настоящее время все эти передачи закрыты и в эфир не выходят [9, с. 228].

В медиа-пространстве ряд крупных общественных организаций белорусской диаспоры имеют свои интернет-сайты. Это, прежде всего, касается веб-ресурсов ФНКА «Белорусы России» и РНКА «Белорусы Москвы».

Такие же виды интернет-ресурсов, как социальные сети, форумы и блоги, использовались эпизодически и не получили широкого распространения.

Обсуждение полученных результатов. Основу белорусских организаций в России составляют люди, для которых участие в этих структурах стало своеобразным возвращением к корням. Возможно, именно поэтому такое значение имеют фольклорные и художественные коллективы.

По эмоциональному воздействию они, вероятно, представляют наиболее действенный способ репрезентации белорусов в инокультурной среде, что способствует возвращению самих белорусов к национальным традициям и сохранению национальной идентичности.

Одной из главных проблем диаспоры продолжает оставаться недостаток информации о процессах, происходящих в Республике Беларусь. Необходимо отметить, что белорусская сторона прилагает определенные усилия, чтобы разрешить эту проблему. Белорусское посольство издает специальные информационные вестники «Беларусь сегодня» и «Федеральную газету».

Кроме того, национально-культурные организации белорусов в России в своих изданиях размещают информацию об актуальных событиях в Республике Беларусь.

Изучение деятельности белорусских общественных объединений позволяет выявить такую существенную проблему, как отсутствие системности в планировании и проведении мероприятий. Это связано с финансовыми проблемами, решение которых требует изменения подходов к взаимоотношениям с диаспорой в самой Беларуси.

Выводы. Таким образом, белорусская диаспора в России в политико-идеологическом отношении оказалась фактически разделена на две части: старая, «возрожденческая» диаспора, представленная в основном неофициальными объединениями, и новая диаспора, представленная организациями, созданными при поддержке официального Минска и объединенными в национально-культурные автономии федерального уровня. Такой раскол играет негативную роль, особенно в современных условиях, где главенствуют глобализационные процессы.

Национальное меньшинство, как и любая этносоциальная группа, может быть неоднородно по политическим, религиозным взглядам, но, несмотря на различия, белорусская диаспора объективно имеет общие интересы, которые она должна защищать, чтобы сохранить свою национально-культурную идентичность. Первая насущная потребность диаспорального общества – противодействие процессу ассимиляции, сохранение в инородной среде своего культурного и языкового единства. Разобщенная и имеющая серьезные противоречия в своей среде диаспора может ассимилироваться всего за несколько поколений.

Библиографические ссылки

1. Беларускае замежжа = Белорусское зарубежье / склад. Н. А. Голубева. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – 480 с.
2. Гардзіенка А. Беларуская дыяспара. Сучасныя праблемы і перспектывы // Згуртаванні беларусаў свету «Бацькаўшчына» [Электронны рэсурс]. – URL : <http://zbsb.org.sofia.neolocation.net/node/1113> (дата звароту : 12.10.2017).
3. Снапковскі В. Е. Беларуская эміграцыя // Беларусія і Расія: грамадства і дзяржава. – М., 1998. – С. 88–105.
4. Солопова О. В. Общественная и национально-культурная жизнь белорусской диаспоры Москвы в конце XX – начале XXI в. // Москва – Минск. – 2014. – № 1. – С. 31–35.

5. Солопова О. «Робята» с нашего двора : особенности формирования белорус. диаспоры в Москве // Родина. – 2008. – № 6. – С. 123–127.
6. Солопова О. В. Этнокультурная и национальная идентичность белорусов Москвы в конце XX – начале XXI века // Информ.-аналит. центр [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.ia-centr.ru/experts/3196/> (дата обращения : 12.07.2018).
7. Грицкевич В. Проблемы белорусских диаспоральных обществ в России // Беларуская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый : матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый». – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2001. – С. 140–146.
8. Вертинский О. Федеральная национально-культурная автономия «Белорусы России» – 10 лет деятельности // Беларусь в современном мире : материалы VIII междунар. науч. конф., посвящ. 88-летию образования БГУ, 30 окт. 2009 г. / редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Тесей, 2009. – С. 258–260.
9. Вертинский О. П. Белорусская диаспора России в современном информационном пространстве // Беларусь в современном мире : материалы IX междунар. науч. конф., посвящ. 89-летию образования БГУ, 29 окт. 2010 г. / редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2010. – С. 227–229.
10. Лех Г. Беларуская дыяспара у Расіі на мяжы стагоддзяў // Кантакты і дыялогі. – 2002. – № 9. – С. 11–12.
11. Матусевич Н. Товарищество белорусской культуры в Иркутске // Бел. гіст. часоп. – 2003. – № 4. – С. 56–59.
12. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. / под ред. В. Ламина, Н. Сташкевича. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2001. – 240 с.
13. Сяргеева Г. Г. Беларуская дыяспара ў новых незалежных дзяржавах : нац.-культ. аспект // Весці Акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 1997. – № 3. – С. 52–53.
14. Сяргеева Г. Г. Дыяспара беларуская // Республика Беларусь : энцикл. : в 6 т. – Минск, 2005–2008. – Т. 3. – 2006. – 527 с.
15. Разуванова К. С. Современная белорусская диаспора в Российской Федерации : к вопр. об истории, основных проблемах и аспектах изучения // Гуманитар. науки в Сибири. – 2014. – № 1. – С. 51–56.
16. Яшина Т. Общественные организации белорусов России : многообразие форм, единство цели // Белорусы России. – 2004. – № 1. – С. 17–18.

Дата поступления статьи: 20.09.2018.

Образец цитирования: *Тарас Д. А.* Организации белорусской диаспоры в России в конце XX – начале XXI в. // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2018. Вып. 6. С. 165–182.

Автор: Тарас Денис Анатольевич – начальник отдела экономики и развития Республиканского института китаеведения им. Конфуция Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: da_taras@tut.by.

ORGANIZATIONS OF THE BELARUSIAN DIASPORA IN RUSSIA AT THE END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURIES

D. A. TARAS

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article analyzed the processes of consolidation and forming of the organizational structure of national-cultural public organizations that took place in Russia among the Belarusian diaspora community at the turn of the XX and XXI centuries. Particular attention is paid to the study of the role played by representatives of the Belarusian intellectual elite in the revival and development of self-awareness among citizens of the Russian Federation with Belarusian ethnic roots.

As a result of the research, the author identified the main problems faced by the public national and cultural associations of the Belarusian diaspora in Russia. Thus, the basis for the development and discussion of methods for their solution was created.

Interaction with the diaspora in modern conditions with proper attention from the state can contribute to the effective implementation of goals and objectives in the foreign and domestic policy of the Republic of Belarus. At the same time, the perfection of the mechanism of cooperation between official authorities and leaders of diaspora public associations and fraternities is of particular importance. The national-cultural organizations of the diaspora act as mediators in the system of modern inter-ethnic relations and are an important institution of civil society. In addition, public associations of the Belarusian diaspora can contribute to the strengthening of economic relations of Belarus with the Russian regions, which is one of the most important components of the foreign economic policy of the Republic of Belarus.

Keywords: Belarusian Diaspora; Diaspora; national and cultural autonomy; Belarusian culture; Republic of Belarus; Russian Federation.

References

1. Golubeva, N. A. (2010). *Belaruskae zamezhzha = Belorusskoe zarubezh'e* [Belarusian Abroad]. Minsk, Belarus. jencykl. imja P. Broŭki Publ., 480 p. (In Belarus.)
2. Gardzienka, A. *Belaruskaja dyjaspara: suchasnyja prablemy i perspektyvy* [Belarusian diaspora. Modern Problems and Perspectives]. URL: <http://zbsb.org.sofia.neolocation.net/node/1113> (accessed 12.10.2017). (In Belarus.)
3. Snapkovskij, V. E. (1998). *Belorusskaja jemigracija* [Belarusian emigration]. In: *Belarus and Russia: societies and states*. Moscow, p. 88–105. (In Russ.)
4. Solopova, O. V. (2014). *Obshhestvennaja i nacional'no-kul'turnaja zhizn' belorusskoj diaspory Moskvyy v konce XX–nachale XXI vv.* [Social and national cultural life of the Belarusian diaspora in Moscow in the late XX – early XXI centuries]. In: *Moscow–Minsk*, 1, p. 31–35. (In Russ.)

5. Solopova, O. (2008). «Robjata» s nashego dvora: osobennosti formirovaniya belorusskoj diaspory v Moskve [Peculiarities of formation of the Belarusian Diaspora in Moscow]. In: *Rodina*, 6, p. 123–127. (In Russ.).
6. Solopova, O. V. Jetnokul'turnaja i nacional'naja identichnost' belorusov Moskvy v konce XX – nachale XXI veka [Ethnocultural and national identity of Belarusians in Moscow at the end of XX–beginning of XXI century]. URL: <http://www.ia-centr.ru/experts/3196/> (accessed 12.07.2018). (In Russ.).
7. Grickevich, V. (2001). Problemy belorusskih diasporal'nyh obshhestv v Rossii [Problems of Belarusian Diaspora Societies in Russia]. In: *Belarusian diaspora as a mediator in the dialogue of civilizations, materials III Intern. Congress belorusistov «Belarusian Culture in the dialogue of civilizations»*. Minsk, Belaruski knigazbor Publ., p. 140–146. (In Russ.).
8. Vertinskij, O. P. (2009). Federal'naja nacional'no-kul'turnaja avtonomija «Belorusy Rossii» – 10 let dejatel'nosti [Federal national-cultural autonomy «Belarusians of Russia» – 10 years of activity]. In: *Belarus in the Modern World: Materials of the XV International Conference on the 88th Anniversary of the BSU*, October 30, 2009. Minsk, Tesej Publ, p. 258–260. (In Russ.).
9. Vertinskij, O. P. (2010). Belorusskaja diaspora Rossii v sovremennom informacionnom prostranstve [Belarusian Diaspora of Russia in the modern information space]. In: *Belarus in the Modern World: Materials of the IX International Conference on the 89th Anniversary of the BSU*, October 29, 2010. Minsk, BSU Publ, p. 227–229. (In Russ.).
10. Leh, G. (2002). Belaruskaja dyjaspara u Rasii na mjazhy stagoddzjaŭ [*Belarusian Diaspora in Russia at the turn of the centuries*]. In: *Contacts and dialogues*, 9, p. 11–12. (In Belarus.).
11. Matusevich, N. (2003). Tovarishhestvo belorusskoj kul'tury v Irkutske [The Association of Belarusian culture in Irkutsk]. In: *Belarusian historical journal*, 4, p. 56–59. (In Russ.).
12. Lamin, V., Stashkevich, N. (2001). Oчерki istorii belorusov v Sibiri v XIX–XX vv. [*Essays on the history of Belarusians in Siberia in XIX–XX centuries*]. Novosibirsk, Novosibirsk state University Publ., 240 p. (In Russ.).
13. Sergeeva, G. G. (1997). Belaruskaja dyjaspara ŭ novyh nezaleznyh dzjarzhavah: nacyjanal'na-kul'turny aspekt [Belarusian Diaspora in the new independent States: national-cultural aspect]. In: *Vesci Akad. navuk Belarusi. Ser. gumanitar. Navuk*, 3, p. 52–53. (In Belarus.).
14. Sergeeva, G. G. (2006). Dyjaspara belaruskaja [*Belarusian Dyaspara*]. Republic of Belarus: Encyclopedia, Minsk, Belarus. jencykl. imja P. Broŭki Publ., Vol. 3, 527 p. (In Belarus.).
15. Razuvanova, K. S. (2014). Sovremennaja belorusskaja diaspora v Rossijskoj Federacii: k voprosu ob istorii, osnovnyh problemah i aspektah izuchenija [Modern Belarusian Diaspora in the Russian Federation: on the history, main problems and aspects of the study]. In: *Humanities in Siberia*, 1, p. 51–56. (In Russ.).
16. Jashina, T. (2004). Obshhestvennye organizacii belorusov Rossii: mnogoobrazie form, edinstvo celi [Public organizations of Belarusians of Russia: diversity of forms, unity of purpose]. In: *Belarusians of Russia*, 1, p. 17–18. (In Russ.).

Received: 20.09.2018.

For citations: Taras, D. A. (2018). Organizations of the Belarusian diaspora in Russia at the end of XX – beginning of XXI centuries. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 165–182.

About author: Taras Denis Anatolyevich – Republican Confucius Institute of Sinology, Belarusian State University (Minsk); e-mail: da_taras@tut.by.

ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОТНОШЕНИИ СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2011–2018 гг.

А. В. ТИХОМИРОВ

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье раскрываются особенности политики Республики Беларусь в отношении Сирии в условиях возникновения и развития конфликта в этой стране в 2011–2018 гг. Статья обладает высокой степенью научной новизны, поскольку данная проблематика практически не освещалась белорусскими и зарубежными исследователями. При написании статьи использовались оригинальные источники с сайтов органов государственной власти и управления Республики Беларусь. Автор опирался на принцип историзма, использовал общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, дедукция) и специальные исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, структурный подход, системный подход), применил аналитические методики (метод описательного анализа). Действия белорусского государства в отношении Сирии оцениваются с позиций неореализма в международных отношениях.

Отмечается, что до 2011 г. развитие дружественных и взаимовыгодных отношений с Сирийской Арабской Республикой (САР) входило в число важнейших внешнеполитических приоритетов Беларуси на ближневосточном направлении. Белорусско-сирийские отношения развивались в различных сферах и приносили Беларуси реальную экономическую выгоду.

В условиях возникновения конфликта в Сирии белорусская сторона воздерживалась от активного вмешательства в ситуацию и формулировала свою позицию предельно осторожно, поддерживая усилия других государств и международных структур по урегулированию сирийской проблемы и акцентируя внимание на том, что оптимальной формой урегулирования является путь переговоров, достижение согласия между вовлеченными в конфликт сторонами и невмешательство внешних игроков во внутренние дела Сирии. Вместе с тем Минск оказывал моральную и политическую поддержку администрации Б. Асада и воздерживался от контактов с антиасадовской оппозицией. Активизация военных и политических действий в Сирии Российской Федерации (формального союзника Республики Беларусь в Организации договора коллективной безопасности) осенью 2015 г. была воспринята белорусским руководством с пониманием, хотя от военной поддержки России белорусская сторона отказалась.

В 2011–2018 гг. Республика Беларусь сохранила достаточно высокий уровень сотрудничества с Сирией в политической и экономической сферах и оказывала гуманитарную помощь сирийским гражданам, пострадавшим от воен-

ных действий. Значимыми оставались для нашей страны и торговые связи с Сирией. В 2015–2018 гг. белорусские экспортные поставки товаров в САР увеличились. Тем самым были созданы предпосылки для расширения белорусско-сирийских связей в перспективе, что соответствовало национальным интересам Беларуси.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Сирийская Арабская Республика; Ближний Восток; внешняя политика; конфликт; дипломатия; торговля; гуманитарная помощь.

Введение. Конфликт в Сирии, начало которому положило противостояние между администрацией Б. Асада и ее политическими оппонентами в 2011 г., стал одним из проявлений «арабской весны», но в отличие от схожих конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке достаточно быстро перерос из внутреннего в региональный конфликт (в него были втянуты практически все страны Ближнего Востока). Более того, в силу прямой вовлеченности в конфликтную ситуацию внерегиональных игроков в лице США, России, стран Западной Европы он начал оказывать влияние на глобальную систему международных отношений. По степени накала страстей сирийский конфликт превзошел многолетнее противостояние между Израилем и арабскими государствами Ближнего Востока, наблюдавшееся во второй половине XX в. Не могла не прореагировать на конфликтную ситуацию в Ближневосточном регионе и Республика Беларусь.

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей политики Беларуси в отношении Сирии на этапе возникновения и углубления конфликта в этой стране. *Задачи* исследования заключаются в следующем: выявить интересы Беларуси в Сирии до возникновения конфликтной ситуации, раскрыть особенности политики белорусского государства в отношении Сирии на начальном этапе конфликта и в условиях его углубления, оценить степень значимости Сирии как партнера Беларуси при наличии конфликтной ситуации.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента возникновения в Сирийской Арабской Республике внутреннего конфликта в начале 2011 г. до лета 2018 г., когда отчетливо проявились новые геополитические реалии, обусловленные активизацией военных и политических действий Российской Федерации в Сирии. Вместе с тем в статье приводится краткий исторический экскурс,

способствующий определению белорусских интересов в Сирии и особенностей белорусско-сирийских отношений до возникновения конфликта в этой стране. Соответствующая информация позволяет лучше понять логику действий Беларуси в Сирии в условиях возникновения и углубления конфликтной ситуации в этой стране.

В силу недостаточной проработанности этой проблемы в научном плане данное исследование выстроено преимущественно на информации, почерпнутой из *первоисточников*: официальных заявлений и выступлений президента Республики Беларусь, документации органов государственной власти и управления Республики Беларусь (в первую очередь Министерства иностранных дел и Посольства Республики Беларусь в Сирийской Арабской Республики), опубликованных стенограмм заседаний структур ООН, текущих материалов СМИ, данных статистики внешней торговли Беларуси.

Актуальность исследования заключается в выявлении особенностей политики белорусского государства на ближневосточном направлении в условиях конфликтной ситуации в одном из государств региона.

Проведенный научный анализ, нацеленный на углубление знаний о реализации многовекторной внешней политики Республики Беларусь на ближневосточном (сирийском) направлении в XXI в. и ее реакции на сирийский конфликт в 2011–2018 гг., представляет интерес для отечественной и зарубежной науки, связанной с изучением проблем современных международных отношений и внешней политики белорусского государства.

Публикация позволит более предметно оценить особенности осуществления внешней политики Республики Беларусь на современном этапе, а также интересы и формы активности белорусского государства в Ближневосточном регионе.

Методы исследования. При проведении исследования автор опирался на принцип историзма, использовал общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, дедукция) и специальные исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, структурный подход, системный подход), применил аналитические методики (метод описательного анализа). Действия белорусского государства в отношении Сирии оцениваются с позиций неореализма в международных отношениях.

Объектом исследования является внешняя политика Республики Беларусь применительно к Ближневосточному региону.

Предмет исследования – политика белорусского государства в отношении Сирии в 2011–2018 гг.

Обзор литературы по теме. Заявленная автором данной статьи проблематика не стала предметом углубленных научных исследований в Республике Беларусь и за ее пределами. В белорусской и зарубежной историографии отсутствуют фундаментальные работы, раскрывающие особенности позиционирования Беларуси на сирийском треке в условиях возникновения и разрастания конфликта в этой стране.

Отдельные аспекты «сирийской» политики белорусского государства рассмотрены лишь в совместной публикации С. Ф. Свилас и Т. В. Евсейчик [1] и научной статье В. Г. Шадурского [2], опубликованных в Минске и посвященных отношениям Республики Беларусь с арабскими государствами в целом. Однако первое исследование появилось до возникновения конфликта, а статья В. Г. Шадурского, опубликованная в 2013 г., лишь в незначительной мере раскрывала проблематику воздействия конфликтной ситуации в Сирии на состояние белорусско-сирийских отношений. В частности, оценивая состояние этих отношений после 2011 г., автор акцентировал внимание на свертывании двусторонних торговых связей после начала военных действий в Сирии, а также на факте отказа сирийского посла в Беларуси Ф. Тахри вернуться на родину после завершения миссии в Минске в январе 2012 г. [2, с. 41].

Результаты исследования. Сотрудничество между Беларусью и Сирией развивалось еще во времена СССР, но в силу специфики государственно-политического устройства Советского Союза осуществлялось преимущественно в сферах экономики, культуры, образования и науки. В 1970-х – 1980-х гг. из Белорусской ССР в Сирийскую Арабскую Республику (САР) направлялись оборудование, станки, тракторы, автомобили. Белорусские специалисты работали на сирийских предприятиях, а многие уроженцы Сирии учились в белорусских вузах либо стажировались на предприятиях БССР.

26 августа 1993 г. Республика Беларусь и САР установили дипломатические отношения, но двусторонние связи активизировались лишь во второй половине 1990-х гг. В 1997 г. белорусское руково-

дство включило отношения с Сирией в число стратегических приоритетов на ближневосточном направлении [1, с. 66].

В марте 1998 г. Сирийскую Арабскую Республику впервые посетил с официальным визитом президент Беларуси А. Лукашенко. Во время визита белорусская сторона отметила, что отношения Беларуси с САР основываются на традиционной дружбе и взаимном уважении, что служит хорошей основой для их стабильного развития в будущем¹.

Также была выражена готовность расширить торговые связи с Сирией и наладить производственную кооперацию между белорусскими и сирийскими предприятиями².

В 1998 г. Беларусь и Сирия приступили к формированию договорно-правовой базы двусторонних отношений, подписав межправительственные соглашения о торговом, экономическом и техническом сотрудничестве, об избежании двойного налогообложения, о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций, о сотрудничестве в области информации, образования, науки и культуры.

В ноябре 1998 г. в Дамаске начало функционировать посольство Беларуси.

В первом десятилетии XXI в. диалог между официальными структурами в Минске и Дамаске сохранил высокую степень интенсивности.

В декабре 2003 г. во время очередного визита в Сирию А. Лукашенко познакомился с Б. Асадом, сменившим в 2000 г. на посту президента САР своего отца Х. Асада. В июле 2010 г. Б. Асад совершил первый официальный визит в Республику Беларусь.

Во внешней политике Беларуси сохранялась установка на сохранение и расширение дружественных и взаимовыгодных связей с Сирией. В декабре 2003 г. А. Лукашенко заявил: «Мы хотим использовать Сирию как плацдарм, с которого мы будем экономически сотрудничать со всем арабским миром, со всем Ближним Востоком» [1, с. 72]. В июле 2010 г. он подтвердил заинтересованность в расширении сотрудничества с Сирией по всем направлениям, назвав ее «не

¹ Знешняя палітыка Беларусі : зб. дак. і матэрыялаў / склад. У. Е. Снапкоўскі [і інш.] ; рэдкал. С. М. Мартынаў (старш.) [і інш.]. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2008. – Т. 8. – С. 169.

² Там же. С. 169–170.

только перспективным партнером на Ближнем Востоке, но и самым большим другом» Беларуси³.

Активно общались не только президенты, но и представители правительств, парламентарии, дипломаты двух стран. В 2001 г. в белорусском парламенте появилась рабочая группа по сотрудничеству с парламентом Сирии, в 2004 г. было подписано белорусско-сирийское соглашение о межпарламентском сотрудничестве.

В мае 2002 г., в июне 2005 г. и в апреле 2008 г. проводились консультации между министерствами иностранных дел Беларуси и Сирии.

В октябре 2008 г. в Беларуси побывал с визитом глава внешнеполитического ведомства САР В. аль-Муаллем, в июне 2010 г. с ответным визитом Сирию посетил министр иностранных дел Беларуси С. Мартынов. В декабре 2007 г. в Минске начало функционировать посольство Сирии.

С начала 2000-х гг. доля Сирии в общем объеме белорусской внешней торговли стала увеличиваться. Если в 1995 г. товарооборот между двумя странами составлял всего лишь 1,7 млн долл., то в 2000 г. он увеличился до 13,2 млн, а в 2005 г. – до 31,5 млн⁴. Наиболее высокий уровень торговли между Беларусью и Сирией был достигнут в 2008 г., когда объем двустороннего товарооборота приблизился к 90 млн долл.⁵. В последующие годы этот показатель несколько снизился. В 2009 г. он составил 57,7 млн долл., в 2010 г. – 47,6 млн⁶. Тем не менее Сирия устойчиво пребывала в числе наиболее значимых внешнеторговых партнеров Беларуси на Ближнем Востоке. Немаловажно и то, что сравнительно высокий объем двусторонней торговли был связан с увеличением экспорта в Сирию белорусской продукции (включая продукцию машиностроения).

Таким образом, Республика Беларусь до 2011 г. имела в Сирии ряд интересов, которые затрагивали политическую, экономическую и иные сферы. Сирийский вектор вошел в число ключевых внешнепо-

³ Александр Лукашенко провел переговоры с Президентом Сирии Башар аль-Асадом // Интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-provel-peregovory-s-prezidentom-sirii-basharom-al-asadom-5050/ (дата обращения : 19.08.2018).

⁴ Внешняя торговля Республики Беларусь : стат. сб. – Минск, 2001. – С. 62, 68; Внешняя торговля Республики Беларусь : стат. сб. – Минск, 2006. – С. 58, 62.

⁵ Внешняя торговля Республики Беларусь : стат. сб. – Минск, 2012. – С. 43, 48.

⁶ Там же.

литических приоритетов белорусского государства на ближневосточном направлении.

Начало конфликта в САР в Минске было воспринято достаточно спокойно.

В 2011–2012 гг. белорусская сторона даже не исключала возможности подписания соглашения о зоне свободной торговли между странами Таможенного союза и Сирией⁷. Первоначально МИД Республики Беларусь ограничился рекомендацией белорусским гражданам воздерживаться от посещения отдельных сирийских городов (Дараа, Хомс, Латакия, Баниас) и избегать мест массовых выступлений и скоплений людей⁸.

10 мая 2011 г. пресс-секретарь МИД Беларуси А. Савиных заметил, что «выход из политического противостояния в Сирии может быть найден исключительно путем мирного диалога для достижения национального согласия»⁹. В соответствующем заявлении впервые была сформулирована официальная позиция Беларуси относительно конфликта в Сирии. Примечательно, что белорусские официальные лица более высокого уровня от комментариев по событиям в Сирии воздерживались.

17 июля 2012 г. МИД Республики Беларусь обнародовал еще одно заявление, в котором призвал белорусских граждан воздержаться от посещения Сирии до стабилизации там обстановки и выразил надежду на «скорейшее восстановление мира и правопорядка в этой дружественной стране»¹⁰.

⁷ Ответы заместителя министра иностранных дел Республики Беларусь Александра Гурьянова на вопросы журналистов в ходе пресс-конференции на тему: «Итоги внешней торговли в 2011 году» // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/cd91c78b6a87855c.html (дата обращения : 17.05.2018); Об участии Александра Гурьянова в заседаниях Консультативного комитета по торговле // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/ca3ffdb59a976754.html (дата обращения : 17.05.2018).

⁸ Комментарий заместителя начальника управления информации – начальника отдела пресс-службы МИД Марии Ваньшиной в связи с ситуацией в Сирии // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/be90cb599bb2e04a.html (дата обращения : 17.05.2018).

⁹ Заявление пресс-секретаря МИД Андрея Савиных в связи с террористическими актами в Сирии // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/cbc7fd1812f4f356.html (дата обращения : 12.02.2018).

¹⁰ Заявление начальника управления информации – пресс-секретаря МИД Андрея Савиных в связи с обострением ситуации в Сирии // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ре-

В сентябре 2013 г. в рамках 24-й сессии Совета по правам человека в ООН Постоянный представитель Республики Беларусь при Отделении ООН в Женеве М. Хвостов призвал урегулировать ситуацию в Сирии путем переговоров и на основе неукоснительного соблюдения Устава Организации Объединенных Наций¹¹.

Осенью 2013 г. Республика Беларусь поддержала расследование Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) относительно применения химического оружия в Сирии.

На третьей специальной сессии конференции государств – участников по рассмотрению действия Конвенции о запрещении химического оружия постоянный представитель Республики Беларусь при ОЗХО Е. Гриценко выразила надежду на то, что расследование будет проведено со всей тщательностью, объективностью и беспристрастностью¹². В мае 2014 г. министр иностранных дел Беларуси В. Макей заявил, что Беларусь высоко оценивает усилия ОЗХО по обеспечению химического разоружения Сирии и непосредственно участвует в процессе ликвидации сирийского химоружия¹³.

10 сентября 2013 г. МИД Беларуси выступил с новым заявлением по событиям в Сирии. В нем, в частности, говорилось: «В условиях звучащих в последнее время угроз со стороны США о нанесении ракетного удара по правительственным и военным целям в Сирийской Арабской Республике МИД Республики Беларусь заявляет о поддержке любых международных усилий, которые могут предотвратить развязывание очередного конфликта на Ближнем Востоке.

сурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/e6ab44292890ea7f.html (дата обращения : 12.02.2018).

¹¹ Об участии Беларуси в 24-й сессии Совета по правам человека ООН // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/eff462e585f3c2e8.html (дата обращения : 15.03.2018).

¹² Выступление Постоянного представителя Республики Беларусь при ОЗХО Елены Гриценко на третьей специальной сессии конференции государств – участников по рассмотрению действия Конвенции о запрещении химического оружия // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : <http://mfa.gov.by/press/statements/bd8a8c6ac3c43e79.html> (дата обращения : 15.03.2018).

¹³ Материалы подхода к прессе Министра иностранных дел Республики Беларусь Владимира Макея по итогам встречи с генеральным директором Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) Ахметом Узюмджю (19 мая 2014 г., г. Минск) // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/cd9bf3e3f860b0db.html (дата обращения : 15.03.2018).

В этой связи мы приветствуем инициативу МИД России об обеспечении международного контроля над сирийским химическим оружием. Выражаем надежду на то, что принятие российских предложений сирийским руководством позволит США отказаться от какой-либо несанкционированной ООН военной интервенции и избежать новых жертв среди сирийских граждан. Республика Беларусь убеждена, что внутренний конфликт в Сирии может быть разрешен только путем переговоров, и призывает ООН и все заинтересованные государства способствовать мирному урегулированию без применения военной силы»¹⁴.

9 апреля 2014 г. В. Макей, принимая верительные грамоты у Посла Сирийской Арабской Республики в Беларуси, подчеркнул, что белорусская сторона намерена и далее поддерживать Сирию на международной арене и осуществлять с ней торговые контакты¹⁵.

На совпадение позиций двух стран было обращено внимание при вручении верительных грамот послом Республики Беларусь в Сирийской Арабской Республике А. Пономаревым президенту САР Б. Асаду 7 сентября 2014 г. и на встрече глав внешнеполитических ведомств Беларуси и Сирии, состоявшейся 29 сентября 2014 г. в рамках 69-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций¹⁶.

В ноябре 2014 г. в Дамаске были проведены белорусско-сирийские межмидовские политические консультации (белорусскую делегацию возглавил заместитель министра иностранных дел В. Рыбаков), в рамках которых дипломаты двух стран обсудили вопросы дальнейшего развития отношений (включая сферу экономики и торговли), расширения договорно-правовой базы двустороннего сотрудничества, взаимной поддержки друг друга в международных организациях¹⁷.

¹⁴ Заявление Министерства иностранных дел Республики Беларусь // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/c883f82db43e4166.html (дата обращения : 19.02.2018).

¹⁵ О встрече Министра иностранных дел Беларуси В. Макея с Послом Сирии Б. аль-Маджидом // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/dd719f9fef6f34c7.html (дата обращения : 20.03.2018).

¹⁶ О вручении Послом Беларуси А. Пономаревым верительных грамот Президенту Сирии // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/a1701694f02d923a.html (дата обращения : 19.03.2018).

¹⁷ О белорусско-сирийских политических консультациях // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/a7fd905ec8794013.html (дата обращения : 12.04.2018).

Белорусская сторона поддерживала диалог с официальными структурами Сирийской Арабской Республики, несмотря на углубление конфликтной ситуации в этой стране.

Минск не скрывал своих симпатий по отношению к администрации Б. Асада и не стремился наладить отношения с антиасадовской оппозицией.

В марте 2012 г. и мае 2013 г. Минск посещали делегации министерства здравоохранения Сирийской Арабской Республики, в январе 2014 г. в белорусской столице побывал с визитом заместитель министра экономики и внешней торговли Сирии.

В начале февраля 2015 г. министр иностранных дел Беларуси В. Макей впервые после начала конфликта посетил с визитом Сирию. В ходе визита в очередной раз было отмечено отсутствие разногласий по политическим вопросам между двумя странами и выражено намерение развивать сотрудничество в сфере экономики.

В. Макей подчеркнул, что «пути решения [сирийской проблемы] лежат не через поддержку каких-то экстремистских групп в Сирии, а через диалог, через взаимопонимание»¹⁸.

Также он заверил сирийских партнеров по переговорам в намерении белорусской стороны поддерживать усилия правительства Сирии в борьбе с международным терроризмом¹⁹.

Некоторые белорусские эксперты, комментируя пребывание главы белорусского внешнеполитического ведомства в Сирийской Арабской Республике, допускали возможность использования Минска в качестве площадки для переговоров по урегулированию сирийского конфликта²⁰.

Однако этого не произошло, местом переговоров стала столица Казахстана Астана.

2 апреля 2015 г. в Минске состоялось 6-е заседание Совместной белорусско-сирийской комиссии по торговому, экономическому и техническому сотрудничеству, итогом которого стало определение

¹⁸ Материалы пресс-конференции по итогам визита Министра иностранных дел Беларуси Владимира Макея в Сирию (9 февр. 2015 г., г. Дамаск) // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : <http://mfa.gov.by/press/smi/d2ced691ca3b3f93.html> (дата обращения : 12.04.2018).

¹⁹ Там же.

²⁰ *Шпаковский А.* Беларусь и Сирия : от дипломатии до воен. сотрудничества // Sputnik Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : <https://sputnik.by/columnists/20170529/1029011607/belarus-i-siriya-ot-diplomatii-do-voennogo-sotrudnichestva.html> (дата обращения : 02.08.2018).

приоритетов развития двустороннего сотрудничества на ближайшую и среднесрочную перспективу²¹.

Тем не менее следует признать, что активность белорусской стороны в развитии диалога с официальными структурами Сирии снизилась. На встрече с генсеком Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) Л. Дзанньером и директором Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека М. Г. Линком, состоявшейся 16 июня 2015 г., президент Беларуси А. Лукашенко объяснил низкий уровень интереса к сирийскому конфликту географической отдаленностью этой страны²². Однако можно предположить, что снижение активности на сирийском направлении предопределила не только географическая отдаленность, но и нежелание белорусского общества вовлекаться в конфликтную ситуацию. Геополитических амбиций на сирийском направлении белорусское руководство в отличие от руководства России не проявляло.

Осенью 2015 г. военно-политическая ситуация в Сирии претерпела существенные изменения, обусловленные наращиванием военной и политической активности России на сирийском направлении. При этом российское руководство явно и недвусмысленно поддержало Б. Асада. Белорусское руководство отнеслось к действиям России с пониманием.

1 октября 2015 г. начальник управления информации – пресс-секретарь МИД Республики Беларусь Д. Мирончик заявил, что действия России в Сирии легитимны, поскольку российские войска приглашены сирийским руководством и борются с международным терроризмом. Также белорусский дипломат сообщил, что белорусская сторона была своевременно проинформирована о решении, принятом в Москве²³. 27 октября 2015 г. действия России в Сирии поддержал

²¹ О заседании Совместной белорусско-сирийской комиссии по торговому, экономическому и техническому сотрудничеству // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/a23117eb7d2eb6ad.html (дата обращения : 12.03.2018).

²² Встреча с генеральным секретарем ОБСЕ Ламберто Дзанньером и директором БДИПЧ ОБСЕ Михаэлем Георгом Линком // Интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-generalnym-sekretarem-obse-lamberto-zanjerom-i-direktorom-bdipch-obse-mixaelem-georgom-linkom-11571/ (дата обращения : 12.03.2018).

²³ Материалы брифинга начальника управления информации – пресс-секретаря МИД Беларуси Д. Мирончика, проведенного для представителей СМИ 1 октября 2015 г. // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/f018e2dfaec44e29.html (дата обращения : 12.02.2018).

глава белорусского внешнеполитического ведомства В. Макей, высказав мнение, что они «абсолютно соответствуют нормам международного права»²⁴.

Спустя два года, 26 декабря 2017 г. А. Лукашенко на неформальной встрече глав государств СНГ заявил, что Россия спасла Сирию и сохранила это государство²⁵.

Однако от прямой военной поддержки России в Сирии белорусская сторона отказалась. В октябре 2015 г. председатель Государственного военно-промышленного комитета Республики Беларусь С. Гурулев заявил, что белорусская военная техника в Сирию не поставляется²⁶.

В октябре 2016 г. А. Лукашенко подчеркнул, что Беларусь намерена использовать в Сирии тракторы, а не танки²⁷.

Отказавшись от военной поддержки Сирии, белорусское руководство продолжало поддерживать сирийские власти морально и политически. В феврале 2016 г. президент Беларуси направил Б. Асаду послание, в котором говорилось: «Ваше Превосходительство, пользуюсь возможностью, чтобы еще раз высказать искреннюю поддержку Вам и сирийскому народу в бескомпромиссной борьбе за территориальную целостность и суверенитет Вашей страны.

С чувством надежды и оптимизма следят в Беларуси за борьбой Сирийской армии против терроризма при содействии дружеских стран. Уверен, что усилия руководства Сирии найдут в скором времени поддержку со стороны международного сообщества и приведут к прекращению кровавого конфликта...

²⁴ Стенограмма встречи Министра иностранных дел Беларуси В. Макея с представителями СМИ по итогам совместного заседания коллегий МИД Республики Беларусь и МИД Российской Федерации (27 окт. 2015 г., г. Москва) // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/b381c72050c50d2b.html (дата обращения : 12.02.2018).

²⁵ Неформальная встреча глав государств СНГ // Интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/uchastie-v-neformalnoj-vstreche-glav-gosudarstv-sng-17726/ (дата обращения : 15.03.2018).

²⁶ *Синкевич А.* Беларусь – Сирия: поперед Батки в пекло // ІМНОclub [Электронный ресурс]. – URL : https://imhoclub.by/ru/material/belarus_sirija_popered_batki_v_peklo (дата обращения : 14.03.2016).

²⁷ Обращение Президента к парламентариям пятого и шестого созывов // Интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-deputatami-palaty-predstavitelej-i-chlenami-soveta-respubliki-natsionalnogo-sobranija-belarusi-14586/ (дата обращения : 19.03.2018).

Подтверждаю намерение Республики Беларусь к дальнейшему развитию дружеских отношений с Сирийской Арабской Республикой, расширению взаимовыгодного двустороннего сотрудничества в разных отраслях»²⁸.

В апреле 2017 г. глава белорусского государства осудил ракетные удары США по сирийским военным объектам, призвав американское руководство снизить активность по применению военной силы в Сирии и мире²⁹. В апреле 2018 г. он высказал мнение, что главным препятствием в деле стабилизации ситуации в Сирии служит внешнее вмешательство в ее внутренние дела³⁰.

В апреле 2018 г. белорусская сторона вновь осудила военные удары США и их союзников по территории Сирии.

В заявлении МИД Республики Беларусь от 14 апреля 2018 г. говорилось: «...Ситуация в Сирии фактически превращается в межгосударственный вооруженный конфликт, который чреват дальнейшей неконтролируемой эскалацией, выходящей за рамки региона... Применение запрещенных видов оружия массового поражения не должно оставаться без последствий. Однако ответные шаги должны базироваться на однозначных и проверенных фактах и предприниматься в строгом соответствии с нормами международного права. Ни один из этих критериев не был соблюден теми, кто сегодня нанес удар по Сирии. Организация по запрещению химического оружия должна иметь возможность срочно проверить информацию о применении химического оружия в Сирии и доложить результаты расследования Совету Безопасности ООН. Считаю, что всем членам Совета Безопасности ООН следует приложить максимальные усилия для выполнения возложенной на них международным сообществом задачи по восстановлению и поддержанию международного мира и безопасности»³¹. Не-

²⁸ Там же.

²⁹ Рабочая поездка в Гомельскую область // Интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/rabochaja-poezdka-v-gomelskuju-oblast-15983/ (дата обращения : 19.03.2018).

³⁰ Послание к белорусскому народу и Национальному собранию // Интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594/ (дата обращения : 19.03.2018).

³¹ Заявление МИД Республики Беларусь // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : <http://mfa.gov.by/press/statements/e10339941d1793ac.html> (дата обращения : 19.03.2018).

однократно Республика Беларусь выступала в поддержку администрации Б. Асада в ООН.

В частности, 19 ноября 2014 г. Беларусь и Россия солидарно проголосовали против сирийской резолюции Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН, инициированной странами Запада (несмотря на это, резолюция была принята).

В сентябре 2015 г., выступая на Саммите ООН по устойчивому развитию, А. Лукашенко заявил, что кризис в Сирии стал результатом вмешательства государств Запада³².

В декабре 2016 г. Беларусь выступила против резолюции «Положение прав человека в Сирийской Арабской Республике», внесенной представителем Катара от имени Австралии, Бахрейна, Иордании, Канады, Кувейта, Марокко, Микронезии, ОАЭ, Палау, Саудовской Аравии, Сенегала, Великобритании, США, Турции, Украины и Франции в Третий комитет ООН и осуждавшей действия администрации Б. Асада³³.

Белорусская сторона подключилась к поставкам гуманитарной помощи в Сирию. Так, 8 апреля 2015 г. в Дамаск из Беларуси было доставлено более 40 т пшеничной муки, сухого молока, детского питания в виде сухомолочных смесей и консервов. Помощь предполагалось распределить среди населения провинции Дамаск³⁴. В сентябре 2016 г. в САР прибыло свыше 45 т белорусских пищевых продуктов, детского питания, медикаментов, дезинфицирующих средств, детской одежды и обуви, предназначенных для распределения в провинциях Алеппо, Латакия и Дамаск³⁵. В 2017 г. возобновилась практика приема сирийских детей на оздоровление и лечение в Беларуси.

³² Выступление на Саммите ООН по устойчивому развитию // Интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-na-sammite-oon-po-ustojchivomu-razvitiyu-12188/ (дата обращения : 19.03.2018).

³³ Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Семьдесят первая сессия. Поощрение и защита прав человека : положение в области прав человека и доклады специальных докладчиков : докл. Третьего ком. // eSubscription to United Nations Documents [Electronic resource]. – URL : <http://undocs.org/ru/A/71/484/Add.3> (accessed : 15/08/2018).

³⁴ О доставке гуманитарной помощи в Сирию // М-во иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/d24720161b0dbc54.html (дата обращения : 21.03.2018).

³⁵ О доставке гуманитарной помощи в Сирию и эвакуации граждан Беларуси и стран СНГ // Посольство Респ. Беларусь в САР [Электронный ресурс]. – URL : <http://syria.mfa.gov.by/ru/embassy/news/ff82477c9f614ceb.html> (дата обращения : 18.09.2016).

Позиция Беларуси находила положительный отклик в Дамаске. В мае 2017 г. президент САР в интервью белорусскому телерадиоканалу ОНТ заявил: «Беларусь вместе с Россией является основным игроком на международной арене в отношении той войны, которая ведется против Сирии»³⁶. Также он дал положительную оценку твердой позиции Беларуси в отношении конфликта в Сирии³⁷.

Конфликт не привел к полному свертыванию белорусско-сирийских торговых контактов, хотя усиление дестабилизирующих процессов в рассматриваемой стране в 2013–2014 гг. не способствовало их расширению. В 2013 г. объем белорусского экспорта в Сирию составил всего лишь 0,6 млн долл. Однако объем сирийского импорта в Беларусь в том же году достиг 8,3 млн долл. (в импорте преобладали поставки фосфата кальция для нужд Гомельского химического завода)³⁸. В 2014 г. Беларусь смогла нарастить экспорт товаров в Сирию, доведя его объем до 32,2 млн долл. По данным белорусского посольства, в экспорте преобладали полуфабрикаты из нелегированной стали, контрольно-измерительные приборы, лекарственные средства, устройства на жидких кристаллах. Объем сирийского импорта в Беларусь в 2014 г. был незначительным, составив всего лишь 1,6 млн долл., и сформировался за счет сборных строительных конструкций, цитрусовых, хлопкового волокна, кофе³⁹.

После 2015 г. объем белорусско-сирийской торговли вновь стал расти: в 2015 г. он составил 41,9 млн долл., в 2016 г. – 40,1 млн, в 2017 г. – 44,3 млн долл. Объем белорусского экспорта в САР в 2015 г. составил 25,3 млн долл., в 2016 г. – 31,5 млн, в 2017 г. – 36,9 млн долл. Однако импорт из Сирии в Беларусь сокращался: в 2015 г. его объем составил 16,6 млн долл., в 2016 г. – 8,6 млн, в 2017 г. – 7,4 млн⁴⁰. В первом полугодии 2018 г. объем белорусско-сирийской тор-

³⁶ Асад прокомментировал возможность урегулирования кризиса в Сирии с помощью Беларуси // Tut.by – Новости [Электронный ресурс]. – URL : <https://news.tut.by/economics/542905.html> (дата обращения : 11.05.2017).

³⁷ Там же.

³⁸ Торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Респ. Беларусь в САР [Электронный ресурс]. – URL : http://syria.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/c3e8a9844dec b3e0.html (дата обращения : 18.08.2018).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Внешняя торговля Республики Беларусь : стат. сб. – Минск, 2017. – С. 51, 57; Экспорт товаров из Республики Беларусь по отдельным странам вне СНГ // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/godovwe_danne/eksport-

говли приблизился к 26 млн долл., при этом объем белорусского экспорта в Сирию достиг 25,7 млн долл.⁴¹.

Готовность белорусской стороны к дальнейшему развитию диалога с Сирией нашла отражение в послании, направленном президентом Беларуси А. Лукашенко президенту САР Б. Асаду 26 августа 2018 г. в связи с 25-летней годовщиной установления дипломатических отношений между Беларусью и Сирией. Обращаясь к сирийскому лидеру, А. Лукашенко отметил: «В годы лихолетья Беларусь всегда была рядом... Как с удовлетворением сегодня можно наблюдать, война заканчивается победой Сирийской арабской армии, а общество, объединенное под вашим лидерством, возвращается к обычной жизни. Мы готовы оказывать всестороннюю помощь Сирии в деле мирного строительства и восстановления страны»⁴².

Обсуждение полученных результатов. В статье на основе принципа историзма и теории политического неореализма проанализированы формы и результаты политики Республики Беларусь в отношении Сирийской Арабской Республики в 2011–2018 гг. Автор соглашается с мнением В. Г. Шадурского, что конфликт в Сирии привел к изменению политики Беларуси в отношении этой страны. Вместе с тем он считает нужным обратить внимание на то, что основы «сирийской» политики Беларуси, сформированные в доконфликтный период, не претерпели существенных изменений во время конфликтной ситуации. Белорусское руководство поддерживало политический диалог с администрацией Б. Асада, отказавшись наладить контакты с антиасадовской оппозицией, и стремилось сохранить торгово-экономические контакты с Сирией. Позиция, занятая белорусской стороной в отношении конфликта в Сирии, оказалась ближе к позиции России

товarov-respubliki-belarus-po-stranam-s_2/ (дата обращения : 03.09.2018); Импорт товаров в Республику Беларусь по отдельным странам вне СНГ // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/godovwe_danne/import-tovarov-v-respubliku-belarus-po-osnovnym-stranam-vne-sng/ (дата обращения : 03.09.2018).

⁴¹ Данные о внешней торговле Республики Беларусь по отдельным странам в январе–июне 2018 г. // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/operativnye-dannye_5/eksport-import-s-otdelnymi-stranami/ (дата обращения : 03.09.2018).

⁴² Поздравление Президенту Сирийской Арабской Республики Башару Асаду // Интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс] URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/pozdravlenie-prezidentu-sirijskoj-arabskoj-respubliki-basharu-asadu-19363/ дата обращения : 26.08.2018).

и Ирана, чем к позиции США и их союзников. Таким образом, результаты исследования способствуют уточнению знаний об особенностях внешней политики Беларуси в отношении Сирии.

Выводы.

1. Интерес белорусского руководства к Сирии predetermined ранее накопленный потенциал сотрудничества. До 2011 г. развитие дружественных и взаимовыгодных отношений с САР являлось важнейшим внешнеполитическим приоритетом Беларуси на ближневосточном направлении. При этом белорусско-сирийские отношения развивались в различных сферах и приносили Беларуси реальную экономическую выгоду.

2. В условиях возникновения конфликта в Сирии белорусская сторона воздерживалась от активного вмешательства в конфликтную ситуацию и формулировала свою позицию предельно осторожно, поддерживая усилия других государств и международных структур по урегулированию сирийской проблемы и акцентируя внимание на том, что оптимальная форма урегулирования – путь переговоров, достижение согласия между всеми вовлеченными в конфликт сторонами и невмешательство внешних игроков во внутренние дела Сирии. Вместе с тем официальный Минск оказывал моральную и политическую поддержку администрации Б. Асада и воздерживался от контактов с антиасадовской оппозицией. Активизацию военных и политических действий в Сирии Российской Федерации осенью 2015 г. белорусское руководство восприняло с пониманием, хотя от военной поддержки России белорусская сторона отказалась.

3. В 2011–2018 гг. Республика Беларусь сохранила достаточно высокий уровень сотрудничества с Сирией в политической и экономической сферах и принимала участие в оказании гуманитарной помощи сирийским гражданам, пострадавшим от военных действий. Значимыми оставались для нашей страны и торговые связи с Сирией, которые удалось сохранить, несмотря на конфликтную ситуацию. В 2015–2018 гг. белорусские экспортные поставки товаров в САР увеличились. Таким образом, были созданы предпосылки для расширения белорусско-сирийских связей в перспективе, что соответствовало национальным интересам Беларуси.

Библиографические ссылки

1. *Свилас С. Ф., Евсейчик Т. В.* Отношения Республики Беларусь со странами арабского мира в 1996–2006 годах : пособие для студентов фак. междунар. отношений. – Минск : БГУ, 2009. – 199 с.
2. *Шадурский В. Г.* Арабские государства во внешней политике Республики Беларусь // Труды факультета международных отношений : науч. сб. – Минск: БГУ, 2013. – Вып. 4. – С. 38–47.

Дата поступления статьи: 12.09.2018.

Образец цитирования: *Тихомиров А. В.* Политика Республики Беларусь в отношении Сирии в 2011–2018 гг. // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2018. Вып. 6. С. 183–201.

Автор: Тихомиров Александр Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: tihomirow@list.ru.

POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS TOWARDS THE SYRIAN ARAB REPUBLIC IN 2011–2018

A. V. TSIKHAMIRAU

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article reveals the peculiarities of the policy of the Republic of Belarus in relation to Syria in the conditions of the emergence and development of the conflict in this country in 2011–2018. The article has a high degree of scientific novelty, since the relevant issues have practically not been covered by Belarusian and foreign researchers. When writing the article, original sources were used from the websites of state authorities and administration of the Republic of Belarus. The author relied on the principle of historicism, used general scientific (analysis, synthesis, comparison, synthesis, deduction) and special historical methods (historical-genetic, historical-comparative structural approach, system approach), applied analytical techniques (method of descriptive analysis). The actions of the Belarusian state in relation to Syria are evaluated from the standpoint of neorealism in international relations.

It is noted that until 2011 the development of friendly and mutually beneficial relations with the Syrian Arab Republic was one of the most important foreign policy priorities of Belarus in the Middle East direction. The Belarusian-Syrian relations developed in various fields and brought real economic benefits to Belarus.

In the context of a conflict in Syria, the Belarusian side refrained from active intervening in the situation and formulated its position with extreme caution, support-

ing the efforts of other states and international structures to resolve the Syrian problem and emphasizing that the best form of settlement is the path of negotiations, reaching agreement between all parties involved in the conflict and non-interference of external players in the internal affairs of Syria. At the same time, official Minsk provided moral and political support to the Bashar Assad administration and refrained from contacts with the anti-Assad opposition. The intensification of military and political actions in Syria of the Russian Federation (a formal ally of the Republic of Belarus within the Collective Security Treaty Organization) in the autumn of 2015 was received by the Belarusian administration with understanding, although the Belarusian side refused military support from Russia.

In 2011–2018 The Republic of Belarus has maintained a fairly high level of cooperation with Syria in the political and economic spheres and participated in the provision of humanitarian assistance to Syrian citizens affected by the hostilities. For our country, trade relations with Syria remained significant. In 2015–2018 Belarusian exports of goods to the Syrian Arab Republic have increased. Thus, the prerequisites were created for the expansion of Belarusian-Syrian relations in the future, which corresponded to the national interests of Belarus.

Key words: the Republic of Belarus; the Syrian Arab Republic; the Middle East; foreign policy; conflict; diplomacy; trade; humanitarian assistance.

References

1. Svilas, S., Yevseytchik, T. (2009). Otnosheniya Respubliki Belarus so stranami arabskogo mira v 1996–2006 godah [*Relations of the Republic of Belarus with the Arab world in 1996–2006*]. Minsk, Belarusian State University Publ., 199 p. (In Russ.).
2. Shadurski, V. (2013). Arabskie gosudarstva vo vneshney politike Respubliki Belarus (1992–2013) [Arab States in the Foreign Policy of the Republic of Belarus (1992–2013)]. In: *Proceedings of the faculty of international relations, collection of scientific papers*, 4. Minsk, Belarusian State University Publ., p. 38–47. (In Russ.).

Received: 12.09.2018.

For citation: Tsikhamirau, A. (2018). Policy of the Republic of Belarus toward the Syrian Arab Republic in 2011–2018. In: *Actual problems of international relations and global development : collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 183–201.

About author: Tsikhamirau Aliaksandr – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Belarusian State University; e-mail: tihomirow@list.ru.

INTERNATIONAL COOPERATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN PROMOTION OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND HUMAN RIGHTS

DR. VLADISLAV V. FROLTSOV

Faculty of International Relations

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract. Promotion of human rights, progress in the sustainable development and overcoming of different forms of poverty on the national, regional and global level is one of the most important directions of the multilateral diplomacy of the Republic of Belarus since its independence in 1991. Based on an international experience of the Belarusian SSR as one of the United Nations founders in its main bodies, primarily the Economic and Social Council (ECOSOC), as well as its special institutions, the Belarusian diplomacy has already established mutually beneficial and effective cooperation with other countries in many important issues. Among them, there are such key and acute topics as a fighting against poverty and unequal access to social benefits and achievements, as well as overcoming regional and structural disparities for different social groups and communities.

This comprehensive dialogue with our leading international partners including a special role of our partnership with China continued and developed successfully in the early 21st century. It allowed the Republic of Belarus to contribute to the modern understanding of human rights in the context of global sustainable development. Achieving its Goals (SDGs) until 2030, agreed by all UN members is one of the most important aspects and challenges for the policy of the Republic of Belarus and for its primary vision of the promotion of human rights issues in the global world.

Our understanding of them is based on their universal, indivisible, interrelated, interdependent and complementary nature. To ensure each of their most important categories: civil, political, economic, social, cultural it should be adhere to the same positions and attitudes with equal attention. International cooperation in this sphere is to be aimed at strengthening mutual trust and developing effective multilateral mechanisms to solve the most important global problems.

The Republic of Belarus opposes consistently and resolutely any attempts to politicize them and calls for a comprehensive approach to the protection of all categories of human rights and liberties in the framework of international cooperation without prioritizing or minimizing them.

Introduction. The Republic of Belarus as a modern democratic social and legal state considers humans, their rights, freedoms and guarantees for their realization as the highest value and purpose for the development

of society, the functioning of the state and cooperation with other countries and international organizations. Promotion of all categories of human rights and liberties: civil, political, economic, social, cultural, including rights to development has determined and continues to define the profile and main directions of our interaction with different states and institutes in overcoming relevant global challenges and risks.

The key of them is poverty and its consequences now, and namely social and regional inequality, lack of equal and fair access to modern achievements of world economy, science and technology, culture. It generates conflicts between states, growing mutual distrust, as well as regional and global instability.

International cooperation in the human rights promotion, implementation of the Sustainable Development Goals (SDGs) at the national and global levels, full and consistent human rights promotion in cooperation with the UN organizations and agencies should be the most important aspects of this comprehensive issue.

It is especially important also to share experience and consider the ways and means realized by our leading international partners, and China among them, to improve effectiveness of international cooperation and human rights promotion for the purpose of poverty alleviation and overcoming its dangerous consequences.

Literature review. The most important results of the long-term cooperation between the Republic of Belarus and other countries as well as the UN organizations and agencies, and regional institutions to promote the SDGs and all categories of human rights and liberties in different spheres and problem fields were defined and characterized by prominent Belarusian scholars. It could be named first the research publications of Aleksandr M. Baichorov, Elena A. Dostanko, Andrey V. Selivanov, Victor G. Shadurski [1–4]. Yulianna I. Malevich considered a wide range of relevant human rights issues in the modern world and its key regions including Eastern and Southeastern Asia in a series of papers dedicated to common analysis and selective studies of the most topical directions and aspects for human rights promotion [5–9].

An integral and detailed assessment of the historical and cultural reasons for formation of different approaches to the human rights and civil liberties definition in the modern world was presented in the article «Human Rights: What and Who Made Them Divide the World?» by Minister

of Foreign Affairs of Belarus Vladimir Makei. It was published in the magazine «Russia in Global Affairs» in June 2013. The author formulated and substantiated a comprehensive recommendation to avoid this division during the building of the most effective international cooperation to meet the current and new global risks and challenges [10].

At the same time, an advanced character of interaction at all levels, and namely global, regional, national and local needed to overcome successfully these issues required not only a common evaluation of results reached by Belarus in this sphere in the late 20th and early 21st centuries. It causes also a complex comparison of approaches used by different states to realize these goals and targets, as well as actualizes a further research and implementation of effective ways and tools of international cooperation that has determined a topic of this article.

Research methods. The multi-aspect and complicated nature of such study led to a necessity of using of several research methods combination, which includes comparative-historical and structural-functional analyses. Both of them allowed exploring and considering in detail the most important directions and aspects of international cooperation of the Republic of Belarus for the SDGs and human rights promotions as well as key features of our interaction with other countries and UN main bodies and agencies. A historical comparison provided an opportunity to define and characterize different periods during the international activity of Belarus to overcome poverty, social and regional inequality, and alleviate their most dangerous and damaged consequences. A structural-functional analysis was very useful for comprehensive evaluation of a role of interaction with different UN bodies, organizations and agencies in this key sphere of multilateral cooperation.

Results of the research.

I. The main initiatives of Belarus in the sphere of international cooperation for promotion of human rights.

Since the first years of the formation of the current post-bipolar international order the Republic of Belarus has supported a creation of favorable conditions for the sustainable development for all countries and regions of the world, which could be served as the most reliable guarantee for ensuring global security and stability.

In 1997, on the initiative of the President of Belarus Alexander Lukashenko hosted the International Conference on the Sustainable

Development of Countries in Transition in Minsk. This group of states included the Republic of Belarus and a significant part of its neighbors within the region strived to ensure equal conditions for economic and social development based on a multipolar vision of further world architecture.

The organizers of this conference were the UN Secretariat, the UN Development Program (UNDP), the UN Environment Program (UNEP). It showed a significant increase of interest to fighting against global poverty and overcoming social inequality. As a result of the conference a comprehensive final document was approved with a call to provide opportunities for sustainable development for all states and regions of the world¹.

To effectively ensure economic and social human rights at the beginning of the 21st century the Republic of Belarus made every effort to strengthen such key UN institution as the Economic and Social Council (ECOSOC) established to coordinate effectively the activities of all UN organizations and agencies in the economic, social and environmental areas.

A notable attention was paid by the Belarusian delegation to the expansion of the humanitarian dimensions on the ECOSOC agenda, which was aimed not only at intensifying this aspect of multilateral cooperation, but also at enhancing the political potential of the ECOSOC as the most important forum for discussions on the sustainable development issue.

Our country was elected to the ECOSOC nine times since 1947 regarding also the Soviet period, and most recently in June 2017 for 2018–2020².

In 2000, the resolution about measures against racism, political platforms and activities based on doctrines of superiority grounded on racial discrimination or ethnic exclusivity and xenophobia, including neo-Nazism in particular was sponsored by the Republic of Belarus at the 55th session of the UN General Assembly and approved by their members. The resolution urged all states to take urgent measures to eliminate such mani-

¹ The retrospective look: major steps, initiatives, and achievements. In: *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus*. URL : <http://mfa.gov.by/en/organizations/un/initiatives/ef7b919c65c2147c.html> (accessed 2018 September 3).

² Belarus gets elected to ECOSOC. 2017 June 16. In: *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus*. URL: http://mfa.gov.by/en/press/news_mfa/fa30f578b181ceb5.html (accessed 2018 September 3).

festations both incompatible with democracy and impeding the realization of human rights and fundamental liberties³.

In the beginning of the 21st century, the most important initiative of Belarus was a call of President Alexander Lukashenko at the 2005 UN Summit to exert all mutual efforts to combat human trafficking, which became a serious challenge for the world community. The Republic of Belarus was the first country in the post-soviet region to address this problem, developed the necessary national legislation, taking into account international best practices in combating human trafficking and illegal migration. In 2005, at the 60th session of the General Assembly, the Belarusian delegation proposed the creation of «Global Partnership against Slavery and Trafficking in Human Beings in the 21st Century» under the auspices of the United Nations to unite the efforts of states, international organizations, civil society and the private sector in combating the modern slave trade. On October 19, 2006, the 61st session of the UN General Assembly adopted unanimously the draft resolution on improving the coordination in this sphere introduced by Belarus. On March 5, 2007, an international conference «Trafficking in Women and Girls: Meeting the Challenge Together» was organized and held at the UN Headquarters in New York on the initiative of Belarus with participation of more than 90 states and 20 international organizations. In July 2010, the UN adopted the Global Plan of Action to Combat Trafficking in Persons. Secretary-General Ban Ki-moon appreciated highly this document supposed to provide an effective international mechanism to address this acute problem, including prevention of crimes related to human trafficking and prosecution of criminals. Belarus supported also a work of the UN Voluntary Trust Fund for Victims of Trafficking in Persons created in accordance with the Global Plan. Our country contributed to this Fund one of the first. At the UN Headquarters in New York and UN Offices in Vienna and Geneva, the Group of Friends United against Human Trafficking was established by the proposal of Belarus. It includes 22 states from all regions and continents⁴.

Another significant initiative during the 2005 UN Summit was a call of President Alexander Lukashenko to recognize a diversity of the ways of

³ The retrospective look: major steps, initiatives, and achievements. In: *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus*. URL: <http://mfa.gov.by/en/organizations/un/initiatives/ef7b919c65c2147c.html> (accessed 2018 September 3).

⁴ Human Trafficking. In: *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus*. URL: <http://mfa.gov.by/en/organizations/issue/trafficking/> (accessed 2018 September 3).

progressive development as a value of human civilization. This proposal was aimed at promoting a more just and equitable world order, strengthening international law and mutually beneficial multilateralism in international relations⁵.

In 2006, the Belarusian delegation at the 61st session of the UN General Assembly initiated a resolution on encouraging an equal and mutually respectful dialogue about human rights condemned motivated politically, unilateral and biased resolutions on human rights situation that could undermine the principles of objectivity and non-selectivity and not encouraging their promotion⁶.

The efforts undertaken by the Republic of Belarus to promote a comprehensive understanding of human rights, fighting against trafficking in human beings and various forms of discrimination were highly appreciated by High Commissioner for Human Rights Zeid Raad Al Hussein at the meeting with President Alexander Lukashenko on September 27, 2015⁷.

II. Implementation of the Sustainable Development Goals (SDGs) in the context of human rights promotion in the Republic of Belarus.

At the beginning of the 21st century, the world community faced a growing challenge of overcoming the inequalities existed between the most developed and rich countries which sociologist Immanuel Wallerstein defined as a core of the modern world and the rest of the world which served as their periphery or semi-periphery. Poverty and permanent social and regional inequality enshrined such international order and created a wide range of economic and humanitarian problems. Their answer should be the mutual efforts to implement the SDGs defined for gradual weakening and elimination of the negative global tendencies.

President Alexander Lukashenko at the 2015 UN Sustainable Development Summit on September 27, 2015 stressed, that «Over the years of sovereign existence Belarus has fulfilled with honor the millennium devel-

⁵ The retrospective look: major steps, initiatives, and achievements. In: *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus*. URL: <http://mfa.gov.by/en/organizations/un/initiatives/ef7b919c65c2147c.html> (accessed 2018 September 3).

⁶ Promotion of equitable and mutually respectful dialogue on human rights: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/61/166. In: *United Nations. Digital Library*. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/589456?ln=en> (accessed 2018 September 3).

⁷ Meeting with UN High Commissioner for Human Rights Zeid Raad Al-Hussein. 2015 September 27. In: *The official Internet portal of the President of the Republic of Belarus*. URL: http://president.gov.by/en/news_en/view/meeting-with-un-high-commissioner-for-human-rights-zeid-raad-al-hussein-12197/ (accessed 2018 September 3).

opment goals related to eradicating extreme poverty and hunger, achieving 100 % adult literacy, promoting gender equality, social and political stability, and preventing ethnic and religious discrimination. We have no maternal mortality. The child mortality is the lowest in the world». The effectiveness in solving of such problems was determined much more today by contribution of countries to global sustainable development than by their theoretical debates on human rights or democracy. The President called also on all states to demonstrate «mutual understanding and responsibility, the recognition of our diversity, the renewal of trust. Only these steps could unite the world community, safeguard peace and security, find effective responses to global challenges and threats»⁸.

To achieve these results the Republic of Belarus is implementing consistently and purposefully the SDGs based on the UN 2030 Agenda for Sustainable Development adopted in September 2015 and included 17 SDGs and 169 their targets. The National Coordinator for the achievement of the Sustainable Development Goals in Belarus is Deputy Chairman of the Council of the Republic (The Upper Chamber) of the National Assembly of the Republic of Belarus Marianna Shchotkina. She headed the National Council for Sustainable Development with the participation of representatives of key government bodies and organizations, as well as with the possible involving business communities, public associations and international organizations.

During the visit to Belarus on February 21–22, 2018, to take part in the Regional Forum of National Coordinators on Sustainable Development Goals from Europe and Central Asia, UN First Deputy Secretary-General Amina Mohammed noted that it is extremely important for Belarus to support the principles of multi-polarity and multilateral solutions to international problems. She held meetings with representatives of the Belarusian youth, and namely students, schoolchildren, young businessmen, members of youth parliaments, urging them to implement more actively their personal projects and initiatives with the support of the National Coordinator, who could unite the efforts of state and public institutions⁹.

⁸ Speech at 2015 UN Sustainable Development Summit. 2015 September 27. In: *The official Internet portal of the President of the Republic of Belarus*. URL: http://president.gov.by/en/news_en/printv/speech-at-2015-un-sustainable-development-summit-12204/ (accessed 2018 September 3).

⁹ First Deputy Secretary-General of the United Nations Amina J. Mohammed to pay a visit to Belarus on February 20–21, 2018. 2018 February 19. In: *United Nations in Belarus*. URL:

An important role in this process is assigned also to the implementation of the United Nations Development Assistance Framework (UNDAF) for the Republic of Belarus for 2016–2020, which defines the main areas of cooperation between Belarus and the UN, as well as the activities of UN organizations and agencies in our country.

On June 1, 2015, it was approved by the Council of Ministers of the Republic of Belarus. The UNDAF for the Republic of Belarus for 2011–2015 was adopted in October 2010 and realized successfully with the implementation of different international technical assistance projects for \$ 490 million. Its priority five areas were determined as an assistance for: ensuring sustainable social and economic development; strengthening national health care system; ensuring environmental sustainability; developing national migration management; improving the national governance system¹⁰.

These priorities were worked out by the Belarusian government together with representatives of civil society, private business, affected groups of population, national and international partners in cooperation with the UN organizations and agencies to promote and protect human rights in the Republic of Belarus and improve the quality of life of its residents and citizens.

The UNDAF for 2016–2020 provides for activities in four strategic areas in accordance with the priorities represented in the National Strategy for Sustainable Social and Economic Development of the Republic of Belarus for the period up to 2030 (NSSD–2030)¹¹. The cooperation of our country with the UN organizations and agencies in the interests of development for the next five years is determined by the following four priority areas:

1. Inclusive, Responsive and Accountable Governance;
2. Sustainable Economic Development;
3. Environmental Protection and Sustainable Environmental Management Based on the Principles of Green Economy;

<http://un.by/en/un-news/in-belarus/3453-first-deputy-secretary-general-of-the-united-nations-amin-a-j-mohammed-to-pay-a-visit-to-belarus-on-february-20-21-2018> (accessed 2018 September 3).

¹⁰ The United Nations Development Assistance Framework (UNDAF) for the Republic of Belarus for 2011–2015. 2010. Minsk, p. 13–45.

¹¹ Natsionalnaya strategiya ustoychivogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Belarus na period do 2030 goda (NSUR–2030). [The National Strategy of the Republic of Belarus for sustainable socio-economic development for the period until 2030 (NSSD–2030)]. 2017. Minsk, 148 p. (in Russ.).

4. Sustainable Development of Human Capital: Health, Education, Social Inclusion and Protection, Comprehensive Post-Chernobyl Development¹².

Successful implementation of the SDGs both at the national and global levels implies a constant dialogue between countries with different historical and cultural traditions and backgrounds. National coordinator Marianna Shchotkina at the Regional Forum of National Coordinators on February 21, 2018 emphasized that the starting conditions for the SDGs implementation are different for all states. The potentials of countries, levels of development, strategies of economies, standards of living as well as natural conditions, culture, religions differ. Nevertheless, their goals are common to ensure development and prosperity¹³.

One of the most important and obvious evidence of effective efforts of Belarus to promote the right for development is its place in the annual Human Development Index (HDI) based on a comparison of the standard of living indicators of the UN members and conducted by the UN Development Program since 1990. In the latest report published in September 2018 the Republic of Belarus joined the group of countries with very high HDI, taking 53rd place with 0.808 points and getting ahead of other countries of the post-soviet region, except Russia¹⁴.

III. From political discussion to the comprehensive and consistent human rights promotion: the Belarusian experience.

July 5, 2017 President Alexander Lukashenko at the opening ceremony of the 26th session of the OSCE Parliamentary Assembly in Minsk stressed that «The elaboration of the first in the history of independent Belarus National Human Rights Action Plan has become the most important element of systemic ensuring of the entire complex of citizens' rights and freedoms»¹⁵.

¹² The United Nations Development Assistance Framework (UNDAF) for the Republic of Belarus for 2016–2020. 2015. Minsk, p. 20–50.

¹³ Tezisy vystupleniya M.A. Shchotkinoj na sessii «Nacional'naya politika i instituty: prodvizhenie CUR cherez obmen opytom i znaniyami» Regional'nogo Foruma nacional'nyh koordinatorov, Minsk, 21 fevralya 2018 goda. [Theses of Marianna A. Shchotkina at the session "National Policy and Institutions: Promoting the SDGs by the Exchange of Experience and Knowledge" of the Regional Forum of National Coordinators, Minsk, February 21, 2018]. 2018. Minsk, p. 1 (in Russ.).

¹⁴ Human Development Indices and Indicators. 2018 Statistical Update. 2018. New York, UNDP, p. 22.

¹⁵ Human Rights. In: *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus*. URL: http://mfa.gov.by/en/organizations/human_rights/ (accessed 2018 September 3).

Such plan was approved by the Council of Ministers of the Republic of Belarus on October 24, 2016 and scheduled for realization in 2016–2019 on implementing the accepted recommendations from the Second Universal Periodic Review of the UN Council and from the Human Rights Treaty Bodies. The Interagency Action Plan is a long-term document aimed at the achievement of seven objectives. They include to meet effectively the international obligations, identify challenges and develop appropriate legislative and institutional responses, apply the best international practices, build capacity of the state institutions, improve the state system of human rights oversight, data collection, analyze and ensure better transparency of the outcomes, expand public and private partnership; support the most vulnerable groups. According to the Interagency Action Plan, its successful implementation will facilitate the realization of the activities prescribed by the government programs intended to safeguard the rights of Belarusian citizens. This process will support the implementation of the current UNDAF and the country programs of the UNDP, UNICEF and UNFPA for 2016–2020, as well as will contribute to achieve the goals and objectives in line with the UN 2030 Agenda for Sustainable Development¹⁶.

In his article «Human Rights: What and Who Made Them Divide the World?» in «Russia in Global Affairs» in June 2013 Minister of Foreign Affairs of Belarus Vladimir Makei identified three approaches to the human rights perception. They are Eurasian, European and North American, which were due to many cultural and religious backgrounds and determined clearly the current differences in their evaluations. Considering possible ways to end these long-terms divisions and contradictions, Vladimir Makei noted «the human rights debates, which have been high in the past two decades, have proven futile. They increasingly make it clear that it is impossible to change attitudes that are enrooted in centuries-old specific cultural, religious, and other underpinnings». On this basis, he summarized, that «the issue of human rights must not be as divisive as it is, if only we begin to genuinely appreciate each other’s specific historical courses and treat each other accordingly. This is especially true now that globalization empowers identity politics, and relationship with ‘the other’ has become more fundamental than ever» [10].

¹⁶ Interagency Action Plan for 2016–2019. Approved. Resolution of the Council of Ministers No. 860 dated 24.10.2016. 2016. Minsk, 20 p.

For this reason, it is especially important to achieve a universal understanding of the equal importance of all categories of human rights: civil, political, economic, social, cultural, and rights to development, which determines an essence of the global progressive and sustainable partnership.

Discussion of the results. The main points of this article and its conclusion were presented as a report during the Session III: «International cooperation and human rights protection in poverty alleviation» of the 2018 Beijing Forum on Human Rights «Poverty Elimination: Seeking Common Development to Build a Community of Shared Future for Human Beings» on September 18, 2018. Their consideration caused an especially circumstantial and open discussion between representatives of national governmental and non-governmental institutes and key UN agencies, as well as experts and scholars exploring different aspects and dimensions of this topic.

One of the most important and practically oriented results of this discussion was a comprehensive understanding of importance to share and use the mutual experience of fighting against the global and regional poverty. The obvious success of the Chinese efforts in solving of this acute problem directed to alleviate disproportions in development of various areas and provinces was recognized widely by the representatives of 50 countries from all regions of the world. The experts from such institutes as the Office of the UN High Commissioner for Human Rights, the Food and Agriculture Organization, the UN Human Rights Consultative Committee and the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights gave also some professional evaluations. Finally, this open and productive exchange of positions and assessments increased a practical significance of this research of the present Belarusian foreign policy measures concerning such topical and growing international challenge.

Conclusion. At the beginning of the 21st century the Republic of Belarus is one of the most consistent and principled advocates of a comprehensive understanding of the human rights promotion on a national and global levels. Considerable attention was paid to intensifying international cooperation in solving the most acute economic, social and humanitarian problems challenged all countries, regions and continents.

The most important tool for achieving this goal is an active cooperation with international partners, the UN bodies, organizations and

agencies to ensure the SDGs and strengthen the human rights agenda avoiding their politicization or using to exert pressure on other countries. The Republic of Belarus is making every effort to implement successfully all goals and targets of sustainable development directed to overcome the most significant global problems, and namely poverty, inequality, different types of discrimination, isolation and social exclusion.

Developing an equal and constructive dialogue with all international partners on a wide range of issues related to human rights and sustainable development is one of the most important tasks for the Belarusian foreign policy at this moment, as this mutually beneficial dialogue will make the modern world more stable and safe.

References

1. Baichorov, A. M. (1995). Disarmament and economic demilitarization. In: *Belarus: tuning to people. National Human Development Report*. Minsk, UNDP, p. 45–48.
2. Dastanka, A. A. (2015). Multilateralism in foreign policy of Belarus: European and Eurasian dimension. In: *Regional Formation and Development*, 15, 2, p. 5–15.
3. Selivanov, A. V. (2011) «Hands, which protect». The 60th Anniversary of the UNHCR and the 1959 Convention relating to the Status of Refugees: International Standards and Belarusian Experience. In: *Belarusian Idea*, 8, p. 28–32.
4. Shadurski, V. G. (eds.). (2016). Gender equality in higher education system: ways and means of achievement. Minsk, Unipack, 54 p.
5. Malevich, Y. (2001). Prava cheloveka v mirovoj politike (vtoraya polovina XX veka). [Human Rights in the World Policy (Second Half of the XX Century)]. Minsk, Tehnoprint, 256 p. (In Russ.).
6. Malevich, Y. (2004). Prava cheloveka v globalnom mire. [Human Rights in the Global World]. Moscow, AST, 368 p. (In Russ.).
7. Malevich, Y. (2006). Prava cheloveka v konfucianskoj traktovke. [Human Rights in the Confucian Treatment]. In: *Ways of the Celestial Empire: Collection of Scientific Works*, Ed. 1, p. 2, Minsk, BSU, p. 67–75. (In Russ.).
8. Malevich, Y. (2009). Dominantnye osobennosti prav cheloveka v Yugo-Vostochnoj Azii. [Main Peculiarities of Human Rights in Southeastern Asia]. In: *Belarus – China: collection of scientific works*, Ed. 4, Minsk, BSU, p. 44–48. (In Russ.).
9. Malevich, Y. (2009). Tradicii, pravovaya dinamika i paradigma konfucianstva v koncepcii gumanitarnogo razvitiya. [Traditions, Legal Dynamics and Paradigm of Confucianism in the Concept of Humanity Development]. In: *Belarus – China: collection of scientific works*, Ed. 4, Minsk, BSU, p. 48–62. (In Russ.).
10. Makei, V. (2013). Human Rights: What and Who Made Them Divide the World? In: *Russia in Global Affairs*, 2. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/number/Human-Rights-What-and-Who-Made-Them-Divide-the-World-16031> (accessed 2018 September 3).

Key words: foreign policy of the Republic of Belarus; international cooperation; the UN; sustainable development; human rights; overcoming of poverty and social inequality.

Received: 1.10.2018.

For citations: Froltsov, V. V. (2018). International cooperation of the Republic of Belarus in promotion of sustainable development and human rights. In: *Actual problems of international relations and global development : collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 6, p. 202–215.

About author: Froltsov Vladislav – Doctor of Sciences in History (Dr. Hab.), Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University (Minsk); e-mail: vlad.froltsov@gmail.com.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СОДЕЙСТВИИ УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ И ПРОДВИЖЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В. В. ФРОЛЬЦОВ

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

Продвижение прав человека, прогресс в области устойчивого развития и преодоление различных форм бедности на национальном, региональном и глобальном уровнях являются одним из важнейших направлений многосторонней дипломатии Республики Беларусь с момента обретения независимости в 1991 г. Опираясь на международный опыт Белорусской ССР как одного из основателей ООН, полученный в результате работы в ее основных органах, прежде всего Экономическом и социальном совете, а также специальных учреждениях, белорусская дипломатия наладила взаимовыгодное и эффективное сотрудничество с другими странами в решении многих важных проблем. Среди них такие ключевые и злободневные темы, как борьба с бедностью и неравным доступом к социальным благам и достижениям, а также преодоление регионального и структурного неравенства различных социальных групп и общностей.

Всесторонний диалог с нашими ведущими международными партнерами, включая особую роль сотрудничества с Китаем, продолжался и успешно развивался в начале XXI в. Это позволило Республике Беларусь внести свой вклад в современное понимание прав человека в контексте глобального устойчивого развития. Достижение его целей (ЦУР) до 2030 г., согласованное всеми членами ООН, является одной из наиболее важных задач для политики Республики

Беларусь и ее основополагающего видения продвижения прав человека в глобальном мире.

Наше их понимание основывается на универсальном, неделимом, взаимосвязанном, взаимозависимом и взаимодополняющем характере. В деле обеспечения каждой из наиболее важных категорий прав человека: гражданских, политических, экономических, социальных, культурных следует придерживаться одинаковых позиций и относиться к ним с равным вниманием. Международное сотрудничество в этой сфере должно быть направлено на укрепление взаимного доверия и разработку эффективных многосторонних механизмов для решения важнейших глобальных проблем.

Республика Беларусь последовательно и решительно выступает против любых попыток их политизации и призывает к комплексному подходу к соблюдению всех категорий прав и свобод человека в рамках международного сотрудничества, не пытаясь выделить среди них приоритетные или свести их к минимуму.

Ключевые слова: внешняя политика Республики Беларусь; международное сотрудничество; ООН; устойчивое развитие; права человека; преодоление бедности и социального неравенства.

Образец цитирования: *Froltsov V. V. International cooperation of the Republic of Belarus in promotion of sustainable development and human rights // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. – Минск, 2018. – Вып. 6. – С. 202–215.*

Автор: Фрольцов Владислав Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Дата поступления статьи: 1.10.2018.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

Сборник научных статей

Выпуск 6

В авторской редакции

Редактор Л.С. Большедворова.

Подписано в печать 21.12.18. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 11,3.

Тираж 100 экз. Заказ 495.

Издатель и полиграфическое исполнение

УП «Бестпринт». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/160 от 27.01.2014.

Ул. Филатова, 9. к. 1. 220026, г. Минск.